

Э. Ф. Найтъ.

II 170

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ ТУРЦІИ.

(The awakening of Turkey)

Переводъ съ англійскаго В. Брадиса.

Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго.

464.241

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Т-во Художеств. Печати“. Ивановская, 14.

1914.

Предисловіе къ русскому переводу.

Зачѣмъ появляться въ переводѣ на русскій языкъ сочиненію Найта, книгѣ, вышедшей по-англійски нѣсколько лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, значительно уже устарѣвшей? Зачѣмъ дѣлать это особенно въ виду того, что упованія Найта на свѣтлое будущее „новой“ Турціи подѣ управленіемъ, осыпаемыхъ авторомъ книги всякими похвалами, руководителей „Комитета Единенія и Прогресса“, ни въ малѣйшей мѣрѣ не оправдались?

Намъ кажется, что у всякаго, кто прочтетъ книгу Найта, отвѣты на эти вопросы явятся сами собою, и притомъ съ полной опредѣленностью: читатель подчерпнетъ изъ книги много чрезвычайно интересныхъ фактовъ, касающихся освободительнаго движенія въ Турціи, завершившагося полною побѣдою движенія надъ режимомъ турецкаго абсолютизма. Съ этой стороны книга Найта вполне заслуживаетъ вниманія читателей, — лишь случайностью можно объяснить, что она до сихъ поръ не явилась на русскомъ языкѣ, хотя о желательности ея перевода неоднократно говорилось на страницахъ нашей періодической печати. Книга въ очень сжатой и яркой формѣ даетъ всѣ руководящія въ области фактовъ указанія, необходимыя для пониманія причинъ возникновенія революціоннаго движенія въ Турціи и условій, благодаря которымъ оно восторжествовало, условій, лежавшихъ, какъ во всей соціально-политической структурѣ Оттоманской имперіи, такъ и, дѣйствительно, замѣчательной организаци, направлявшаго все движеніе, Комитета. Но самъ авторъ книги хорошъ и интересенъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ остается въ роли повѣствователя о прекрасно извѣстныхъ ему фактахъ, а отнюдь не тогда, когда онъ начинаетъ „теоретизи-

ровать“ по поводу этихъ фактовъ и давать имъ оцѣнку. Тутъ Найтъ обнаруживаетъ полнѣйшую несостоятельность, которую и иллюстрировало такъ ярко все дальнѣйшее теченіе событій въ Турціи. Тѣмъ не менѣе, и съ этой стороны книга Найта весьма любопытна, и любопытна именно въ томъ отношеніи, что даетъ превосходный отвѣтъ на вопросъ, какъ *не слѣдуетъ* поступать при рѣшеніи проблемы централизма и автономизма. Мы пройдемъ мимо взглядовъ Найта на проблему взаимоотношеній между трудомъ и капиталомъ,—взгляды эти до такой степени несостоятельны, что не заслуживаютъ даже того, чтобы на нихъ останавливаться,—но на апологій Найта централистически-націоналистическихъ воззрѣній младотурокъ остановиться небезполезно. Нарисовавши очень живо и интересно картину совершеннаго младотурками государственнаго переворота, Найтъ слѣдующимъ образомъ изображаетъ настроеніе новыхъ руководителей судьбами Оттоманской имперіи:

Въ числѣ семидесяти тысячъ изгнанниковъ и эмигрантовъ, возвратившихся въ Турцію послѣ провозглашенія конституціи изъ Европы и Америки, были, конечно, и такіе, которые познакомились съ русскими анархистами и другими крайними элементами и набрались ихъ теорій; но такихъ было ничтожное меньшинство, и вліяніе ихъ казалось совершенно незамѣтнымъ. То же самое можно сказать и о тѣхъ эмигрантахъ, которые, фланируя цѣлыми годами по Парижу, утратили нѣкоторые мусульманскія добродѣтели, а по возвращеніи стали дилетанствующими политиками, частью примкнувъ къ партіи, предлагающей послѣдовательное проведеніе принципа автономіи для всѣхъ народностей Турціи, т. е. такую программу, которая *ненавистна* болѣе серьезнымъ младотуркамъ, хорошо сознающимъ, что подобная политика *привела бы къ вѣрному распаденію имперіи*.

Привела или не привела бы „такая программа“, т. е. послѣдовательное проведеніе принципа автономіи „къ вѣрному распаденію имперіи“, по этому поводу можно строить какія угодно гипотезы, но уже не гипотеза, а засвидѣтельствованный всею слѣдующею послѣ переворота исторіей Оттоманской имперіи, фактъ гласитъ, что политика обратная, т. е. та централистически-націоналистическая программа, ко-

торую положили младотурки въ основу своего государственнаго строительства, привела именно къ полному развалу Турціи.

Съ того момента, какъ младотурки стали на путь признанія въ Оттоманской имперіи національности „господствующей“ и національностей ей „подчиненных“, все, совершенное освободителями Турціи отъ гамидовскаго режима, замѣчательное дѣло заколебалось въ самыхъ своихъ основахъ. Стоя на этомъ пути, младотурки, въ силу логики самой жизни, должны были очень скоро превратиться изъ освободителей въ угнетателей, а затѣмъ и пожать плоды своей дѣятельности въ этомъ направленіи. Уже въ 1910 году за предѣлами Оттоманской имперіи снова появилась,—и даже не „инородческая“ только, а состоящая изъ коренныхъ турокъ,—эмиграція. Появилась и обличительная по адресу младотурокъ „зарубежная“ литература. Предъ нами издававшійся на французскомъ языкѣ органъ одной изъ такихъ эмигрантскихъ группъ турокъ-автономистовъ — („Мешерутъетъ“, что значитъ „Оттоманскій Конституціоналистъ“), и въ немъ мы находимъ такія, напр., строки:

Тотчасъ послѣ іюльской революціи 1908 года Комитетъ Единенія и Прогресса славилъ за то, что имъ совершенъ безъ нужнаго кровопролитія, казавшійся тогда значительнымъ, переворотъ. Комитетъ не былъ одинокимъ въ трудахъ при совершеніи переворота, но онъ безраздѣльно пріѣлъ всю славу этого дѣла. Эту славу вожди Комитета сначала сильно скомпрометировали, а затѣмъ и окончательно загрязнили. Кто осмѣлится, обратиться теперь, какъ это было два года тому назадъ, съ привѣтствіемъ къ Комитету за его гуманныя чувства? Кто осмѣлится поздравлять его съ тѣмъ, что онъ не пролилъ крови? Свободу, которую вожди Комитета дали оттоманскому народу посредствомъ славной революціи 3 го армейскаго корпуса, они мало по малу отобрали у народа. Они совершили это путемъ революціи позорной, надъ которой они работали непрерывно, и которая привела нынѣ къ тираніи еще худшей, чѣмъ тиравія прежняя. На ихъ несчастье и на несчастье для страны, они не сумѣли во время удалиться со сцены. Достигнувъ власти, они начали нагромождать сначала ошибку на ошибку, а потомъ, будучи логичными на своемъ пути, преступленіе на преступленіи. Ихъ основная ошибка состояла въ политикѣ крайняго націонализма. Тогда какъ необ-

ходимъ былъ особенный тактъ и особенная осторожность въ дѣлѣ укрѣпленія единства населяющихъ Турцію народовъ, единство для котораго уже создалась почва въ энтузіазмѣ первыхъ дней послѣ провозглашенія конституціи, вожди Комитета сочли умѣстнымъ опубликовать въ ихъ официальномъ органѣ статью, озаглавленную: „раса управляющая и расы управляемая“, содержащую принципъ, составляющій корень всего зла. Грубо проповѣдовался методъ, имѣвшій цѣлью достигнуть объединенія всѣхъ, населяющихъ Турцію, племенъ не взаимнымъ ихъ соглашеніемъ въ признаніи синтеза, который можетъ быть названъ оттоманизмомъ, а навязываніемъ гегемоніи турецкаго племени, т. е. того, что носитъ имя „турцификаціи“. Само собою разумѣется, что подобная система, даже тогда, когда она кажется успѣшною, даетъ лишь видимость единства. Племена и національности, на которыхъ упражняютъ подобное насиліе, кажутся покорившимися своему властелину, но въ дѣйствительности они ждуть только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы сбросить наложенное на нихъ ярмо. Слѣдовало бы, напротивъ, объединить всѣ племена на основѣ ихъ общихъ экономическихъ интересовъ, привязывая ихъ къ себѣ покровительствомъ развитію богатства какъ общенациональнаго, такъ и отдѣльныхъ племенъ и совершая это не иначе, какъ подъ покровомъ абсолютно равной для всѣхъ справедливости. Но вожди Комитета приняли методъ дѣйствій, указывающій съ одной стороны на то, что люди эти недостаточно сильны, а съ другой, что они ни передъ чѣмъ не останавливаются на своемъ пути. Дикая грубость отличаетъ ихъ дѣятельность не только по отношенію къ „иностранцамъ“, не желающимъ мириться съ наложеннымъ на нихъ политическимъ и административнымъ игмомъ, но и по отношенію къ тѣмъ туркамъ, которые не раздѣляютъ такихъ взглядовъ. Политическія убійства стали дѣломъ обычнымъ, и анонимныя письма, содержащія угрозы смертью, сыплются массами на противниковъ Комитета. Шпіонажъ принялъ размѣры еще большіе, чѣмъ во время предшествовавшаго режима террора. Военные суды совершенно переобременены,—до такой степени велико количество „подозрительныхъ“, которые предаются этого рода судамъ.

Такъ писалось въ передовой статьѣ № 10 газеты „Mècheroutiette“ за 1910 годъ, которая издавалась въ Парижѣ подъ редакціей турка-автономиста Шерифъ-паши, занимавшаго раньше постъ турецкаго посланника въ Стокгольмѣ.

Допуская весьма обычные въ разгарѣ партійной борьбы преувеличенія и относя насчетъ этихъ преувеличеній такія выраженія статьи, какъ дѣятельность младотурокъ „привела нынѣ къ тираніи еще худшей, чѣмъ тиранія прежняя“, и т. п., все же необходимо признать полную справедливость утвержденія органа оттоманскихъ автономистовъ, что „основная ошибка младотурокъ состояла въ ихъ политикѣ крайняго націонализма“. Здѣсь именно лежалъ ихъ первородный грѣхъ, за который Турція и расплатилась потерей большинства своихъ владѣній на материкѣ Европы. Младотурки (какъ и восхваляющій ихъ политику Найтъ) считали, что автономія Македоніи или Албаніи приведетъ къ распаденію имперіи, и потому они стали практиковать „турцификацію“ этихъ странъ. Въ результатѣ они совсѣмъ потеряли и Македонію, и Албанію.

Мы считаемъ обвиненія младотурокъ въ оказавшемся, какъ и слѣдовало ожидать, пагубномъ для Турціи націонализмѣ справедливыми и на основаніи своихъ личныхъ впечатлѣній отъ пребыванія въ теченіе всего 1910 года на Балканскомъ полуостровѣ. Позволимъ себѣ привести цитату изъ одной статьи, тогда нами объ этомъ именно предметѣ напечатанной:

„Младотурецкое правительство, --- писали мы, --- рѣшительно отказывается стать на тотъ единственный путь, при которомъ новый порядокъ вещей въ Турціи могъ бы прочно консолидироваться, --- на путь признанія не на словахъ, а на дѣлѣ правъ населяющихъ турецкую имперію народовъ и дарованія, по крайней мѣрѣ, Македоніи и Арменіи, --- странамъ, культура которыхъ безъ всякаго сравненія выше турецкой, --- широкой автономіи. Такимъ, и только такимъ, путемъ страны эти были бы связаны съ сердцемъ имперіи самою крѣпкою связью. Правительство не становится на этотъ путь по двумъ причинамъ: 1) вслѣдствіе убѣжденія въ томъ, что результаты подобной реформы были бы нецементирующими государство, а еще болѣе его разлагающими, и 2) что дѣйствительное, фактическое уравненіе въ правахъ христіанъ съ мусульманами и дарованіе Македоніи и Арменіи автономіи раздражили бы въ огромной степени реакціонные элементы, и не была бы исключена поэтому возможность даже и новой контръ-революціи. Такими именно доводами стараются оправдать политику правительства его наиболѣе серьезные сторонники. Но если это такъ, если опасенія

младотурецкаго правительства (или Комитета „Единение и Прогрессъ“) вѣрны, то въ такомъ случаѣ положеніе турецкой конституціи надо признать безвыходно-трагическимъ, ибо и на томъ пути, на которомъ стоитъ правительство, симпатій „реакціонныхъ элементовъ“ оно все равно не завоеуетъ, а среди „оттомановъ“ нетурецкой національности своею политикою оно плодитъ себѣ все болѣе и болѣе самыхъ непримиримыхъ враговъ. Во время пребыванія въ Турціи мнѣ приходилось бесѣдовать на эту тему съ людьми самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, отъ дипломатовъ и до взятыхъ въ турецкую военную службу христіанскихъ солдатъ, отъ членовъ турецкаго парламента, журналистовъ, врачей, адвокатовъ, педагоговъ, армянскихъ „дашаакпационцевъ“ и до бывшихъ македонскихъ клубистовъ и болгарскихъ студентовъ константинопольскихъ высшихъ школъ, и я прямо долженъ сказать, что, за исключеніемъ нѣкоего журналиста-армянина, члена редакціи одной изъ издающихся въ Константинополѣ на французскомъ языкѣ, поддерживающихъ правительство, газетъ, защищавшаго въ разговорѣ со мною политику Комитета „Единение и Прогрессъ“, я не слышалъ ни о правительствѣ, ни о Комитетѣ не только ни одного добраго слова, но замѣчалъ крайнее противъ того и другого раздраженіе. Бросалась въ глаза весьма неблагоприятствующая консолидированію новаго строя психологія, въ основѣ которой лежитъ привычка: „чѣмъ хуже, — тѣмъ лучше“.

Правительство полагаетъ, что оно изъ двухъ зогъ выбираетъ меньшее, и что на немъ пути его ждутъ еще большія опасности, но я повторяю, что если оно право, то, значитъ, ему нѣтъ выхода, и дѣло молодой турецкой свободы надо признать безнадежно проиграннымъ; если же неправо, — а мнѣ кажется, что оно неправо, — то его упорное слѣдованіе по тому гибельному пути, по которому оно идетъ, надо объяснить не соображеніями только высшей политики, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство и Комитетъ сами — кость отъ кости и плоть отъ плоти турецкихъ понятій, взглядовъ и традицій, что если они являются выразителями, дѣйствительно, „духа народнаго“, то лишь въ смыслѣ той мусульманской части этого народа, которая, будучи гораздо менѣе культурна, чѣмъ другія, всосала въ себя съ молокомъ матерей идею о своемъ превосходствѣ надъ народами христіанскими и своемъ провиденціальномъ назначеніи надъ ними властвовать. Безъ полнаго и безусловнаго отреченія отъ подобнаго предразсудка младотурецкому правительству нельзя слѣлать по пути прогресса ни одного серьезнаго шага, но на путь такого отреченія вступить оно и не желаетъ, прикрывая это нежеланіе

соображеніями государственной важности, тогда какъ на самомъ дѣлѣ соображенія эти играютъ лишь служебную роль, подсказывая „хладному уму“ тѣ самые поступки, къ которымъ влечетъ и „горячее сердце“. (По „обновленной“ Турціи.— „Русская Мысль“, 1910 г., декабрь, стр. 62—63).

Роль Македоніи во время войны Турціи съ союзомъ другихъ балканскихъ государствъ съ очевидною ясностью доказала, до какой степени заблуждался Комитетъ Единенія и Прогресса въ самыхъ основахъ своей политики. Плоды такого заблужденія чрезвычайно поучительны и назидательны.

Такимъ образомъ книга Найта является интересною съ двухъ сторонъ: со стороны ея фактического содержанія и тѣхъ выводовъ, которые изъ нея сами собою напрашиваются.

По этимъ причинамъ она и предлагается въ русскомъ переводѣ вниманію читателей.

В. Богучарскій.

Предисловіе автора.

Въ этой книгѣ я имѣю въ виду дать отчетъ о ростѣ младотурецкаго движенія и исторію революціи, возвратившей Турціи ея конституцію. Я познакомился съ Турціей и турками въ началѣ царствованія Абдуль-Гамида. Тридцать лѣтъ тому назадъ я путешествовалъ пѣшкомъ по Сѣверной Албани и другимъ частямъ Европейской Турціи, и по разнымъ причинамъ находился въ этой странѣ въ то время, когда тамъ назрѣвали событія. Я видѣлъ турецкую армію на театрѣ военныхъ дѣйствій въ 1897 г. Въ прошломъ году я провелъ въ Константинополѣ и Салоникахъ нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ приобрѣлъ среди членовъ Комитета Единенія и Прогресса много друзей, которые снабдили меня большимъ количествомъ интересныхъ свѣдѣній относительно дѣятельности тайнаго общества, подготовившаго революцію минувшаго

іюля. И послѣ возвращенія въ Англію я, благодаря моимъ турецкимъ друзьямъ, оставался хорошо осведомленнымъ о ходѣ событій; они присылали мнѣ различные документы, въ томъ числѣ дневникъ Ніазибей, гдѣ имѣется подробный разсказъ о приключеніяхъ, испытанныхъ имъ послѣ того, какъ онъ поднялъ въ Реснѣ знамя возстанія и отправился съ своимъ отрядомъ въ горы, намѣреваясь поднять мусульманское и христіанское населеніе противъ Абдуль-Гамида. Эти документы, переведенные для меня съ турецкаго профессоромъ Хагопіаномъ, позволили мнѣ, я надѣюсь, дать о революціонномъ взрывѣ отчетъ, болѣе полный и точный, чѣмъ всякій другой, появляющійся на любомъ изъ западныхъ языковъ.

Эта книга была уже въ печати, когда 13 апрѣля разразилась контръ-революція. Къ счастью, я воздержался отъ пророчествъ, а потому теперь нахожу, что написанное мною не нуждается ни въ какихъ измѣненіяхъ; я лишь прибавилъ къ своему сочиненію еще одну главу, гдѣ рассказываю о контръ-революціи, о походѣ македонской арміи на Константинополь, о триумфѣ младотурокъ, низложеніи Абдуль-Гамида и провозглашеніи новаго султана Турціи Его Величества Магомета V.

Ф. Н.

Лондонъ,
май 1909 г.

I.

Упадокъ Оттоманскаго могущества. Турецкій народъ. Его достоинства. Масульманскій фанатизмъ. Семейная жизньъ.

Турція, нѣкогда столь обширная и могущественная, подверглась въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій постепенному распаденію. Владѣніе за владѣніемъ вырывалось у ней въ Европѣ, Азійи и Африкѣ. На материкѣ Европы, послѣ потери Греціи, Болгаріи, Румыніи, Сербіи, Босніи, Кроаціи и Герцоговины, а также тѣхъ странъ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря (нѣкогда турецкаго озера), которыя теперь образуютъ часть Южной Россіи, у Турціи осталась лишь неширокая полоса земли, протянувшаяся черезъ середину Балканскаго полуострова отъ Чернаго моря до Адриатики.

Деспотическая система правленія дѣйствовала въ Турціи достаточно хорошо лишь въ то время, когда она была завоевательной, захватывающей все новыя и новыя земли націей, но, какъ только она перестала быть таковой, когда ее окружили христіанскія державы, достаточно сильныя для того, чтобы остановить ея наступательное движеніе, система эта, будучи несовмѣстима съ прогрессомъ, перестала связывать имперію въ одно цѣлое. Тогда и началось распаденіе. Внутренніе безпорядки, обусловленные недостатками ея управленія, вмѣстѣ съ алчностью и вѣроломной политикой ея могущественныхъ сосѣдей угрожали Турціи полной гибелью. Россія и Австрія успѣшно вели съ нею войны и овладѣвали ея пограничными областями, въ то же время раздраженное христіанское населеніе Европейской Турціи поднялось и завоевало себѣ независимость. Такимъ образомъ были выкроены изъ Турціи Греція, Болгарія и другія королевства и княжества.

Сверхъ того, до самаго послѣдняго времени христіанскія народности внутри и вѣе ея границъ ссорились другъ съ другомъ изъ-за проектированнаго ими новаго захвата, который дѣйствительно былъ бы для Турціи началомъ конца — раздѣла Македоніи.

За ту жестокость, испорченность и неспособность, которая характеризовала турецкое правительство, значительная часть З.-Европейскаго общественнаго мнѣнія сдѣлало отвѣтственнымъ самый турецкій народъ. Существуетъ поговорка, что всякая нація имѣетъ такое правительство, какого она заслуживаетъ; но это справедливо только въ томъ случаѣ, если нація предоставлена возможность самоопредѣленія. Въ Турціи же народъ не имѣлъ никакихъ шансовъ на полученіе такого правительства, какого онъ заслуживалъ, такъ какъ сохранять всѣ недостатки деспотическаго правленія было въ интересахъ могущественныхъ враговъ Турціи, поэтому, всякій разъ, когда турки дѣлали попытку привести въ порядокъ свои домашніе дѣла, та или другая христіанская держава, опасаясь, какъ бы реформированная Турція не оказалась сильной Турціей, обрушивалась на нее вооруженной силой или какимъ-нибудь другимъ способомъ и становилась поперекъ дороги задуманнымъ измѣненіемъ. Сверхъ того, державы, которыя не прочь были расширить свои территории за счетъ Турціи, тщательно заботились о томъ, чтобы въ предѣлахъ ея никогда не наступалъ миръ, и вызывали волненія, побуждая къ возстанію христіанъ и раздувая смуту, которая могла бы служить предлогомъ и оправданіемъ для политикѣ вмѣшательства и захвата. Ни одинъ способъ борьбы не былъ въ глазахъ этихъ державъ нравственно недопустимымъ. Напримѣръ, среди многихъ другихъ агентовъ-провокаторовъ былъ одинъ дервишъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ тайнаго платнаго агента одной державы, проповѣдывалъ въ Малой Азіи священную войну противъ гяуровъ и возбуждалъ мусульманское населеніе къ нападенію на жителей-христіанъ. Можно привести много другихъ примѣровъ вѣроломства враговъ Турціи и ихъ крайне недобросовѣстнаго, по отношенію къ ней, образа дѣйствій.

Такимъ образомъ какъ собственное дурное правительство Турціи, такъ и интриги тѣхъ, кто зарился на богатые земли, все еще находившіяся въ ея владѣніи, неуклонно

вели ее къ вѣрной гибели. Даже лучшіе ея друзья отчаялись въ ея возрожденіи, ибо реформы *извнѣ*, предпринятныя державами, означали бы потерю независимости, въ то время какъ реформы *изнутри* представлялись совершенно невозможными. Казалось уже, что Турція обречена на скорое исчезновеніе съ карты Европы, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, сами турки—все, что было лучшаго и наиболѣе патріотическаго въ населеніи имперіи,—смѣло выступили впередъ, желая сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку защитить независимость своей родины. „Младотурки“ свергли деспотизмъ, едва не погубившій ихъ страну, и приняли бразды правленія, обнаруживъ твердость, справедливость, благоразуміе и умѣренность въ своей почти безкровной революціи, вызвавшей почтительное удивленіе всѣхъ честныхъ людей образованнаго міра. Похоже на то, какъ будто эти люди хотѣли доказать міру, что реформы могутъ выйти *изнутри* даже въ Турціи; лишь бы только туркамъ была дана возможность самоопредѣленія, которой они раньше никогда не имѣли, и лишь бы алчнымъ врагамъ не было дозволено помѣшать осуществленію стремленій освобожденнаго, наконецъ, народа.

Тѣ англичане, которые знаютъ и, значить, любятъ и уважаютъ турецкій народъ, радуются тому, что старинная дружба между Англіей и Турціей теперь восстановлена, и что англійскій народъ, наконецъ, начинаетъ сознать, какъ несправедливо было отношеніе значительной части общественнаго мнѣнія къ этой благородной расѣ послѣднія тридцать лѣтъ. Было время, когда мы знали турокъ лучше. Въ крымскую войну наши офицеры имѣли случай близко познакомиться съ нашими союзниками. Между джентльменами обѣихъ странъ было тогда завязано много прочныхъ, всю жизнь сохраняемыхъ дружескихъ отношеній, которыя имѣли столь большое значеніе, что въ теченіе многихъ лѣтъ направляли нашу дипломатію. Можетъ показаться излишнимъ начинать это небольшое сочиненіе объясненіемъ того, что за люди эти турки; но ихъ такъ часто представляли въ невѣрномъ видѣ, и такъ широко распространено неправильное представленіе о нихъ, что нѣсколько словъ на эту тему будутъ здѣсь, можетъ быть, не совсѣмъ неумѣстны.

Пять съ половиной столѣтій прошло съ тѣхъ поръ,

какъ турки-мусульмане—средне-азиатскій народъ, родствен-
ный монголамъ—захвативъ азиатскія владѣнія приходив-
шей въ упадокъ Византийской имперіи, пересѣкли Бос-
форъ и, завоевывая все новыя и новыя страны, прочно
утвердились въ Европѣ. Еще въ Малой Азіи можно, по-
жалуй, найти крестьянъ чистой турецкой крови, но въ
Европейской Турціи, этой „кладовой племенъ“, сильное
и благородное турецкое племя такъ перемѣшалось со мно-
жествомъ другихъ, что характерныя расовыя черты Ос-
мановъ совершенно исчезли. Найти черты монгольскаго
типа среди современныхъ турокъ трудно, чѣмъ среди
христіанскихъ народовъ, находящихся подъ ихъ властью.
Напримѣръ, болгары, говорящіе на славянскомъ языкѣ и
обыкновенно причисляемые къ славянскимъ народамъ,
часто имѣютъ плоскія лица, выдающіяся скулы и малень-
кіе скошенные глаза, что выдаетъ ихъ происхожденіе отъ
кочевниковъ азиатскихъ степей.

Въ Европѣ нѣтъ народа красивѣе турокъ: здѣсь въ
результатѣ скрещиванія многихъ мужественныхъ племенъ
получилась необыкновенно изящная порода людей. Сове-
ременный турокъ—кавказецъ высшаго типа, и сочетаетъ въ
себѣ нѣкоторыя лучшія качества народовъ Запада и Вос-
тока. Правда, кое-что изъ его специфически-восточныхъ
качествъ стоитъ поперекъ дороги тому, что дѣятельные
народы Запада зовутъ прогрессомъ. Турокъ непредусмо-
трителенъ и часто расточителенъ; онъ фаталистъ, тер-
пѣливо переноситъ всѣ неудачи и страданія, какія выпа-
даютъ на его долю, и обнаруживаетъ лѣнливое нераспо-
ложеніе бороться съ судьбой. „Dieu aide, qui s' aide“—
эта пословица выражаетъ возрѣніе, прямо противополож-
ное его мусульманскому фатализму. Но какъ ни трудно
побудить его къ дѣятельности, онъ, разъ принявъ рѣше-
ніе, проявляетъ большую энергію и неуклонно стремится
къ цѣли, какъ это было недавно доказано міру тщатель-
ной подготовкой и рѣшительнымъ выполненіемъ турецкой
революціи. Во всякомъ случаѣ недостатки турокъ, по
большей части, принадлежатъ къ числу извинительныхъ,
и большинство англичанъ, побывавшихъ на Ближнемъ
Востокѣ, согласятся съ лицомъ, авторитетнымъ въ поли-
тикѣ этой страны, отвѣтившимъ слѣдующее на вопросъ,
предложенный ему интервьюеромъ: „Людьми, понравив-
шимися мнѣ больше всѣхъ другихъ народовъ, съ какими

я встрѣчался на Востокѣ, были турки. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ турки казались мнѣ болѣе похожими на англичанъ и болѣе джентльменами, чѣмъ любой изъ прочихъ народовъ. Турокъ—мужественный человѣкъ, съ спокойными и изящными манерами; онъ не спѣшитъ высказывать своихъ симпатій и антипатій. Живущіе тамъ европейцы смотрятъ на турка, какъ на порядочнаго человѣка, и считаютъ его человѣкомъ, который не измѣнитъ своему слову“.

Слѣдуетъ замѣтить, что испорченныхъ чиновниковъ, созданныхъ Дворцомъ, который оказывалъ развращающее вліяніе на все, съ чѣмъ онъ входилъ въ соприкосновеніе, отнюдь нельзя считать представителями турецкаго народа. Типическій турокъ обладаетъ достоинствами и недостатками каждаго народа—завоевателя, народа—господина. Онъ смѣль, вѣренъ и честенъ, хотя живетъ среди народовъ, которые не отличаются ни вѣрностью, ни честностью, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ не хватаетъ также и мужества. Турокъ, кромѣ того, проникателенъ и одаренъ здравымъ смысломъ, онъ не мечтатель, какъ арабы и нѣкоторые другіе народы, исповѣдывающіе исламъ. У него нѣтъ быстрого, живого ума нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ, и онъ можетъ, пожалуй, показаться нѣсколько тупымъ, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ англичанинъ тупъ въ глазахъ сосѣдней болѣе яркой націи. Но эта самая тупость, или какъ бы ее тамъ ни назвать, къ счастью, предохранила турокъ отъ мечтаній; поэтому никакой неосуществимый идеалъ, никакія фантазіи о переустройствѣ общества, не направили практической и благоразумной революціи на тотъ ужасный путь кровопролитія и анархіи, по которому болѣе пылкія націи слѣпо шли въ погоню за свободой, и пришли къ тираніи, угнетавшей сильнѣе, чѣмъ худшіи изъ деспотизмовъ.

Всѣ, хорошо знающіе турокъ, указываютъ на то, что они гостепріимны, сдержанны, неспособны ни на что низкое, искренни въ своей дружбѣ—разъ турокъ сталъ вашимъ другомъ, онъ имъ будетъ всегда—и,—хотя враги ихъ утверждали какъ разъ обратное,—турки мягки и гуманны. О постоянствѣ ихъ дружбы я знаю по личному опыту. Если турокъ вашъ другъ, вы можете безусловно довѣрять ему, будь онъ даже—чѣмъ его иногда дѣлаетъ положеніе вещей въ его родинѣ—преступный убійца. Я

самъ имѣлъ друзей среди турецкихъ разбойниковъ, а сэръ Вильямъ Уитоль, знающій турокъ такъ хорошо, какъ это возможно для англичанина, ищетъ слѣдующія сочувственныя слова о своемъ другѣ бандитѣ Реджебѣ. „Миръ его праху! Онъ теперь въ могилѣ. Разбойникъ онъ или не разбойникъ, но я искренно уважалъ его, какъ человѣка. Его вѣрность была похожа на вѣрность собаки, и онъ спасалъ мою жизнь, рискуя своей собственной. За 50 лѣтъ мнѣ пришлось имѣть много приключеній съ мало-азіатскими разбойниками, и я долженъ сказать, что если это были турки, и если я чѣмъ-либо помогалъ кому-нибудь изъ ихъ друзей или дружественныхъ селеній—а дѣлать это я считалъ необходимымъ въ каждой нецивилизованной странѣ—то я никогда ничего не боялся; хотя меня часто можно было захватить, этого не случилось ни разу. Разбойникамъ-христіанамъ я такъ не довѣрялъ бы“.

Мягкость и гуманность принадлежать къ наиболѣе выраженнымъ характеристическимъ чертамъ турка. На его жестокости въ военное время, когда разбужены его страсти, я остановлюсь позднѣе, но относительно его доброжелательности и милосердія въ его отношеніяхъ къ ближнимъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Ни въ одной европейской странѣ съ животными не обращаются такъ хорошо, какъ въ Турціи. Турокъ никогда не бываетъ жестокъ со своею лошадыю, быкомъ или какимъ-либо другимъ домашнимъ животнымъ; объ этомъ хорошемъ обращеніи свидѣтельствуетъ удивительная прирученность животныхъ въ Турціи. Въ Константинополѣ бродячія собаки, собаки-парии, валяются по улицамъ десятками тысячъ; живутъ онѣ частью отбросами, частью остатками пищи, которые выставляютъ для нихъ даже самые бѣдные турки. Эти собаки, хотя и дерутся между собою, но къ человѣку не обнаруживаютъ ничего, кромѣ пріязни и довѣрія. Если такая собака лежитъ поперекъ узкаго тротуара, она никогда не поднимется, чтобы дать дорогу: она знаетъ, что ни у одного турка не хватитъ духа оттолкнуть ее ногой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ американецъ предлагалъ крупную сумму за право очистить Константинополя отъ бродячихъ собакъ (цѣлью его было продать ихъ шкуры перчаточнымъ фабрикантамъ). Но населеніе, услышавъ объ этомъ, подняло вопль

негодования, и если бы планъ этотъ не былъ оставленъ, могли бы произойти серьезные безпорядки. Въ турецкихъ городахъ нѣтъ надобности въ обществахъ покровительства животныхъ.

Враги турокъ часто утверждали, что магометанскій фанатизмъ османовъ дѣлаетъ нежелательнымъ, чтобы они продолжали занимать часть христіанской Европы. Но чтобы не поступить съ послѣдователями мусульманской религіи несправедливо, необходимо, прежде всего, не забывать, что первоначальный исламъ никогда не преслѣдовалъ христіанства съ такой жестокостью, съ какой христіанство преслѣдовало исламъ, какъ это было, напри- мѣръ, въ Испаніи. Мусульманъ учили, что ихъ долгъ— обращать или уничтожать идолопоклонниковъ, но что они должны уважать „народъ писанія“. Развѣ самъ Магометъ не разостлалъ по землѣ своего плаща передъ пришедшими къ нему христіанскими послами, выказывая имъ, такимъ образомъ, свое уваженіе? Развѣ мусульмане не вѣрятъ, что въ день Суда Судіей будетъ Іисусъ Христосъ, и что пророкъ Мохаммедъ будетъ стоять рядомъ съ нимъ, какъ посредникъ и вступникъ? Когда турки завоевывали земли христіанъ, они христіанъ не избивали, какъ не всегда и пора- бощали ихъ; не вмѣшивались они и въ ихъ религіозныя дѣла. Подъ болѣе безкорыстной властью мусульманъ покоренные греки увидѣли себя менѣе обремененными податями и вообще въ лучшемъ положеніи, чѣмъ подъ властью по- слѣднихъ императоровъ Византійской имперіи. Ту же терпимость проявляли турки и по отношенію къ евреямъ, какъ почитателямъ Единого Бога; именно въ Турціи, гдѣ евреи очень многочисленны, они счастливы и все еще говорятъ на старинномъ испанскомъ діалектѣ; они нашли тамъ себѣ пріютъ послѣ того, какъ были изгнаны изъ Испаніи преслѣдованіями Фердинанда и Изабеллы.

Тотъ фактъ, что позднѣе въ магометанствѣ развился яростный антихристіанскій фанатизмъ, въ значительной мѣрѣ объясняется сотнями политическихъ столкновеній съ христіанскими народами и ѣми многочисленными войнами, которыя туркамъ приходилось вести, чтобы за- щитить исламъ отъ никогда не прекращавшагося наступленія со стороны Европы. Въ предѣлахъ самой Турецкой им- періи, напри- мѣръ, въ Аравіи и Сѣверной Албаніи, опас- ное по своему фанатизму мусульманское населеніе найти

можно, но оно не турецкаго происхожденія. Въ большинствѣ случаевъ турки, какъ образованные, такъ и необразованные, хотя религіозные, по не фанатики, и въ силу этого, ихъ не считаютъ ревностными мусульманами; извѣры арабы часто прямо зовутъ ихъ „кефирами“. Изъ всѣхъ различныхъ народовъ, населяющихъ Турцію, наименѣе нетерпимыми являются, несомнѣнно, турки-мусульмане. Христіане различныхъ толковъ ненавидятъ тамъ другъ друга такъ, какъ ни одинъ турокъ—христіанъ, и ни одинъ христіанинъ—турокъ. Православные греки и схизматики-болгары, преслѣдуя другъ друга въ Македоніи употребляютъ самые варварскіе методы борьбы. Когда Болгарія составляла часть Турціи, болгарамъ часто приходилось умолять турокъ защитить ихъ отъ фанатиковъ-грековъ. То же было и съ католиками, которые, находясь въ Турціи въ меньшинствѣ, были бы безъ сомнѣнія истреблены своими братьями-христіанами, если бы не защита, оказанная имъ турками, результатомъ которой было то, что они стали признательны и лояльны по отношенію къ Оттоманской власти. Недавняя революція, повидимому, окончательно смела прочь тѣ остатки религіознаго фанатизма, которые все еще оставались у турокъ-магометанъ, а сами младотурки, освободители націи и дѣйствительные ея правители, совершенно свободны отъ него. Я бесѣдовалъ съ сотнями этихъ младотурокъ, имѣю среди нихъ много друзей и могу сказать, что ни въ одной странѣ я не встрѣчалъ людей съ болѣе широкими взглядами и болѣе терпимыхъ. Въ послѣдніе годы исламъ, несомнѣнно, претерпѣлъ, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, нѣкоторыя измѣненія, выигравъ черезъ то въ силѣ. Самъ шейхъ-уль-исламъ, глава улемовъ—т. е. ученыхъ правовѣдовъ, обязанность которыхъ истолковывать юридическія предписанія Корана, и которые до сихъ поръ представляли собою наиболѣе фанатическій и консервативный элементъ въ Турціи,—самъ шейхъ-уль-исламъ рѣшился затратить много труда на то, чтобы внушить мусульманскому народу, на который онъ, въ силу своего положенія, имѣетъ огромное вліяніе, что дарованная странѣ конституція, хотя и вводитъ принципъ полнаго равенства мусульманъ, христіанъ и евреевъ, однако, находится въ полномъ согласіи съ ученіемъ Корана.

Принявшись за эту, довольно пространную защиту

турецкаго народа, я скажу еще нѣсколько словъ о другомъ, столь же распространенномъ предразсудкѣ относительно него. Часто утверждаютъ, что магометанскій институтъ многоженства, результатомъ котораго является, будто бы, униженіе женщинъ, несомнѣстимъ ни съ прогрессомъ, ни съ умственнымъ и нравственнымъ благоденствіемъ націи, и что уже это одно дѣлаетъ турокъ непригодными къ роли господъ надъ частью Европы. Но тутъ должно напомнить, что много разныхъ народовъ исповѣдуетъ магометанскую религію, что одни изъ нихъ, дѣйствительно дики, другіе приходятъ въ упадокъ, какъ это бываетъ и среди народовъ, исповѣдующихъ христіанство; но на основаніи того, что турки—мусульмане, приписывать имъ все недостатки и пороки прочихъ мусульманскихъ народовъ—значить поступать несправедливо. Я не намѣренъ обсуждать вопроса о слѣдствіяхъ многоженства, но могу указать, что турокъ, въ отличіе отъ араба, не склоненъ по природѣ своей имѣть много женъ; что бы ни происходило въ нѣкоторыхъ другихъ мусульманскихъ странахъ, въ Турціи униженія женщинъ нѣтъ. Турецкія крестьянки такъ же далеки отъ униженія, какъ и женщины ихъ класса въ остальной Европѣ. Нѣкоторымъ англичанамъ, быть можетъ, странно будетъ услышать, что скромно живущій турокъ средняго или высшаго класса, несмотря на то, что его религія дозволяетъ ему брать четырехъ женъ, въ большинствѣ случаевъ ограничивается одной. Изъ тѣхъ младотурокъ, съ которыми я встрѣчался, ни одинъ, насколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ болѣе одной жены, и отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ я слышалъ неодобрительные отзывы объ обычай многоженства. Англичанки, у которыхъ есть друзья среди турецкихъ женщинъ, рассказываютъ о томъ, какъ хорошо онѣ воспитаны, какъ прелестны и—въ самое послѣднее время—образованы. Такъ какъ большинство турокъ придерживаются въ своей семейной жизни старинныхъ обычаевъ, то иностранцу, посѣщающему домъ своего турецкаго друга, не представляется никакой возможности увидѣть его жену; зато маленькія дѣвочки, лѣтъ до двѣнадцати, приводятся обыкновенно гордымъ отцомъ взглянуть на посѣтителя; этимъ дѣтямъ нестыдно было бы показаться и въ Англии, причемъ изящныя манеры, понятливость и тщательное воспитаніе, обыкновенно ими полученное

(они почти всегда владѣютъ французскимъ или какимъ-нибудь другимъ европейскимъ языкомъ), говорятъ сами за себя. Неизмѣнное и глубокое уваженіе, которое турокъ всю жизнь питаетъ къ своей матери, опровергаетъ тотъ вздоръ, который иногда рассказываютъ относительно положенія женщинъ въ Турціи. Турецкія женщины, уважаемыя и пользующіяся довѣріемъ, въ дѣйствительности свободнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и сама революція, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, своимъ уснѣхомъ обязана, въ извѣстной степени, ихъ энергичному содѣйствію.

Нѣкоторое представленіе о національномъ характерѣ народа можно составить по его литературѣ. Турецкая литература, классическая форма которой была заимствована отъ литературы персидской, испытала, какъ и многое другое въ Турціи, процессъ модернизации; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она находилась подъ вліяніемъ Западной, особенно французской литературы. Простота и ясность въ выраженіи мыслей заняли мѣсто преднамѣренной запутанности и искусственности, характеризующихъ восточную письменность. Стэпли-Лэпъ-Пуль въ турецкомъ томѣ своей превосходной серіи „Рассказы о націяхъ“ (The Story of the Nations), слѣдующимъ образомъ заключаетъ свою главу о турецкихъ писателяхъ: „Общій тонъ современной турецкой поэзіи очень пѣженъ и очень печаленъ. Нынешніе оттоманскіе поэты любятъ останавливаться преимущественно на такихъ темахъ, какъ увядающій цвѣтокъ или умирающая отъ чахотки дѣвушка; хотя это стоитъ, быть можетъ, въ связи съ подражаніемъ новой французской школы, однако, когда мы читаемъ эти мелодическіе и жалобные стихи, сама собой является мысль, что мужественный, но мягкій сердцемъ народъ, который смотритъ на свое будущее безъ страха, но и безъ надежды, старается (быть можетъ, бессознательно) найти нѣкоторое печальное утѣшеніе въ мысли о томъ, что самая прекрасная жизнь должна окончиться мрачной смертью“. Я встрѣчалъ кой-кого изъ современныхъ турецкихъ поэтовъ; это очень энергичные люди, хотя произведенія ихъ носятъ описанный выше отпечатокъ меланхоліи, причиной которой является, по моему мнѣнію, политическая ссылка на долгое время въ чужія страны и скорбь о страданіяхъ ихъ дорогого отечества. Но теперь, когда печальные дни Турціи мино-

вали, произведенія этихъ людей, горячихъ патріотовъ и вѣрящихъ въ лучшее будущее, начинаютъ отражать триумфъ, энтузіазмъ и надежды, характеризующія молодую турокъ со времени ихъ успѣшнаго возстанія противъ деспотизма.

II.

Оклеветанный народъ.—Жестокости—Симпатія европейцевъ къ оттоманскимъ христіанамъ.—Никому неизвѣстныя страданія мусульманъ.—Политика „всѣхъ пожитковъ“.

Таковъ народъ, о которомъ еще недавно говорили не иначе, какъ объ „ужасныхъ туркахъ“. Въ продолженіе тридцати лѣтъ эти „ужасные турки“ терпѣли сами отъ жестокой тирании, не встрѣчая почти никакого сочувствія со стороны З. Европы; ибо ихъ „двойнымъ несчастіемъ“—пользуясь словами одной статьи въ Times'ѣ—„было то, что они находились подъ гнетомъ и въ то же время были предметомъ ненависти за жестокость ихъ угнетателя. Ихъ хорошихъ сторонъ міръ не зналъ. Ихъ имя стало синонимомъ жестокости, насилій и фанатизма“. На каждаго, пытавшагося защитить турокъ, въ Англіи большинство смотрѣло, какъ на безсердечнаго негодяя. Очень многіе англичане переставали быть справедливыми, лишь только дѣло доходило до турецкаго вопроса, который къ тому времени началъ играть роль и въ нашей партійной политикѣ, вызывая повсюду религіозное ослѣпленіе. Одна политическая партія открыто объявила себя антитурецкой, причемъ множество христіанъ, имѣвшихъ наилучшія намѣренія, но, тѣмъ не менѣе, поступавшихъ несправедливо, подходили къ этому пункту съ предвзятымъ мнѣніемъ о туркахъ, какъ о живомъ воплощеніи всего злого, и потому брали подъ свою защиту дѣло христіанскихъ враговъ Турціи, какъ дѣло по необходимости правое. Такого же сорта сектантская ограниченность побудила хорошо извѣстныхъ проповѣдниковъ—но не членовъ нашей государственной церкви—молить объ успѣхѣ американцевъ въ ихъ войнѣ съ Испаніей, потому что испанцы—католики, а страна ихъ—„страна инквизиція“. Поэтому, когда христіанскіе подданные Турціи

въ 70-ыхъ годахъ возстали, и русскіе пришли къ нимъ на помощь, то турки были выставлены на позорище, какъ злые духи въ человѣческомъ образѣ, убійцы, насильники и мучители кроткихъ христіанъ. Все безусловно вѣрили всякому свидѣтельству изъ вторыхъ и даже изъ третьихъ рукъ, какъ бы мало вѣроятно оно ни было, лишь бы только оно было противъ турокъ, въ то время какъ обвиненія въ жестокости русскихъ и болгаръ, поддерживаемыя даже наиболѣе заслуживающими довѣрія очевидцами, встрѣчали совершенно иной пріемъ. Считалось невѣроятнымъ, чтобы христіане могли совершать подобныя вещи.

Однако, каковы были факты? Прежде всего, несомнѣнно, что Россія, заинтересованная въ ослабленіи Турціи, подстрекала болгаръ къ возстанію при помощи агентовъ-провокаторовъ. Путешественники, посѣщавшіе Болгарію поредъ Русско-Турецкой войной, удостовѣряютъ, что болгарскому крестьянству жилось въ то время лучше, чѣмъ какому бы то ни было другому народу въ Турціи. Трудно допустить, чтобы болгары поднялись по своему собственному почину, такъ какъ они должны были видѣть, что у нихъ существуетъ полное основаніе быть признательными туркамъ, которые пришли къ нимъ на выручку, когда греки, ихъ братья-христіане, вознамѣрились уничтожить болгарскую церковь, языкъ и національность. Далѣе, теперь установлено, что жестокости начаты были не турками, а христіанами. Болгары, возставъ, разоряли и жгли турецкія деревни, совершая самыя возмутительныя преступленія и избивая безоружныхъ мусульманъ, ихъ женъ и дѣтей. Есть свидѣтельства въ пользу того, что турецкія регулярныя войска держались по отношенію къ христіанскому населенію сдержанно до тѣхъ поръ, пока ихъ страсти не были разбужены варварскими поступками со стороны болгаръ и русскихъ казаковъ. Тогда, дѣйствительно, турки, возмущенные страданіями своихъ единовѣрцевъ, жестоко отомстили, возбудивъ негодованіе всего цивилизованнаго міра. Турки, которыхъ жестокость другихъ дѣлаетъ свирѣпыми, менѣе всякаго другого народа способны на жестокость бевцѣльную, и тѣ, кто подобно мнѣ, видѣли ихъ армію въ военное время, могутъ удостовѣрить ихъ гуманное обхожденіе съ плѣнными и гражданскимъ населеніемъ непріятельской

страны. Кромѣ того, надо не забывать, что самую свирѣпую жестокость въ Болгаріи проявило не турецкое регулярное войско, которому ихъ приписываютъ, а фанатики-черкесы и баши-бузуки, т. е. плохо дисциплинированное иррегулярное войско, набранное изъ преступниковъ и подонковъ разныхъ племенъ и ненавидимое за свои эксцессы самими турками.

Дурная репутація, приобрѣтенная такимъ образомъ турками во время войны съ Россіей, сохранилась за ними и въ слѣдующіе годы; благодаря невѣжественному предвзятому мнѣнію, люди привыкли приписывать имъ всѣ жестокости, совершенныя дворцовой камарильей, включая сюда и ужасную армянскую рѣзню, учиненную не турками, которые смотрѣли на это преступленіе съ омерзѣніемъ, а дикими курдами и лазами, по наущенію тѣхъ, въ рукахъ кого была власть надъ несчастной страной. Во многихъ отношеніяхъ турки страдали отъ деспотическаго правленія больше, чѣмъ подданные султана—христіане, но всѣ симпатіи нашихъ гуманитаріе были на сторонѣ послѣднихъ, между тѣмъ какъ на долю мусульманъ не оставалось ни жалости, ни сочувствія. Въ позднѣйшіе годы политическіе интриганы въ Афинахъ, Софіи и Бѣлградѣ поддерживали шайки разбойниковъ-христіанъ (четы) въ Македоніи съ цѣлью содѣйствія взаимно враждебнымъ интересамъ грековъ, болгаръ и сербовъ, заранѣе, такимъ образомъ, готовясь къ свалкѣ изъ-за дѣлежа этой богатой страны, который долженъ былъ послѣдовать за предполагаемымъ крушеніемъ Оттоманской имперіи. Эти шайки жгли деревни и убивали женщинъ и дѣтей, причемъ ихъ эксцессы были одинаково направлены противъ христіанъ и противъ турокъ. Въ апрѣлѣ 1908 года болгарская шайка сожгла на кострѣ греческаго священника. Инцидентъ этотъ прошелъ незамѣченнымъ. А какой вопль поднялся бы въ томъ случаѣ, если бы это было сдѣлано мусульманами!

Итакъ, у христіанъ множество друзей, у турокъ же ихъ почти нѣтъ. Ни одинъ голосъ не раздавался въ ихъ защиту, никѣмъ не было повѣдано міру о тѣхъ несправедливостяхъ, которыя имъ причинялись. При этомъ турки не принадлежатъ къ числу тѣхъ людей, которые могли бы сами рассказать о собственномъ положеніи своимъ европейскимъ хулителямъ: турокъ лучше владѣть

мечомъ, чѣмъ перомъ, и не такъ искусенъ, какъ грекъ или болгаринъ, въ составленіи трогательныхъ, хотя и не всегда соответствующихъ дѣйствительности, разказовъ о своихъ несчастіяхъ; вообще, онъ слишкомъ гордъ, чтобы защищаться противъ клеветы, на всѣ нападки онъ отвѣчаетъ молчаливымъ презрѣніемъ. Крімъ того, турки, будучи настоящими патріотами, не могли обратиться за помощью къ иностраннымъ державамъ, какъ это дѣлали христіане. Здѣсь умѣстно привести нѣсколько строкъ изъ статьи, недавно написанной Галиль-Галидомъ: „отъ деспотическаго режима мусульмане терпѣли столько же, сколько и христіане, и во многихъ мѣстахъ даже больше. Они покорялись не волѣ своего владыки, а суровой судьбѣ; турецкій патріотизмъ, лишь недавно получившій должную оцѣнку, былъ слишкомъ великъ, чтобы турки могли призвать вышнее вмѣшательство или просить иностранцевъ о помощи въ своей національной борьбѣ противъ отечественной тираниі. Никогда не отчаиваясь въ достиженіи своей цѣли, турецкій народъ выжидалъ удобнаго момента, чтобы поразить деспотизмъ въ самое основаніе, притомъ необходимо было сдѣлать это быстро и съ наименьшимъ рискомъ созданія международныхъ осложненій. Турки, такимъ образомъ, предпочитали лучше покориться всевозможнымъ униженіямъ и притѣсненіямъ со стороны своего владыки, чѣмъ навлечь на себя покровительственное вмѣшательство какой-нибудь иностранной державы“.

Существуютъ, такимъ образомъ, кой-какія извиненія для того ложнаго представленія, которое возстановило столь многихъ англичанъ противъ нашихъ прежнихъ друзей—турокъ. Греки, болгары и другіе народы, желавшіе распаденія Турціи, чтобы присвоить себѣ Македонію, вездѣ громко говорили о своемъ дѣлѣ, разказывая не только о дѣйствительныхъ случаяхъ угнетенія турками христіанъ, но пуская въ ходъ и правдоподобную выдумку. Тотъ фактъ, что столь рѣдко можно было слышать объ этомъ вопросѣ съ турецкой точки зрѣнія, обязанъ въ значительной мѣрѣ также тому, что въ послѣдніе годы передъ революціей для англичанина въ Турціи становилось все труднѣе имѣть дружеское общеніе съ самими турками. Вмѣшательство нашего правительства съ цѣлью произвести реформы въ Турціи, а также дѣятельность

нашего Балканскаго и Армянскаго Комитетовъ (относительно которыхъ султанъ и его совѣтники ошибочно полагали—какъ полагають, повидимому, и до сихъ поръ всѣ нѣмцы и австрійцы—что это передовые агенты нашего коварнаго правительства) такъ усилили ненависть турецкихъ деспотовъ къ Англіи, что для турка, въ особенности заподозрѣннаго въ либеральныхъ тенденціяхъ, принять англичанина на дому было равносильно преступленію. Если въ Константинополѣ видѣли, что турокъ просто разговариваетъ съ англичаниномъ, то и объ этомъ шпіоны докладывали во Дворецъ; какъ я покажу далѣе, даже проявленіе сочувствія къ чему-либо британскому тягло многимъ туркамъ жизни и свободы. Поэтому любознательный туристъ или путешествующій членъ парламента, пріѣхавъ въ тѣ дни въ Константинополь, не былъ бы въ состояніи раздобыть точныхъ свѣдѣній. Шпіоны слѣдили бы за каждымъ его шагомъ,—въ особенности, если онъ состоитъ членомъ Балканскаго Комитета. Самъ того не зная, онъ не имѣлъ бы возможности бесѣдовать и съ кѣмъ изъ турокъ, исключая тайныхъ агентовъ дворца. Переводчиками ему служили бы греки или армяне, которые могли бы рассказать о невзгодахъ христіанскихъ подданныхъ султана, но навѣрно не сказали бы ничего о невзгодахъ турокъ. Таково же было положеніе большинства журналистовъ. Журналистъ—противникъ турокъ—старался получить нужныя ему свѣдѣнія отъ греческихъ и болгарскихъ отрядовъ, а друзья турокъ, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ чиновничествомъ, имѣли аудіенціи у министровъ,—при случаѣ же у самого султана; очарованные свойственной туркамъ чтивостью и предупредительностью, они заявляли въ своихъ газетахъ, что младотурецкая партія или неѣтъ, или представляетъ собою маленькую и безсильную группу недовольныхъ, набравшихся во время своего пребывания въ Парижѣ безумныхъ идей интернаціоналистовъ и анархистовъ.

Выбросить турокъ изъ Европы „со всѣми пожитками“—такова была цѣль многихъ неосвѣдомленныхъ въ вѣлѣ „гуманитаріевъ“. Дѣйствительно, за лишеніемъ турокъ власти непременно послѣдовало бы полное ихъ выселеніе, потому что развѣ ничтожное меньшинство мурьманъ осталось бы на родинѣ и покорилося бы хри-

стіанскому владычеству? Въ прежніе годы вѣроятнымъ наслѣдниками европейскіхъ земель „больного человѣка“ считались Россія и Австрія, и можно сказать съ увѣренностью, что правленіе какъ той, такъ и другой было бы для турокъ невыносимо. Достаточно припомнить о томъ какъ черкесы и боснійскіе мусульмане въ огромномъ числѣ выселились въ Турцію, когда ихъ родныя земли были заняты у однихъ русскими, у другихъ австрійцами. Эти выселенія сопровождались странными бѣдствіями происходившими въ значительной мѣрѣ отъ неспособности и равнодушія турецкаго правительства, которое думая основать для бѣглецовъ колоніи въ Малой-Азіи, Месопотаміи и другихъ частяхъ имперіи, оставило ихъ въ дѣйствительности умирать отъ голода и холода. Гуманитаріи убѣдились бы во всей жестокости своего проекта если бы имъ довелось видѣть то жалкое зрѣлище, которому я былъ свидѣтелемъ тридцать лѣтъ тому назадъ въ Сѣверной Албаніи. Боснійскіе мусульмане-крестьяне убѣгавшіе отъ австрійскаго ига, лились широкимъ потокомъ въ эту часть турецкой территоріи. Мужчины, женщины и дѣти медленно брели въ суровое зимнее время по покрытой снѣгомъ странѣ, слабые и изнуренные голодомъ и холодомъ, часто съ отмороженными руками. Сотни ихъ падали, и не рѣдко было видѣть лежащихъ по сторонамъ дороги замерзшіе трупы. Сами албанцы послѣ всѣхъ принесенныхъ войною бѣдствій, жили въпроголодь и не могли оказать почти никакой помощи несчастнымъ бѣглецамъ. Въ случаѣ выполненія проекта изгнанія турокъ „со всѣми пожитками“, выселились бы милліоны, и страданія ихъ трудно было бы даже вообразить. Если бы Европа совершила это преступленіе, она могла бы тяжко за него поплатиться. Вѣдь султанъ все это оставался бы калифомъ мусульманскаго міра, а турки прогнанные въ Азію, начали бы дѣло панъ-исламизма т. е. объединенія для войны съ христіанами всѣхъ мусульманскихъ народовъ.

Гуманный планъ относительно „всѣхъ пожитковъ“ означаетъ изгнаніе приблизительно половины населенія Турціи и замѣну турецкаго правленія какимъ-нибудь другимъ. Но руссификація или германизация Балканскаго полуострова была бы для христіанскаго населенія еще болѣе неприятна, нежели само турецкое владычество.

вдѣлить же страну между сосѣдними государствами къ, чтобы удовлетворить всѣхъ жителей, невозможно. Вообще населеніе полуострова представляетъ собою груды остатковъ всѣхъ племенъ и народовъ, остатковъ, не сохранныхъ по областямъ, но перемѣшанныхъ другъ съ другомъ, другъ друга ненавидящихъ и другъ другу не вѣряющихъ. Сербы мечтаютъ о расширеніи Сербіи, болгары—о расширеніи Болгаріи, греки—о расширеніи Греціи, причемъ всѣ эти территоріальныя вожадствія, основанныя на расовыхъ различіяхъ, сталкиваются другъ съ другомъ; получается такая путаница взаимноисключающихъ претензій и интересовъ, какую распутать невозможно. Ни одна изъ христіанскихъ народностей не согласится подчиниться власти другой. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, на примѣръ, въ томъ, что болгары скорѣе предпочтутъ, чтобы ими управляли турки-мусульмане, чѣмъ греки. Среди всѣхъ этихъ народностей, самая многочисленная, единственная превосходящая численностью каждую изъ остальныхъ—господствующіе турки, которые владѣютъ страной по лучшему изъ правъ—праву завоеванія. Это гордые, сильные люди, образъ дѣйствій которыхъ совершенно противоположенъ раболовству нѣкоторыхъ живущихъ среди нихъ племенъ. Это народъ-сподинъ, призванный править другими, потому что—если бы имъ говорили фанатики мира—лишь тотъ народъ достоинъ имѣть свои собственные владѣнія, который готовъ мужественно защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Мы не достигли еще той ступени цивилизаціи, на которой это можетъ быть сдѣлано иначе.

Быть можетъ, младотурки теперь покажутъ, что правъ имѣть, въ концѣ концовъ, лордъ Пальмерстонъ, когда онъ говорилъ, что только власть турокъ-мусульманъ можетъ объединить въ одно государство различныя народности и провинціи Турціи. У турокъ нѣтъ честолюбиваго желанія вернуть всѣ потеряныя ими территоріи, но они твердо намерены сохранить за собой все то, что у нихъ еще остается. Сильная Турція въ тѣсномъ союзѣ съ федераціей балканскихъ государствъ на ея сѣверѣ, вотъ что только дастъ намъ возможность увидѣть Балканскій полуостровъ миротвореннымъ и довольнымъ.

III.

Прежніе реформаторы.—Дворецъ и Высокая Порты.—Назначеніе Абдуль-Азиса.—Начало царствованія Абдуль-Гамидъ.—Судьба Мидхадъ-паши.—Приостановка турецкой конституціи.

Уже около столѣтія тому назадъ западныя идеи начали оказывать вліяніе на лучшихъ государственныхъ дѣятелей Турціи и побудили ихъ сдѣлать первыя попытки реформировать систему управленія и привести ее въ соотвѣтствіе съ новѣйшей цивилизаціей. Какъ Махмудъ вступившій на престолъ въ 1808 г., такъ и его преемникъ Абдуль-Меджидъ, умершій въ 1861 году, были монархи мудрые и стремились къ реформамъ, которыя совѣтовали произвести просвѣщенные государственный дѣятели. По настоянію одного изъ такихъ дѣятелей — Решидъ-паши, въ 1839 году былъ изданъ указъ, известный подъ именемъ Гаттишерифа Гюльханайскій. Этотъ указъ, справедливо называемый Турецкой Великой Хартіей, объявлялъ много полезныхъ административныхъ и судебныхъ реформъ и обезпечивалъ какъ христіанскимъ, такъ и мусульманскимъ подданнымъ султана безопасность ихъ жизни, чести и собственности. Затѣмъ, въ 1856 году послѣ Крымской войны Гатти Гумайюнъ-фатманъ возвѣстилъ, между прочимъ, полное равенство предъ лицомъ турецкаго закона всѣхъ христіанъ и всѣхъ мусульманъ. Врядъ ли надо говорить, что всѣ эти торжественныя обязательства совершенно игнорировались слѣдующими правителями Турціи.

Въ 1861 году, по смерти Абдуль-Меджида, на Османскій престолъ вступилъ Абдуль-Азисъ. Онъ былъ окруженъ группою преданныхъ отечеству и способныхъ государственныхъ дѣятелей, среди которыхъ находились Фуадъ-паша, Рушди-паша, Аали-паша и Мидхадъ-паша. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ своего царствованія султанъ этотъ правилъ страной хорошо. Онъ сдѣлалъ турецкій флотъ однимъ изъ самыхъ грозныхъ въ Европѣ, онъ организовалъ армію, такъ геройски сражавшуюся подъ Шлевною; во всемъ предписывалась справедливость, прессѣ разрѣшено было критиковать дѣйствія правительства. Но этотъ многообѣщавшій монархъ, къ несчастію,

для своей страны, вышелъ изъ-подъ опеки разумныхъ людей и поднялъ подъ влияніе дурныхъ совѣтниковъ. По смерти Аали-паши, въ 1872 году, главнымъ совѣтникомъ султана сталъ Махмудъ Недимъ-паша, человекъ фанатически враждебный европейцамъ и совершенно необразованный; въ скоромъ времени онъ былъ назначенъ великимъ визиремъ. Характеръ султана, повидимому, подвергся тогда полному измѣненію; политика его сдѣлалась ретроградной и реакціонной; онъ удалилъ отъ себя всѣхъ добрыхъ и умныхъ, окруживъ себя испорченными паразитами, представлявшими собою, въ большинствѣ случаевъ, простые орудія въ рукахъ Игнатьева; русская дипломатія въ то время пріобрѣла въ Константинополѣ большое вліяніе и, по своему обыкновенію, занималась интригами противъ партіи реформъ, стараясь содѣйствовать разложенію Оттоманской имперіи.

Именно тогда началась та послѣдняя борьба, которая окончилась испроверженіемъ деспотизма. Султанъ, являясь абсолютнымъ главой церкви и государства, до сихъ поръ предоставлялъ, однако, управленіе имперіей кабинету министровъ, назначаемыхъ имъ самимъ, который и носилъ названіе Высокой Порты. Абдулъ-Азисъ уничтожилъ эту систему, поставивъ самого себя въ центрѣ всего управленія государствомъ; министры скоро превратились въ простые маріонетки, а верховнымъ руководителемъ всего сталъ Дворецъ. Султанъ присвоилъ себѣ весь контроль надъ казначействомъ и отказался давать какой бы то ни было отчетъ въ государственныхъ доходахъ, которыми онъ распоряжался по произволу. Онъ заключалъ въ Европѣ займы на тягостныхъ условіяхъ, подвергавшихъ опасности самую независимость имперіи.

Турецкіе государственные дѣятели-патріоты, удаленные отъ всякаго руководства общественными дѣлами, почти отчаялись въ возрожденіи своей страны; возстанія въ Герцоговинѣ и Босніи, предвѣщавшія европейское вмѣшательство, были, какъ казалось многимъ, началомъ конца. Пріобрѣвшій потомъ такую извѣстность Мидхадъ-паша, въ которомъ младотурки говорятъ, какъ о первомъ мученикѣ за ихъ дѣло, имѣлъ смѣлость добиться двухчасовой частной аудіенціи у султана, и съ такой силой нарисовалъ ему картину испорченности его чиновниковъ, неспособности его великаго вазира и той вѣрной гибели, къ которой

онъ ведетъ свою страну, что Абдуль-Азисъ ужаснулся глаза его на мгновеніе раскрылись, и онъ увидѣлъ ужасную истину; тогда, оставивъ Махмуда Недима, онъ назначилъ Мидхода и Рушди своими главными министрами и совѣтниками. Но эти реформаторы находились у власти лишь три мѣсяца, потому что Мидходъ-паша внезапно впалъ въ немилость изъ-за того, что осмѣлился выразить свое негодованіе, когда любимая одалиска монарха послала къ нему негра, съ просьбой назначить одного изъ ея слугъ вице-губернаторомъ провинціи. Система Махмуда Недима была восстановлена; все пошло еще хуже, чѣмъ прежде: правосудіе стало открыто продажнымъ; администрація сдѣлалась въ конецъ испорченной и распущенной наконецъ, въ 1875 году турецкое правительство вынуждено было объявить себя несостоятельнымъ.

Тѣ турки, которые принимали благо своей родины близко къ сердцу, сознавали, что необходимо силой положить конецъ такому порядку вещей. 22-го мая 6.00 софтовъ, т. е. студентовъ-богослововъ, причисленныхъ къ мечетямъ, ворвались въ зданіе Высокой Порты и потребовали отставки великаго визиря, между тѣмъ какъ не сколько тысячъ другихъ устроили демонстрацію передъ Дворцомъ. Растерявшійся султанъ уступилъ, отставилъ Махмуда Недима и снова призвалъ Рушди-пашу. Кабинетъ былъ составленъ изъ сторонниковъ реформъ, въ него вошелъ и Мидхадъ-паша. Тогда произошелъ извѣстный *сод'етат*. Министры, имѣя полное основаніе сомнѣваться въ вѣрности султана своимъ обѣщаніямъ, рѣшили пизаложить его. Въ ночь на 30-ое мая 1876 года войска окружили Дворецъ, былъ вызванъ главный евнухъ и получилъ приказаніе разбудить своего господина и вручить ему *фетву* или указъ шейхъ-уль-ислама, Гайруллы-эффенди; этотъ указу, какъ изданному верховнымъ истолкователемъ священнаго закона, долженъ былъ подчиниться даже самъ султанъ. Фетва, имѣющая обыкновенно форму вопроса и отвѣтовъ, была составлена на этотъ разъ такъ: „Его повелитель правовѣрныхъ въ такой мѣрѣ потерялъ рассудокъ, что губить государство, порученное Богомъ ея работамъ, безумной расточительностью и дикими прихотями, если продолженіе его власти угрожаетъ священнымъ интересамъ страны, то позволительно ли оставить такою человека во главѣ правленія, или же должно лишить е

власти? Отвѣтъ гласить, что должно лишить его власти“. Такъ шейхъ-уль-исламъ во имя магометанской религіи одобрилъ революцію 1876 года, точно такъ же, какъ другой шейхъ-уль-исламъ высказался въ пользу недавней младотурецкой революціи и рекомендовалъ признать конституцію. Нужно замѣтить, что деспотизмъ не находится въ согласіи съ ученіемъ Корана, какъ полагаютъ многіе, думающіе, что правовѣрные мусульмане не могутъ принять конституціоннаго образа правленія. Исламъ, какъ указываютъ младотурки, осуждаетъ тираннію и поощряетъ народы къ самоуправленію. Въ послѣднее время въ Турціи часто цитируются, напримѣръ, слѣдующія мѣста изъ Корана: „Тираны Богу не угодны“. Если люди рѣшаютъ свои дѣла, совѣтуясь другъ съ другомъ, они будутъ награждены за это“.

Такъ былъ низложенъ Абдуль-Азисъ, и султаномъ вмѣсто него сталъ Мурадъ V. Новый монархъ издалъ указъ, въ которомъ обѣщалъ выполнить реформы, какія ему рекомендуетъ его министръ Мидхадъ-паша; всѣ доброжелатели Турціи возрадовались. Но несчастной странѣ не суждено было еще освободиться, ибо произошло событіе, обратившее надежду въ отчаяніе. Черезъ четыре дня послѣ низложенія Абдуль-Азисъ или покончилъ съ собой самоубійствомъ, или былъ убитъ въ томъ дворцѣ, гдѣ онъ былъ поселенъ. Если его дѣйствительно убили, то совершившій это преступленіе былъ, должно быть, злѣйшимъ врагомъ Турціи, и ни одинъ изъ министровъ не могъ имѣть никакого отношенія къ этому кровавому дѣлу, опрокинувшему всѣ ихъ планы относительно возрожденія страны. Сейчасъ же послѣ того, какъ Абдуль-Азисъ былъ пайденъ мертвымъ, преданный ему черкесъ Гассанъ ворвался въ домъ Мидхада-паши, куда собирались министры, и убилъ двухъ изъ нихъ,—такихъ, потеря которыхъ была для Турціи трудно замѣнима,—Авни-пашу и Рашидъ-пашу. Этотъ рядъ трагическихъ событій такъ повліялъ на слабого новаго султана, что онъ сошелъ съ ума безъ всякой надежды на выздоровленіе. Послѣ краткаго трехмѣсячнаго царствованія оказалось необходимымъ низложить его, и законный наслѣдникъ, братъ его Абдуль-Гамидъ, нынѣшній султанъ Турціи, вступилъ на престолъ осенью 1876 года.

Абдуль-Гамиду, однако, не вручили скипетра до тѣхъ поръ, пока онъ не подписалъ документа, которымъ обя-

звался даровать своему народу конституцію и править со справедливостью. Онъ согласился дать какія-угодно обѣщанія и безъ всякихъ оговорокъ принялъ либеральные принципы Мидхада-паши и другихъ реформаторовъ. Никто въ Турціи не вѣритъ, что онъ былъ тогда искрененъ, и Сеферъ-бей рассказываетъ въ „La Revue“ о томъ, что въ самый день своего вступленія на престоль Абдуль-Гамидъ, вернувшись во Дворецъ послѣ совершенія традиціонной церемоніи опоясанія мечомъ Османа, сказалъ одному хорошо извѣстному генералу изъ своей свиты слѣдующія слова: „За все случившееся отвѣтственъ Решидъ-паша; это онъ тотъ великій преступникъ, который заставилъ моего отца подписать подъ давленіемъ Европим проклятый фирманъ; это онъ завелъ турецкій народъ на ложный путь, возбуждая въ немъ нелѣпныя иллюзіи. Наша родина нуждается въ абсолютно деспотическомъ правленіи, а не въ томъ пагубномъ свободномъ режимѣ, какой практикуется въ Европѣ. Я сумѣю водворить порядокъ въ головахъ моихъ подданныхъ, но прежде всего мнѣ предстоитъ упрочить свое положеніе и освободиться отъ тѣхъ презрѣнныхъ людей, которые низложили моего дядю“.

Въ началѣ новаго царствованія реформаторы все-таки смотрѣли на будущее съ надеждой. Мидхадъ-паша былъ назначенъ первымъ министромъ и началъ приводить въ исполненіе свои планы возрожденія Турціи. Онъ выработалъ конституцію, которая устанавливала равенство всѣхъ племенъ и религій и принялъ мѣры къ подавленію возстанія въ Европейской Турціи, которое угрожало вызвать европейскую войну. Мидхада любили всѣ образованные и преданные родины турки; народъ оказывалъ ему сильную поддержку, и положеніе его казалось непоколебимо прочнымъ. Но уже къ концу четвертаго мѣсяца своего царствованія Абдуль-Гамидъ нанесъ свободѣ первый ударъ и показалъ, что онъ за человѣка. Мидхадъ былъ неожиданно вызванъ во дворецъ, и тамъ ему объявили, что онъ долженъ немедленно сѣсть на судно, ожидавшее его въ Босфорѣ подъ парами, и отправиться за предѣлы Оттоманской имперіи. Послѣ этого султанъ принялся сводить счеты съ тѣми людьми, которые принимали участіе въ низложеніи Абдуль-Азиса. Рушди-паша и шейхъ-уль-исламъ были сосланы въ отдаленныя части имперіи, а многіе менѣе замѣтные либералы просто исчезли, будучи или убиты, или рассажены по тюрьмамъ.

Мидхадъ-паша, величайшій изъ турецкихъ реформаторовъ, очутившись въ положеніи изгнанника, жилъ въ разныхъ европейскихъ столицахъ, изучалъ на мѣстахъ принципы разумнаго управленія и строя планы улучшенія положенія своей несчастной родины, когда къ тому представится случай. Но султанъ, повидимому, пришелъ къ убѣжденію, что его бывший великій визирь, находясь въ Европѣ, столь же опасенъ для деспотизма, какъ и въ то время, когда онъ былъ въ Турціи. Для гибели Мидхада-паши былъ составленъ заговоръ, подробности котораго хорошо извѣстны. Ему внушили, что султанъ раскаивается въ своей несправедливости, видитъ ошибки своей либеральной политики и желаетъ возвращенія въ Турцію всѣхъ способныхъ либеральныхъ дѣятелей, чтобы воспользоваться ихъ цѣннымъ содѣйствіемъ, въ дѣлѣ преобразованія имперіи. Получивъ это вѣроломное приглашеніе, Мидхадъ, послѣ долгаго изгнанія, вернулся на родину и занялъ должность губернатора Сиріи. Но вскорѣ послѣ этого назначенія, отъ подставныхъ обвинителей во Дворцѣ былъ полученъ доносъ, въ которомъ говорилось, что Абдулъ-Азисъ убитъ по распоряженію Мидхада. Послѣ пристрастнаго суда, во время котораго судьи дѣлали видъ, что вѣрятъ явной лжи подкупленныхъ свидѣтелей, Мидхадъ былъ признанъ виновнымъ, а такъ какъ казнить такого любимаго и уважаемаго человѣка могло быть опаснымъ, то его присудили къ заключенію въ одной аравійской крѣпости. Тамъ съ нимъ обращались чрезвычайно жестоко, лишивъ его всѣхъ удобствъ и многого необходимаго. Черезъ три года этихъ лишеній, перенесенныхъ благодаря лишь его крѣпкому организму, въ маѣ 1884 года, по приказу своихъ преслѣдователей, Мидхадъ былъ задушенъ, и чтобы не было никакого сомнѣнія въ его смерти, голову убитаго отправили во Дворецъ.

Султанъ освободился отъ всѣхъ видныхъ друзей свободы непосредственно послѣ своего вступленія на престолъ, но, осторожный и бояливый отъ природы, онъ не предпринялъ никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ, чтобы дать народу почувствовать свой абсолютный деспотизмъ. Главнымъ образомъ съ цѣлью обмануть Англію и расположить ее въ свою пользу въ тотъ критическій періодъ, который предшествовалъ объявленію войны съ Россіей, онъ обнаруживалъ конституцію Мидхада-паши, турецкому парла-

менту дозволено было собраться. Султанъ заставилъ парламентъ слѣдовать своей волѣ и свелъ на нѣтъ его значеніе; но было много патриотически настроенныхъ депутатовъ, которые открыто высказывали свои мысли и навлекали на себя гнѣвъ монарха. Наконецъ, въ февралѣ 1878 года, незадолго до заключенія мирнаго договора съ Россіей въ Санъ-Стефано, султанъ распустилъ обѣ палаты и съ притворнымъ нежеланіемъ дѣлать это приостановилъ конституцію. Затѣмъ онъ лишилъ Высокую Порту всякой власти и сдѣлалъ Дворецъ центромъ правленія. Министры опять превратились въ маріонетокъ, покорность которыхъ покупалась позволеніемъ запускать руку въ государственныя суммы. Руководство арміей и флотомъ, иностранными дѣлами и государственными финансами, какъ и всѣ другія отрасли управленія, назначеніе всѣхъ чиновниковъ— все это перешло въ руки самого повелителя и его порочной камарильи. Опираясь на набалованную преторіанскую гвардію и имѣя въ виду повиновеніе всѣхъ своей волѣ, онъ держалъ Константинополь на военномъ положеніи. Это было царство ужаса. Султанъ не щадилъ никого, кто былъ не за него. Со времени роспуска первого турецкаго парламента въ 1878 году до объявленія конституціи въ 1908 Турція находилась подъ гнетомъ одной изъ самыхъ деморализующихъ и пагубныхъ тиранній, какія только видѣлъ міръ. Для Оттоманской имперіи эти 30 лѣтъ были самыми несчастными и бѣдственными во всей ея долгой исторіи.

IV.

Политика султана.—Упадокъ имперіи.—Камарилья.—Распространеніе порчи.—Изоляція Турціи.—Притѣсненія турокъ-мусульманъ.—Шпіонажъ.—Запретъ, наложенный на все Британское.—Страданія арміи.

Политикой султана руководилъ узкій фанатизмъ. Возможно, что султанъ и искренно вѣрилъ въ то, что для Турціи лучшимъ образомъ правленія является жестокій деспотизмъ. Онъ ненавидѣлъ христіанъ, и его честолюбіе было направлено на то, чтобы осуществить мечту панъисламистовъ, т. е. объединить вокругъ себя, какъ кали-

фа, правовѣрныхъ всѣхъ національностей и образовать сильный политико-религіозный союзъ мусульманъ, который могъ бы остановить наступательное движеніе Европы и освободить мусульманскіе народы, подвластные въ настоящее время христіанамъ. Его цѣлью было также отнять всѣ права, дарованныя его предшественниками христіанскимъ подданнымъ Турціи, и отмѣнить непріятныя привилегіи, предоставленныя по договорамъ иностранцамъ на турецкой территоріи; эти планы, даже не столько сами по себѣ, сколько недостойные способы ихъ осуществленія, едва не привели, вмѣсто усиленія, къ полному уничтоженію господства мусульманъ въ Турціи.

Здѣсь нѣтъ необходимости повторять исторію Турціи подъ властью Гаида; нѣтъ нужды рассказывать, о томъ, какъ отъ нея, потерпѣвшей пораженіе на войнѣ, отняли обширныя и богатыя провинціи; какъ блестящій флотъ, созданный Абдуль-Азисомъ, пришелъ постепенно въ такой упадокъ, что Турція, затѣявъ въ 1897 году войну съ Греціей, не нашла у себя ни одного корабля, который можно бы было отправить въ море; какъ ея прекрасная армія голодала и была въ полномъ пренебреженіи, потерявъ свою былую доблесть и сдѣлавшись безсильной защитить Турцію отъ враговъ; какъ испорченность чиновниковъ и практиковавшееся крестурмами Дворца въ огромныхъ размѣрахъ казнокрадство привели финансы страны въ такое безнадежное положеніе, что Турція была по рукамъ и ногамъ связана своими иностранными кредиторами и оказалась вынужденной согласиться на контроль нѣкоторыхъ отраслей своего внутренняго управленія комиссіями, назначенными иностранными державами; какъ покупалось и продавалось правосудіе, а повышеніе по службѣ всякаго рода давалось или паразитамъ или тѣмъ, кто предлагалъ наибольшую цѣну; какъ благодаря массовымъ убійствамъ христіанъ и безсилію правительства поддержать порядокъ, турецкіе патріоты должны были подвергнуться униженію видѣть у себя навязанную иностранными державами жандармерію; какъ Турція вообще стала настолько слабой и истощенной, что ея распаденіе даже друзьямъ ея представлялось въ видѣ неизбежнаго конца, лишь оттягиваемаго соперничествомъ державъ, которыя, изъ страха за сохраненіе того, что называютъ „международнымъ равновѣсіемъ“ Европы, искусственно

поддерживали жизнь „больного человека“ и заявляли о своемъ желаніи сохранить цѣлостность Оттоманской имперіи. Все это вызывало скорбь турокъ я подготовляло возстаніе противъ правительства, отвѣтственнаго за быстрый упадокъ націи. Въ этой главѣ я ограничусь только рассказомъ о тѣхъ формахъ, въ какія вылилось деспотическое угнетеніе турокъ-мусульманъ, все усиливавшееся до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлалось невыносимымъ и не толкнуло на революцію не только высшіе классы, но таже темныхъ турецкихъ крестьянъ, которые, храбро и терпѣливо служа въ арміи, были до тѣхъ поръ по-собачьи преданы особѣ султана.

Абдуль-Гамидъ показалъ себя во многихъ отношеніяхъ человекомъ твердаго характера и исключительныхъ дарованій; будучи тонкимъ дипломатомъ, онъ умѣлъ въ своихъ цѣляхъ пользоваться соперничествомъ европейскихъ державъ и преуспѣлъ въ основной задачѣ своей жизни, въ централизаціи всей власти въ своей собственной особѣ, что стоило ему огромнаго личнаго труда, но зато дѣйствительно сдѣлало его полновластнымъ хозяиномъ всей страны. При своей проницательности онъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы стать выдающимся монархомъ деспотическаго восточнаго типа и трудиться на благо своего народа, если бы не одинъ порокъ, превратившійся впоследствии въ манію и причинившій много зла Турціи; этимъ порокомъ была трусость. Абдуль-Гамидъ былъ вѣчно охваченъ боязнью убійства; онъ не имѣлъ друзей, пользующихся довѣріемъ, и подозрѣвалъ рѣшительно всѣхъ; трусость, какъ это всегда бываетъ, призвала къ себѣ на помощь жестокость и притѣсненія. Онъ, не колеблясь, приносилъ благоденствіе страны въ жертву своимъ детально разработаннымъ планамъ самосохраненія. Онъ сознательно ослаблялъ Оттоманскую имперію, поселяя въ ней раздоры и деморализуя своихъ подданныхъ, чтобы въ государствѣ не могло появиться никакого элемента, никакой группы людей, достаточно сильной для попытки низложить его. Онъ сѣялъ вражду между различными христіанскими сектами и разжигалъ мусульманскій фанатизмъ; благодаря этому племена, мирно жившія прежде бокъ-о-бокъ, терпимо, если не любовно, относившіяся другъ къ другу, обрушивались одно на другое съ огнемъ и мечомъ, а когда подданные султана отвѣчали

на притѣсненія мятежами, онъ гасилъ ихъ страшными массовыми убійствами.

То же самое было и въ его обхожденіи съ отдѣльными лицами, въ выборѣ имъ своихъ любимцевъ и въ обращеніи съ ними. Поработившій страну, тиранъ естественно смотритъ на всякаго честнаго патриота не иначе, какъ съ подозрѣніемъ, и видитъ въ немъ будущаго мятежника. Онъ не можетъ хорошо пользоваться услугами такихъ людей въ качествѣ своихъ совѣтниковъ и министровъ. Онъ не довѣряетъ и таланту, потому что талантъ даетъ силу быть опаснымъ. Поэтому всѣ тѣ турки, которые, принадлежа къ чиновническому классу, выдавались своимъ происхожденіемъ, способностями и честностью, принимали въ управленіи чрезвычайно мало участія. Камарилья султана была составлена преимущественно изъ необразованныхъ, хотя и ловкихъ людей незначнаго происхожденія; это были алчные и лишенные всякаго представленія о чести, паразиты, изъ которыхъ наибольшимъ вліяніемъ пользовались не турки, а сирійцы, арабы и черкесы; это были люди, совершенно лишенные истиннаго патриотизма и не имѣвшіе передъ собой никакой другой цѣли, кромѣ накопленія богатства; имъ, понятно, не изъ-за чего было составлять заговоръ противъ деспотизма, но султанъ не довѣрялъ даже этимъ послушнымъ орудіямъ своей воли. Хорошо зная дурную сторону человѣческой натуры, онъ натравливалъ одного своего любимца на другого, заставлялъ ихъ завидовать другъ другу, платилъ имъ за взаимное шпіонство, мѣшалъ упроченію среди нихъ дружескихъ отношеній и держалъ ихъ въ постоянномъ трепетѣ. Камарилья, продавая государственныя должности, распространяла ядъ порчи, грозившей деморализовать всю націю. Я приведу нѣсколько словъ изъ статьи одного младотурка: „въ Турціи оставленъ былъ лишь одинъ идеаль, лишь одинъ исходъ для людскихъ стремленій: накопленіе богатствъ и трата ихъ на грубо чувственныя наслажденія. Но для достиженія этого надо было объявить себя шпіономъ дворца и дать доказательства своей преданности отреченіемъ отъ отца, матери, братьевъ, друзей, убѣжденій, совѣсти, отъ всѣхъ патриотическихъ чувствъ и всякаго человѣколюбія“. Удивительно, что находились еще честные люди, занимавшіе въ теченіе этого періода высокія должности, хотя

нѣтъ никакого сомнѣнія, что такіе люди дѣйствительно были; но и они, по большей части, принадлежали къ числу узкихъ фанатиковъ, сочувственно относившихся къ панъ-исламистскимъ планамъ Абдуль-Гамида и охотно содѣйствовавшихъ ему во всемъ, что касалось лишенія христіанъ дарованной имъ свободы и выскиванія предлоговъ для преслѣдованія этой части подданныхъ султана. Но на высшія государственныя должности, какъ, на примѣръ, на постъ великаго визиря, султанъ иногда вынужденъ былъ назначать людей со способностями и твердымъ характеромъ. Такъ случалось особенно тогда, когда, послѣ болѣе особо несправедливыхъ или кровавыхъ событій, отношенія между Турціей и Европейскими державами становились слишкомъ натянутыми. Такъ Кіамиль-паша, о плодотворной дѣятельности котораго на благо страны я буду говорить позднѣе, былъ нѣсколько разъ великимъ визиремъ и всякій разъ получалъ отставку, какъ только становилось возможнымъ обойтись безъ него; онъ былъ не изъ числа людей, рабски покорныхъ деспоту, и не боялся высказывать нецрїятныя истины. Однако, въ общемъ, сколько-нибудь выдающіяся способности сдѣлались въ Турціи качествомъ, препятствовавшимъ поступленію на хорошую службу, а быть популярнымъ равнялось для чиновника преступленію.

Чтобы обезпечить слѣное себѣ повиновеніе, какъ падишаху, своихъ подданныхъ-мусульманъ, Абдуль-Гамидъ старался держать ихъ въ состояніи невѣжества. Онъ зналъ, что либеральныя идеи современной Европы пустили ростки и въ Турціи, и рѣшилъ искоренить ихъ или, по крайней мѣрѣ, предупредить ихъ распространеніе. Онъ пытался, и не безъ успѣха, уничтожить вліяніе на Турцію западной культуры. Его подданные, за нѣкоторыми исключеніями, не смѣли ѣздить въ чужія страны; даже на ихъ передвиженія въ предѣлахъ имперіи правительство смотрѣло подозрительно. Существуетъ предположеніе, что онъ сознательно допустилъ полный упадокъ флота изъ боязни, какъ-бы турецкіе матросы не заразились идеями свободы, посѣщая западные порта. Во всякомъ случаѣ онъ смотрѣлъ, повидимому, сквозь пальцы на растрату морскимъ министромъ десяти мил-

ліоновъ фунтовъ стерлинговъ, предназначенныхъ на расходы по флоту. Убѣдившись, однако, въ томъ, что само существованіе имперіи зависитъ отъ преобразованія арміи, султанъ долженъ былъ позаботиться объ образованіи офицеровъ; часть ихъ была послана въ Германію и другія чужія страны, и въ то же время тысячи другихъ были пропущены черезъ военныя школы въ самой Турціи, гдѣ ихъ учителями были европейцы. Однако на офицеровъ, получившихъ такое образованіе, смотрѣли, какъ на людей, до нѣкоторой степени опасныхъ; ихъ зачисляли по армейскимъ корпусамъ, расположеннымъ въ различныхъ частяхъ имперіи, но не назначали въ ту часть турецкой арміи, которая охраняла центръ деспотизма—Константинополь и особу султана; здѣсь во главѣ фанатическихъ и преданныхъ своему государю солдатъ стояли офицеры, выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ; многіе изъ нихъ не умѣли даже читать, но на нихъ можно было положиться, что они выполнятъ всякое, вышедшее изъ Дворца, приказаніе.

Всякій прогрессъ парализовался царившимъ во Дворцѣ страхомъ. Пишущія машины и телефоны не разрѣшались, потому что ими могли бы воспользоваться заговорщики. У прессы не было и тѣни свободы; всѣ привозимыя изъ за границы печатныя произведенія подвергались строжайшей цензурѣ. Обнаруженіе, напр., сочиненій Герберта Спенсера влекло за собой арестъ владѣльца книги. Цензоръ не разрѣшилъ бы постановку въ театрѣ „Гамлета“, т. к. въ этой пьесѣ изображается убійство монарха.

Въ царствованіе Гамида неприкосновенность жилища, конечно, не признавалась. Въ поискахъ за запрещенной литературой полиція часто врывается въ дома образованныхъ турокъ. Право собраній отрицалось до такой степени, что для трехъ или четырехъ друзей было не со-всѣмъ безопасно сидѣть и болтать другъ съ другомъ въ кафѣ. Турокъ въ своемъ собственномъ домѣ не смѣлъ дать званаго обѣда безъ разрѣшенія властей; но даже если такое разрѣшеніе и давалось, то и тогда могъ придти какой-нибудь полицейскій агентъ и сѣсть за столъ, въ качествѣ незваннаго и чрезвычайно непріятнаго гостя, подслушивая разговоры и высматривая, нѣтъ ли чего подозрительнаго.

Все это, вмѣстѣ взятое, представляло собою отвлати-

тельную систему, естественно порождавшую больших и малых тирановъ всѣхъ сортовъ, которые, являясь ставленниками Дворца, имѣли возможность безнаказанно притѣснять народъ. Таковъ былъ, напр., знаменитый Фехимъ-паша, глава тайной полиціи, злоупотреблявшій своею властью въ угоду всѣмъ своимъ прихотямъ и страстямъ; онъ грабилъ и шантажировалъ тѣхъ, собственность которыхъ возбуждала его алчность, убивалъ тѣхъ, кто стоялъ ему поперекъ дороги, а если разбужена была его страсть, то насильно бралъ въ свой гаремъ женъ и дочерей мирныхъ гражданъ; этого негодяя такъ ненавидѣли, что сейчасъ же послѣ объявленія конституціи низы города Бруссы, переставъ трепетать передъ нимъ, напали на тирана и разорвали его на куски.

Существовала огромная армія платныхъ сыщиковъ, издѣвавшихся надъ людьми. Система шпіонства, которую придумалъ, побуждаемый страхомъ, Абдуль-Гамидъ, была такъ стѣснительна и жестока, что дѣлала почти невыносимой жизнь тѣхъ подданныхъ, которые находились на подозрѣніи вслѣдствіе своего знатнаго происхожденія, образованія, патріотизма или честнаго образа мыслей. Расходы на шпіонство достигали иногда двухъ милліоновъ фунтовъ въ годъ. Шпіоны были вездѣ; ими становились люди всякаго положенія и званія. Министрамъ платили, чтобы они шпіонили другъ за другомъ. Ваша домашняя прислуга, грекъ-лакей, который приноситъ въ гостиницѣ чашку кофе, армянинъ-переводчикъ, который служитъ проводникомъ для каждаго знатнаго иностранца-туриста,—всѣ они получаютъ жалованье за подглядываніе и подслушиваніе и посылаютъ во Дворецъ свои доклады. Шпіонъ искалъ вашей дружбы, втирался въ ваше довѣріе, а потомъ доносилъ на васъ. Иногда человека предавали его собственные родственники. Шпіоны были въ семьяхъ, въ военныхъ училищахъ, въ арміи и во флотѣ; если Дворецъ заподозрѣвалъ человека, то не жалѣли ничего, чтобы купить памѣну его близкихъ. Атмосфера насытилась ужасомъ и всеобщимъ недовѣріемъ. Система шпіонства, введенная въ армію, уничтожила всякій *esprit de corps*. Всѣ знали, что среди офицеровъ каждой отдѣльной части есть шпіоны, обязанностью которыхъ было наблюдать за своими товарищами-офицерами; въ результатѣ получилось, что всѣ болѣе тѣсныя отношенія, даже между

офицерами одного и того же полка, прекратились, и каждый видѣлъ въ остальныхъ тайныхъ агентовъ Дворца; они никогда не обѣдали вмѣстѣ, а во многихъ случаяхъ даже избѣгали разговаривать другъ съ другомъ.

Но даже сами шпіоны имѣли надъ собою другихъ шпіоновъ, которыхъ безконечная подозрительность владыки приставила наблюдать за ними. Шпіоны султана находились въ каждой иностранной столицѣ, иногда работая вмѣстѣ съ мѣстной тайной полиціей, чтобы присматривать за эмигрантами и искать случая захватить ихъ друзей въ Турціи, которые имѣли съ ними сообщенія. Отъ этой огромной арміи шпіоновъ во Дворецъ лился цѣлый потокъ доносовъ. За доносы хорошо платили, поэтому предложеніе никогда не прекращалось, даже тогда, когда терроризованный народъ избѣгалъ всего, что можно было бы представить въ видѣ политическаго преступленія. Агенты-провокаторы толкали людей на поступки, которые могли бы доставить матеріалъ для обвиненія. Шпіоны не колеблясь давали ложныя показанія противъ невинныхъ, и,—какъ это было въ дѣлѣ Мидхада-паши,—креатуры Дворца, желая погубить кого-нибудь, пользовались услугами разныхъ негодяевъ, заставляя ихъ играть роль обвинителей и свидѣтелей.

Одинъ мой другъ перенесъ продолжительное тюремное заключеніе за то, что тайная полиція обыскала его домъ и нашла, какъ она утверждала, компрометирующія бумаги, поддѣланныя, въ дѣйствительности, ею самой. Врядъ ли нужно прибавлять, что множество низкихъ людей пользовались этой системой, вымогая деньги угрозами доноса.

Заподозрѣннаго часто осуждали безъ всякой даже видимости судебного разбирательства. Множество лучшихъ людей страны исчезло изъ своихъ семействъ, чтобы никогда не возвратиться: ихъ постигала *ублетта*, т. е. смерть отъ веревки, или традиціонное погруженіе въ Босфоръ мѣшка, содержащаго жертву. Ссылка или тюремное заключеніе на опредѣленное число лѣтъ налагались за менѣе важныя проступки—случайно вырвавшіяся неodobрительныя слова о дѣятельности Дворца или обладаніе иностранной газетой либеральныхъ воззрѣній. Людей во Дворцѣ пытали, чтобы заставить ихъ выдать своихъ родственниковъ и друзей. Тысячи семействъ въ Турціи

должны были оплакивать своихъ членовъ, захваченныхъ по доносамъ шпионовъ. Послѣ провозглашенія конституціи около семидесяти тысячъ изгнанниковъ возвратились въ Турцію изъ отдаленнѣйшихъ частей имперіи и изъ чужихъ странъ, но никто не можетъ сказать, сколько тысячъ ихъ было убито или погибло въ заключеніи.

Я могу упомянуть здѣсь, что въ послѣдніе годы царствованія Гаида много турокъ были заподозрѣны и пострадали за то, что выказывали свою симпатію къ Англіи. Турки—народъ отнюдь не легкомысленный; несмотря на тридцатилѣтнюю отчужденность отъ англичанъ изъ-за ложнаго представленія послѣднихъ о турецкомъ народѣ, сами турки все же оставались вѣрными своимъ старымъ друзьямъ, и нынѣшній энтузіазмъ по отношенію къ нашей странѣ—не скоропроходящая волна. Но Дворецъ ненавидѣлъ британское правительство за попытки навязать Турціи реформы и подозрѣвалъ всѣхъ англичанъ въ солидарности со взглядами Балканскаго Комитета. Съ другой стороны, нѣмецкое вліяніе во Дворцѣ значительно усилилось около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ и не ослабѣвало до самаго ниспроверженія деспотизма; дѣло въ томъ, что нѣмецкая дипломатія не сентиментальна и не надобѣдала Дворцу гуманитарными настояніями съ цѣлью добиться лучшаго управленія для несчастныхъ подданныхъ султана; она даже помогала Портѣ мѣшать попыткамъ въ этомъ смыслѣ другихъ державъ. Главною ея цѣлью было способствовать торговымъ интересамъ Германіи. Нѣмецкое посольство въ Констатиннополь добивалось отъ турецкаго правительства концессій, примѣняя довольно любопытные способы и отлично умѣя пользоваться дворцовыми интригами и продажнымъ чиновничествомъ. Нѣмецкіе синдикаты, опираясь на помощь своего правительства и цинически не обращая вниманія на приносимый странѣ вредъ, дѣйствовали въ союзѣ съ тѣми людьми во Дворцѣ, которые готовы были измѣнить за взятку своему отечеству, и обезпечили себѣ концессію на Багдадскую желѣзную дорогу съ незаконной километровой гарантіей и прочими привилегіями. Сдѣлали они это вообще на условіяхъ болѣе тяжелыхъ для Турціи, чѣмъ тѣ, на какія соглашались другіе предприниматели, и тѣмъ недобросовѣстно обременявъ страну обязательствами, которыя стоятъ теперь поперекъ дороги ея стремленіямъ къ реформамъ и обновленію.

Но я не буду уклоняться въ дебри турецкихъ финансовъ; это вышло бы изъ рамокъ настоящей книги, достаточно сказать, что нѣмецкое вліяніе на Дворецъ, несомнѣнно, усилило ненависть султана къ Англіи, о чемъ послушные шпіоны получили соотвѣтствующія распоряженія. Находившіеся въ Турціи англичане ничуть не были стѣснены, но власть наложила на нихъ обязательное для всѣхъ вѣрноподданныхъ „табу“. Даже разговаривать съ англичаниномъ стало для турка опаснымъ. Проходя мимо англійскаго посольства, турки боялись взглянуть на него. Имъ запрещено было посѣщать нѣкоторыя англійскія учрежденія, какъ англійскій книжный магазинъ въ Перѣ или оригинальную старинную гостиницу въ Галатѣ, построенную много лѣтъ тому назадъ генуэзцами, гдѣ хозяиномъ былъ отставной англійскій морякъ-капитанъ, и куда привыкли дружески собираться британскіе и турецкіе офицеры. Шпіоны посѣдили, конечно донести на этихъ турокъ, заявивъ, что они англофилы. Одинъ мой пріятель, занимавшій въ то время хорошую должность и получавшій большое жалованье, былъ оклеветанъ шпіонами, которые донесли, что онъ интригуетъ въ пользу того, чтобы привести въ Константинополь британскій флотъ. Его заключили на пять лѣтъ. Выпущенный вмѣстѣ со всѣми политическими заключенными послѣ успѣшной революціи и возвратившись на свободу, онъ увидѣлъ себя совершенно разореннымъ, узналъ, что его жена, сначала ослѣпнувъ отъ постоянныхъ слезъ, умерла затѣмъ чуть не отъ голода, и что его дѣти жили милостиной.

Намъ, англичанамъ, не слѣдуетъ забывать, что во время нашей послѣдней войны съ бурами, когда вся Европа поносила насъ, одни турки—и особенно тѣ представители образованныхъ классовъ, которые примкнули къ младотурецкой партіи и правятъ теперь страной—сочувствовали намъ, за что нѣкоторые изъ нихъ и заплатились. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ арміи и флота и еще кое-кто поставили свои имена подъ письмомъ, въ которомъ выразили надежду, что британское оружіе окажется въ Южной Африкѣ побѣдоноснымъ, и отправили его въ британское посольство нашему тогдашнему послу. Объ этомъ узнали во Дворцѣ, и тотчасъ были пущены въ ходъ шпіоны, чтобы установить, чьи имена находились

подъ инкриминируемымъ документомъ; одинъ за другимъ всѣ подписавшіеся исчезли, частью рассаженные по тюрьмамъ, частью отправленные въ ссылку. Одинъ изъ этихъ молодыхъ офицеровъ, Сирретъ-бей, убѣждалъ отъ посланныхъ арестовать его и скрывался нѣкоторое время въ британскомъ посольствѣ подъ видомъ повара; теперь онъ одинъ изъ видныхъ членовъ „Комитета Единенія и Прогресса“ въ Салоникахъ.

Эта ужасная система шпионства и стѣсненія всякой интеллектуальной свободы тяжелѣе падала на образованныхъ мусульманъ, чѣмъ на христіанскихъ подданныхъ султана, потому что деспотъ не такъ боялся грека или армянина, какъ турка; за христіанами, поэтому, слѣдили меньше, и у нихъ было больше шансовъ занять какую-нибудь общественную должность. У христіанъ также было то важное преимущество передъ турками-мусульманами, что школы ихъ были значительно меньше подчинены контролю государства; этимъ обезпечивалось болѣе либеральное образованіе, совершенно невозможное въ мусульманскихъ школахъ.

Послѣ всего сказаннаго легко понять, что турки-патріоты высшихъ и среднихъ классовъ, терпѣвшіе гнѣтъ тиранніи, которая не давала имъ никакого голоса въ управленіи и ставила надъ ними низкихъ людей, увлекавшихъ страну къ гибели—что эти турки съ полной готовностью должны были присоединиться ко всякому движенію, имѣвшему шансы ниспровергнуть установленный Гамидомъ режимъ.

Также легко понять, почему христіане, которыхъ въ это царствованіе лишили нѣкоторыхъ старинныхъ правъ, къ которымъ относились хуже, чѣмъ когда бы то ни было прежде, какъ къ народу подвластному и презрѣнному, и которые жили въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь и честь, привѣтствовали революцію, поставившую ихъ на одномъ уровнѣ съ мусульманами; но какъ могло случиться, что деспотизмъ сталъ до такой степени невыносимъ массамъ турецкаго народа, чтобы довести до мятежа даже терпѣливыхъ и религіозныхъ крестьянъ-мусульманъ, благоговѣвшихъ дотошъ передъ особою султана, ихъ духовнаго главы и монарха, и слѣпо, фанатически послушныхъ его волѣ? Этотъ фактъ требуетъ нѣкотораго объясненія. Бережливые и трудолюбивые турецкіе

крестьяне терпѣли отъ недостатковъ управленія столько же, сколько и христіане; они платили тѣ же самыя тяжелыя подати и, подобно своимъ сосѣдямъ христіанамъ, должны были терпѣть обманы сборщиковъ; эти тираны въ миниатюрѣ часто незаконно штрафовали ихъ и обращались съ ними чрезвычайно жестоко. Провинціальныя чиновники не получали регулярно своего жалованья, но зато вознаграждали себя незаконными поборами. Такъ, богачу, давшему взятку, удавалось во многихъ случаяхъ совершенно избѣжать обложенія; вообще допускалось множество незаконныхъ изъятій, въ результатѣ чего во многихъ мѣстахъ вся тяжесть обложенія падала на бѣдныхъ. Крестьяне были достаточно умны, чтобы замѣтить, что на собираемыя съ нихъ деньги не производилось никакихъ улучшеній ни для нихъ самихъ, ни для ихъ страны, но что они шли на обогащеніе правящей клики, а что Константинополь поглощалъ огромныя суммы, собираемыя во всѣхъ частяхъ имперіи. Они знали, что существуютъ министерства, помѣщающіяся въ роскошныхъ дворцахъ и имѣющія множество получающихъ большое жалованье чиновниковъ; знали и то, что въ результатѣ всѣхъ этихъ неимовѣрныхъ расходовъ для крестьянства не выходило ничего добраго. Существовало, напр., министерство общественныхъ работъ—но ни дорожныхъ работъ, ни работъ по орошенію не производилось; было министерство полиціи—но оно не давало защиты для жизни и для собственности; имѣлось министерство правосудія, — но правосудія не было и въ поминѣ. Военное министерство не мѣшало умирать солдатамъ съ голоду.

Стоически терпѣливыя мусульмане-крестьяне, преданность которыхъ государю похожа на преданность собаки, были однако далеки отъ дурныхъ мыслей о своемъ султанѣ и взваливали всю вину на министровъ, какъ поступавшихъ незаконно безъ его вѣдѣнія. Пристѣсенія и несправедливое обложеніе ихъ самихъ никогда не заставило бы этихъ людей возстать, и младотурецкое движеніе имѣло бы мало шансовъ на успѣхъ, если бы Абдуль-Гамидъ не пренебрегъ обезпечить себѣ — а обезпечить это было такъ легко — неизмѣнную преданность и вѣрность своей арміи, главную часть которой составлялъ цвѣтъ деревенскаго крестьянства. Я ужъ указывалъ, что султанъ баловалъ, стараясь расположить въ свою пользу,

албанскіе и другіе полки, которые стояли въ Константинополѣ, чтобы оберегать его особу, держать въ страхѣ городъ и охранять деспотизмъ; онъ смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы эти люди аккуратно получали жалованье, чтобы ихъ хорошо кормили и какъ слѣдуетъ одѣвали. Но, за этимъ исключеніемъ, управленіе военными силами имперіи было цѣликомъ передано въ руки фаворитовъ Дворца, которые, съ характерной для нихъ алчностью и полнымъ отсутствіемъ патріотическаго чувства, обогащались на счетъ національной защиты и съ полнымъ равнодушіемъ къ страданіямъ людей заставляли армию терпѣть всевозможныя лишенія.

Въ Турціи бремя обязательной службы лежитъ исключительно на мусульманскомъ населеніи, христіане же были совершенно освобождены отъ нея, взамѣнъ чего платили небольшую подушную подать. Турецкій солдатъ принадлежитъ къ числу самыхъ выносливыхъ и самыхъ храбрыхъ во всемъ мірѣ; онъ способенъ безропотно переносить много лишеній, хотя существуетъ предѣлъ даже и для его терпѣнія. Трудно преувеличить то жалкое положеніе этой прекрасной арміи, въ какомъ я часто видѣлъ провинціальныя гарнизоны во дни стараго режима. Солдаты никогда не получали своего довольствія въ полномъ размѣрѣ; имъ нерѣдко приходилось голодать; они были плохо одѣты даже въ то время, когда суровой зимой охраняли на Балканахъ границу, часто въ рваномъ тряпѣ изъ остатковъ ихъ формы, дополненныхъ собственной одеждой, какую только они могли раздобыть; ихъ мизерное жалованье вѣчно задерживалось; они оставались необученными и не дисциплинированными—какая порча лучшаго въ мірѣ военнаго матеріала! Даже офицерамъ жалованье выдавалось крайне неаккуратно; неряшливо одѣтые, потому что у нихъ не было средствъ соблюдать приличія, и чуждавшіеся другъ друга, благодаря омерзительной системѣ шпіонства, они не въ состояніи были воодушевить своихъ подчиненныхъ и внушить имъ *esprit de corps*, отличавшій обыкновенно турецкую армию. Но, несмотря на все это, когда надо было сражаться, эти люди вспоминали, что они турецкіе солдаты, и бились стойко.

Все это турецкій солдатъ могъ терпѣливо сносить въ теченіе своей четырехлѣтней дѣйствительной службы,—

такое положеніе еще не могло толкнуть его на бунтъ, — но притѣсненія приняли такую форму, какая стала совершенно невыносимой для него и его семьи: утвердился несправедливый обычай задерживать его при арміи на нѣсколько лѣтъ уже послѣ того, какъ срокъ его службы по закону кончился; кромѣ того, запасные, которыхъ періодически вызывали для повѣрки и ученій, отсылались нерѣдко въ отдаленнѣйшія части имперіи, гдѣ ихъ принуждали снова нести военную службу неопредѣленно долгое время. Но хуже всего была участь тѣхъ полковъ, которыхъ отправляли въ Геджасъ или Іемень. Несчастные отряды, плохо экипированные, обыкновенно въ недостаточномъ количествѣ снабженные аммуниціей и вѣчно страдавшіе отъ недостатка пищи, должны были совершать въ этихъ дикихъ областяхъ продолжительные походы противъ мятежныхъ арабовъ. Вообще солдаты терпѣли страшныя лишенія; благодаря преступной небрежности правителей Турціи, арабы ихъ нерѣдко разбивали и умерщвляли. Въ такихъ экспедиціяхъ образованные врачи участвовали рѣдко, и старые солдаты, служившіе въ Аравіи, увѣряли меня, что всякій заболѣвшій или раненый, разъ онъ не могъ дальше двигаться, имѣлъ мало шансовъ на спасеніе, потому что никакихъ приспособленій для перевозки больныхъ и раненыхъ не было; въ такихъ случаяхъ обыкновенно являлся невѣжественный и за ничтожную плату нанятый человекъ, изображавшій собою военнаго доктора, дѣлалъ видъ, что осматриваетъ больного, и заявлялъ, что это умирающій; тогда живого еще человека закапывали въ песокъ. Часто, къ тому же, случалось, что солдата, служившаго въ Аравіи и получившаго, наконецъ, увольненіе — вѣроятно, вслѣдствіе неспособности къ дальнѣйшей службѣ — отказывались перевозить обратно въ Турцію на правительственныхъ судахъ; ему, не имѣвшему въ карманѣ ни гроша, приходилось оставаться въ этой чужой странѣ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь сердобольная душа — какихъ въ Турціи, къ счастью, много, не приходила къ нему на помощь. Одинъ мой другъ, занимавшій недавно постъ британскаго консула въ одномъ турецкомъ порту, нашелъ послѣ тщательнаго обслѣдованія своего округа, что домой возвратилось не болѣе 20% солдатъ, отправленныхъ въ Іемень. При всякомъ отправленіи новобранцевъ на службу въ эту страшную страну

происходили душу раздирающія сцены; толпы рыдающихъ женщинъ собирались къ судамъ, чтобы сказать послѣднее прости своимъ роднымъ, которыхъ онѣ не надѣялись увидѣть еще разъ и уже оплакивали ихъ, какъ мертвыхъ.

Эта возмутительная система военнаго управленія производила огромныя опустошенія въ рядахъ турецкой молодежи. Процентъ смертности въ арміи былъ чрезвычайно великъ и являлся одной изъ главныхъ причинъ медленнаго прироста этого самаго сильнаго и здороваго во всей Европѣ крѣстьянства, въ сравненіи съ быстрымъ возрастаніемъ численности изъятаго отъ военной службы христіанскаго населенія. Новобранцы, отрываемые отъ своихъ домовъ, оставляли свои семьи часто безъ всякихъ средствъ, поэтому весь турецкій народъ жестоко страдалъ отъ непорядковъ въ арміи, которая была лучшей частью его самого, и въ которой каждый имѣлъ родственниковъ. Такимъ образомъ вышло, что вѣрное крѣстьянство потеряло свою лояльность, и—не менѣе, чѣмъ мусульмане высшихъ классовъ—готово было возстать и смести прочь невыносимый деспотизмъ.

V.

Націонализмъ на Востокѣ.—Вліяніе на Турцію западныхъ идей.—Турецкая литература.—Новѣйшее литературно-движеніе.—Панъ-исламизмъ.—Пробужденіе ислама.—Распространеніе образованія.

Въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ,—а именно, начиная съ того времени, когда побѣдоносная война Японіи съ Россіей показала народамъ Востока, что и восточная нація можетъ, отбросивъ консервативныя, препятствующія прогрессу традиціи, заставить уважать себя наравнѣ съ цивилизованными державами міра,—необычайный ростъ націонализма по всей Азіи привлекъ къ себѣ напряженное вниманіе европейцевъ. Востокъ, нѣкогда передавшій Западу свою древнюю цивилизацію, заимствуетъ теперь отъ него свои политическіе идеалы. Въ Индіи, Китаѣ, Персіи и Египтѣ возникли національныя партіи, цѣль которыхъ или освободить родину отъ отечественнаго деспотизма или отъ европейской опеки и ввести формы самоуправленія по образцу этихъ формъ въ со-

временной Европѣ. Но хотя много писалось и говорилось о пробужденіи народовъ вышеперечисленныхъ странъ, однако—фактъ довольно любопытный—не было и рѣчи о какомъ бы то ни было политическомъ движеніи въ Турціи, ближайшей къ намъ странѣ Востока, пока удивленный міръ не узналъ, что случайный, повидимому, военный мятежъ въ Македоніи заставилъ султана дать странѣ конституцію.

Эта мусульманская революція, такъ долго подготавливаемая и такъ хорошо организованная, была полной неожиданностью даже для такихъ, хорошо знавшихъ Турцію, европейцевъ, какъ послы и ихъ разсыянные по всей странѣ агенты. Ни одинъ изъ нихъ не предупредилъ своего правительства о грядущихъ событіяхъ. Ни одинъ изъ газетныхъ корреспондентовъ, ни одинъ изъ путешествующихъ членовъ парламента—членовъ Балканскаго Комитета, старавшихся на мѣстахъ познакомиться съ турецкими дѣлами,—не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ широко распространенномъ заговорѣ, которому предстояло однимъ ударомъ опрокинуть деспотизмъ. Правда, давно было извѣстно, что существуетъ группа сосланныхъ политическихъ дѣятелей, называвшая себя „младотурецкой партіей“. Но партіей этой европейцы пренебрегали, такъ какъ имъ не было извѣстно, что въ ней представлено все, что только есть въ Турціи интеллигентнаго и просвѣщеннаго. Ее считали маленькой кучкой безумныхъ анархистовъ или, въ лучшемъ случаѣ, глупыхъ фантазеровъ. Одинъ посланникъ писалъ о младотурецкомъ движеніи, какъ о „безвредномъ“, другіе смотрѣли на него, какъ на вѣчто „дурное“, и отрицали въ младотурецкихъ патріотахъ даже искренность. Въ одномъ авторитетномъ сочиненіи о младотуркахъ говорилось, что „значительная часть ихъ пошла въ изгнаніе съ опредѣленнымъ намѣреніемъ вернуться домой послѣ убѣдительныхъ приглашеній“, т. е. послѣ подачекъ со стороны султана. Одинъ англичанинъ, всю жизнь прожившій въ Турціи, выразилъ свое мнѣніе такъ: „Младотурецкій союзъ, у котораго недостаетъ какъ денежныхъ средствъ, такъ и внутренней связи, какъ опредѣленныхъ задачъ, такъ и способныхъ вождей, не представляетъ собою организациі, съ которой слѣдовало бы считаться“. Наши агитаторы-гуманитаріи имѣли совершенно ложное представленіе о дѣлахъ этого

движенія и были, повидимому, убѣждены, что изъ современныхъ турокъ не можетъ выйти ничего добраго. Но младотурки, между тѣмъ, отлично знали, чего они добиваются, чего имъ недостаетъ, и какъ имъ взяться за дѣло. Организация, нѣсколько лѣтъ подготовлявшая революцію, дѣйствовала до такой степени тайно, что вся серьезность движенія ускользнула даже отъ глазъ самихъ шпионовъ Дворца.

Ни одно значительное политическое движеніе, разъ оно развивается съ непрерывнымъ успѣхомъ, не можетъ разсматриваться, какъ возникшее внезапно, хотя бы окончательный взрывъ и засталъ страну врасплохъ. Революція каждаго серьезнаго народа является результатомъ продолжительнаго вынашиванія и постепеннаго развитія мысли. Современни Махмуда II, взшедшаго на престолъ около ста лѣтъ тому назадъ, всѣ лучшіе и патріотически-настроенные государственные дѣятели Турціи стремились привести систему управления въ согласіе съ тѣми принципами, примѣненіе которыхъ дало такіе благоприятные результаты въ Европѣ. Вліяніе западныхъ идей сказывалось въ Европейскій Турціи повсемѣстно и начинало измѣнять интеллектуальный кругозоръ, идеалы и общественные обычаи образованныхъ классовъ. Эти измѣненія, какъ я уже указалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, отразились и на турецкой литературѣ, которая около сорока лѣтъ тому назадъ вполне уподобилась западной, какъ по содержанію, такъ и по формѣ; литературный языкъ былъ реформированъ группою писателей съ Кемаль-беемъ—историкомъ, поэтомъ, философомъ, драматургомъ и беллетристомъ—во главѣ; талантливыя произведенія послѣдняго, изданныя въ Европѣ, не пропускались въ Турцію во время господства гамидовскаго режима, но теперь его блестящій военный гимнъ „Силистрія“, за пѣніе котораго люди платились до іюля 1908 года жизнью, производитъ на революціонныя толпы масульманъ точно такое же воодушевляющее дѣйствіе, какое „Марсельеза“ на французовъ. По мѣрѣ того, какъ число разсадниковъ образованія, всякаго рода школъ, въ Турціи расло, въ странѣ распространялась жажда научнаго знанія и стремленія къ западно-европейской культурѣ а вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ и образованіемъ естественно явился и западный либерализмъ, сопровождаемый интеллектуальнымъ бунтомъ противъ па-

рализующаго вліянія нѣкоторыхъ, освященныхъ временемъ, учрежденій и ученій.

Въ наши дни врядь ли правильно говорить о туркахъ— а говорить о нихъ именно такъ очень часто—какъ о самомъ передовомъ изъ *восточныхъ* народовъ. Турки, проживали въ Европѣ пять столѣтій, въ значительной мѣрѣ перемѣшались съ европейцами, и сами сдѣлались теперь во всѣхъ отношеніяхъ европейцами; они заслуживаютъ этого имени даже въ большей степени чѣмъ нѣкоторые ихъ сосѣди на континентѣ; фактъ этотъ имѣлъ бы гораздо болѣе широкое признаніе, если бы не стѣна, которую поставила между турками и нами разница въ религіи. Благодаря этому вышло, что новѣйшее движеніе въ Турціи соприкасается съ западными идеями тѣснѣе, чѣмъ движеніе любого изъ остальныхъ пробуждающихся народовъ Востока, которые больше отличаются отъ насъ по физическому строенію и національному характеру, и пробужденіе которыхъ въ значительной степени приняло форму антагонизма европейскому вліянію и стремленія освободиться отъ европейской гегемоніи. Наоборотъ, турецкіе реформаторы желаютъ сдѣлать Турцію европейской, а не азіатской націей, ихъ симпатіи лежатъ на сторонѣ западной, а не восточной культуры; они хотятъ, чтобы Турцію признали одной изъ цивилизованныхъ странъ Европы. Отчасти именно отъ этой причины младотурки отвергли панъ-исламизмъ, ту форму, каковую въ нѣкоторыхъ частяхъ восточнаго міра приняло современное пробужденіе мусульманскихъ національностей—то объединеніе магометанъ всѣхъ племенъ съ цѣлью сопротивленія христіанскимъ націямъ, приверженцемъ котораго, какъ я уже указалъ, являлся самъ Абдулъ-Гамидъ. Это движеніе, съ случая успѣха, могло бы вернуть исламу былую славу и военную мощь, но привело бы съ собой возвратъ религіознаго фанатизма и полную невозможность вступить на новѣйшій путь прогресса.

Возвѣрнія младотурецкой партіи на этотъ пунктъ были выражены въ одномъ изъ ея органовъ слѣдующимъ языкомъ: „Мы, оттоманы, принадлежимъ къ числу людей достаточно разумныхъ и практичныхъ для того, чтобы понять, что стремленіе къ выполненію фантастическихъ плановъ панъ-исламистовъ было бы противно насущнѣйшимъ нашимъ интересамъ“. Младотурокъ — патриотъ, и пер-

вая его мысль принадлежит его родинѣ; онъ борется за ея освобожденіе, хочетъ вывести ее на путь прогресса и надѣется сдѣлать ее снова сильной и уважаемой другими націями. Но панъ-исламызмъ онъ отвергаетъ; турецкая конституціонная партія отказалась поддержать египетскихъ націоналистовъ, стремленія которыхъ имѣютъ панъ-исламистскій характеръ.

Съ другой стороны, младотурки ясно показали, что ихъ движеніе отнюдь не иррелигіозно; фанатики - мусульмане не имѣютъ никакого основанія обвинять ихъ въ томъ, что они держатся раціоналистическихъ воззрѣній французскихъ революціонеровъ, и что они плохіе мусульмане. Нѣкоторые писатели называли ихъ партіей агностиковъ, но это выраженіе не точно, и если бы турецкій народъ вѣрилъ этому, то конституція продержалась бы развѣ самое короткое время. Конечно, среди младотурокъ есть такіе, которые, во время своего вынужденнаго пребыванія въ Парижѣ или другихъ европейскихъ городахъ, усвоили себѣ раціоналистическія воззрѣнія на огромное большинство младотурокъ—правовѣрные мусульмане. Итакъ, младотурецкое движеніе, далекое отъ того, чтобы быть иррелигіознымъ, находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ исламомъ, но, какъ указалъ недавно одинъ французскій писатель, для этихъ реформаторовъ исламъ является средствомъ, а не цѣлью.

Магометанская религія просвѣщенныхъ турокъ весьма отлична отъ фанатической и узкой вѣры арабовъ: она въ полной мѣрѣ и искренно проникнута терпимостью. Въ самомъ исламѣ произошло пробужденіе, а изумленный міръ теперь убѣдился, что старинные догматы магометанства такъ же мало неизмѣнимы, какъ и догматы другихъ религій. Средневѣковое христіанство, которое жгло еретиковъ и считало науку изобрѣтеніемъ дьявола, приспособилось, въ концѣ концовъ, къ новымъ идеямъ; то же самое произошло и съ мнимо-неизмѣнными доктринами мусульманской церкви. Просвѣщенные мусульмане извѣдѣли силу старались согласовать свою вѣру съ новѣйшими вѣяніями и прогрессивными стремленіями освобожденнаго народа. Въ Индіи, Персіи и Турціи ученые толкователи священнаго закона доказываютъ, что много общепринятыхъ доктринъ не содержатся въ Коранѣ, а были введены въ религію разными комментаторами; поэтому, какъ европей-

ская реформація отбросила многое изъ того, что позднѣе прибавилось къ первоначальному христіанству, и такимъ образомъ возвратилось прямо къ Библии, такъ и современная мусульманская реформація отбрасываетъ большую часть комментариевъ и возвращается къ Корану, принося съ собою такія новыя истолкованія этой книги, благодаря которымъ ученые могли доказать, что совѣсть самаго правовѣрнаго мусульманина можетъ спокойно примириться съ конституціей, что исламъ, въ сущности, либерален и демократиченъ, что бороться съ притѣвленіями и испорченностью власти и значить повиноваться ученіямъ Корана, и что предоставленіе христіанамъ одинаковыхъ правъ съ мусульманами, — реформа, представлявшая собою камень преткновенія для многихъ магометанъ — отнюдь не противорѣчить велѣніямъ Пророка.

Такимъ образомъ, младотурецкое движеніе — движеніе національное, но не панъ-исламистское; при этомъ политика младотурецкихъ реформаторовъ — политика оппортунизма. Будучи сами свободомыслящими, они не забывали, что въ Азіатской Турціи живутъ самые консервативные и самые фанатическіе мусульмане міра; поэтому они должны были дѣйствовать въ высшей степени осторожно, когда необходимость заставляла ихъ порывать съ нѣкоторыми излюбленными народами традиціями. Ссылка доставила этимъ молодымъ людямъ случай придти въ соприкосновеніе съ образованными индусами и другими мусульманами, хорошо знавшими мусульманскій законъ и оказавшими имъ значительную помощь. Достаточно указать, что шейхъ-уль-исламъ, глава муллъ и толкователей Корана въ Турціи, далъ младотурецкому движенію религиозную санкцію, сдѣлавъ выговоръ фанатикамъ, проповѣдовавшимъ противъ реформъ, какъ несогласныхъ съ вѣрой, и принудивъ ихъ отказаться отъ своихъ злонамѣренныхъ плановъ. Если бы не эта поддержка, революція была бы невозможна. Но врядъ ли многимъ извѣстно, что теологическіе аргументы, убѣдившіе шейхъ-уль-ислама занять именно эту позицію, привелъ ему вѣрнопопданный Эдуарда VII, Амиръ-Али, бывший членъ Верховнаго Суда въ Индіи, ученый представитель мусульманскихъ идей и традицій. Этотъ самый Амиръ-Али стоялъ во главѣ депутаціи индусовъ, явившейся недавно къ лорду Морли съ ходатайствомъ отъ мусульманъ-индусовъ, которые, согласно

предложенному правительствомъ плану, не были надлежащимъ образомъ, представлены въ Совѣтахъ.

Пробужденію Турціи, росту либерализма и жаждѣ знаній среди образованныхъ тутокъ, включая сюда даже улемовъ, которыхъ всѣ считали самыми ограниченными изъ мусульманъ-консерваторовъ, — всему этому много помогли тѣ самыя мѣры, которыя Абдуль-Гамидъ принималъ съ цѣлью подавленія этихъ идей и стремленій, какъ опасныхъ для его деспотизма. Всѣ выдающіеся люди, заподозрѣнные Дворцомъ и жившіе въ постоянномъ страхѣ передъ шпионствомъ, которое, словно отвратительный кошмаръ, окружало ихъ, не смѣли вступать въ свободное общеніе другъ съ другомъ и жили совершенно изолированно, облегчая утомительное разнообразіе такой жизни чтеніемъ, которому посвящали больше времени, чѣмъ это бываетъ обыкновенно въ другихъ странахъ, гдѣ передъ людьми лежитъ болѣе широкое поле для приложенія ихъ интеллектуальной энергіи; они читали книги по исторіи, философіи, юриспруденціи и другимъ отраслямъ знанія, доставлявшіяся въ Турцію контрабанднымъ путемъ черезъ ея сухопутныя и морскія границы. Въ послѣднее время турецкимъ изгнанникамъ въ Европѣ удавалось отправлять въ Турцію цѣлыя партіи запрещенной литературы, но вначалѣ страна снабжалась ею скудно; одну книгу, тайно переходившую изъ рукъ въ руки, читали сотни, а иные молодые люди, жаждавшіе просвѣщенія, не жалѣя труда, собственноручно переписывали объемистые томы, взятые ими на время. Многимъ англичанамъ, которые считаютъ себя въ достаточной степени начитанными, пришлось бы краснѣть, узнавъ, насколько лучше ихъ самихъ знаютъ англійскую литературу нѣкоторые изъ ихъ друзей младо-тутокъ. Къ тому же и султанъ, самъ того не видя, помогалъ широкому распространенію тѣхъ самыхъ вліяній, которыя онъ старался уничтожить; въ самомъ дѣлѣ, отправляя изъ Константинополя тысячи образованныхъ людей въ изгнаніе и раскидывая ихъ по различнымъ областямъ имперіи, онъ дѣлалъ ихъ миссіонерами просвѣщенія, либерализма и политическаго недовольства. Въ свою очередь тѣ, которые были сосланы въ чужія страны и жили въ Парижѣ и другихъ западныхъ столицахъ, попадали подъ непосредственное воздѣйствіе новѣйшихъ идей и, находясь въ общеніи со своими друзьями

ми въ Турціи, прививали имъ свои собственные взгляды. Въ результатѣ всю имперію мало-по-малу охватило недовольство правленіемъ султана, и была такимъ образомъ, подготовлена почва для революціи.

VI.

Зарожденіе младо-турецкой партіи.—Броженіе въ Сѣверной Албаніи.—Турецкіе изгнанники въ Женевѣ.—Младотурецкая организація въ Парижѣ.—Пропаганда въ Турціи.—Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса.—Ахметъ Риза-бей.—Присоединеніе армянь.—Парижскіе конгрессы 1902 и 1907 гг.

О младотурецкой партіи впервые заговорили около сорока лѣтъ тому назадъ. Абдуль-Азисъ, нарушивъ обѣщанія, данныя въ началѣ царствованія, сдѣлался абсолютнымъ деспотомъ и поднялъ гоненіе на либерализмъ, укрѣпившійся въ Турціи со времени Махмуда II. Множество образованныхъ людей бѣжали тогда въ Парижъ и Лондонъ и, называя себя младотурками, положили начало движенію, цѣлью котораго была агитація за реформу управленія ихъ родины. Среди нихъ были люди большихъ способностей, въ томъ числѣ и знаменитый Кемаль-бей; вообще все, что было цѣннаго въ литературѣ того періода, вышло изъ этой группы умственно развитыхъ и высоко образованныхъ людей. Они издавали газету, называвшуюся „Хурриетъ“, т. е. — по-турецки — „Свобода“, гдѣ сурово и правдиво обличали высшихъ чиновниковъ и совѣтниковъ султана за ихъ испорченность, неспособность и отсутствіе патріотизма. Надѣлавшая много шума „Хурриетъ“ встревожила Дворецъ и была, разумѣется, внесена въ черный списокъ, но ее тайкомъ ввозили въ страну, гдѣ она имѣла большое вліяніе, сѣя вражду къ существовавшему порядку вещей.

Либерализмъ, какъ мы уже видѣли, сталъ достаточно силенъ, чтобы на короткій періодъ утвердиться въ Турціи. Абдуль-Азисъ былъ низложенъ, а Мидхадъ-паша и другіе дѣятели-патріоты, его единомышленники, стали вводить реформы. Многіе младотурки возвратились изъ Европы, чтобы поддержать новое конституціонное правительство; нѣкоторые изъ нихъ засѣдали въ недолговѣчномъ парламентѣ, который султанъ созвалъ при вступленіи на престолъ.

Все, любившіе Турцію, думали, что день ея возрожденія, наконецъ, наступилъ; но разочарованіе не заставило себя ждать, такъ какъ Абдуль-Гамидъ распустилъ весной 1878 года парламентъ, пріостановилъ конституцію и началъ беспощадно преслѣдовать либераловъ. Младотурецкая партія снова была разсѣяна по лицу земли: одни попали въ тюрьмы, другихъ правительство сослало въ отдаленныя провинціи имперіи, третьи эмигрировали въ Европу, а тѣ, которымъ дозволено было остаться въ Турціи на свободѣ, должны были вести себя осторожно и избѣгать политики, всегда находясь подъ недреманнымъ окомъ вездѣсущихъ шпионовъ.

Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ приблизительно 15-ти лѣтъ о младотурецкомъ движеніи ничего не было слышно. Если оно и существовало, то имѣло или очень слабую организацію или не имѣло никакой, и было безсильно. Казалось, оно было совершенно раздавлено принятыми Дворцомъ репрессивными мѣрами. Правда, отдѣльныхъ членовъ разсѣянной партіи можно было видѣть въ европейскихъ городахъ, гдѣ они зарабатывали себѣ хлѣбъ насущный, занимаясь преподаваніемъ языковъ и другими профессіями, но они рѣдко говорили чужеземцамъ о томъ, чѣмъ были полны ихъ сердца, потому что они находили вообще мало сочувствія къ бѣдствіямъ Турціи.

Но хотя „Молодая Турція“ не обнаруживала никакихъ признаковъ жизни, она, тѣмъ не менѣе, была жива. Въ Константинополѣ и другихъ крупныхъ турецкихъ городахъ путешественникъ-европеецъ никогда не слышалъ разговоровъ объ этомъ движеніи; само слово „Хурриетъ“ было, такъ сказать, вычеркнуто изъ турецкаго словаря, и на всякаго, произнесшаго это слово въ присутствіи другихъ, доносили какъ на измѣнника. Но въ отдаленныхъ частяхъ имперіи языки были связаны менѣе, а память о реформахъ была еще свѣжа. Осенью и зимой 1879 года я путешествовалъ по Сѣверной Албаніи, этой самой дикой области Европы, и убѣдился, что люди говорили тамъ довольно откровенно; дѣло въ томъ, что система шпионства была тогда еще не вполне организована; она еще не достигла Албаніи—непослушной провинціи, гдѣ правительство было безсильно и не внушало ни уваженія, ни страха.

Албанія, сыгравшая, какъ я покажу дальше, значительную роль въ минувшей революціи, находилась во время моего путешествія въ состояніи настоящей анархіи: жандармерія бездѣйствовала, готовые взбунтоваться солдаты отказывались повиноваться своимъ офицерамъ, причемъ ни тѣ, ни другіе по нѣсколько мѣсяцевъ не получали жалованья; мѣстные же жители открыто и никѣмъ не стѣсняемые устраивали въ городскихъ мечетяхъ собранія, на которыхъ раздавались безстрашныя рѣчи и призывы къ возстанію противъ Порты. Офицеры, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, не имѣли никакой надежды на возрожденіе своего отечества, а тѣ изъ нихъ, которые были прежде въ Константинополѣ, говорили, что единственная надежда Турціи—правительство съ людьми въ родѣ Мидхада-паши во главѣ—погибла. Военные доктора въ Скутари—большую частью армяне—высказывались еще рѣшительнѣе и желали низложенія и даже умерщвленія султана. Одинъ изъ этихъ докторовъ описалъ мнѣ положеніе страны въ такихъ словахъ: „Вы не имѣете никакого представленія о томъ, до какой степени продажно и подло турецкое правительство. Султанъ сосетъ кровь изъ всей страны; мы, работники—чиновники, доктора, солдаты—теперь вовсе не получаемъ жалованья. Пока они думаютъ, что могутъ брать нашъ трудъ даромъ, они не выпускаютъ изъ своихъ рукъ ни одной *пара*. Возьмите хоть то, что было со мной. Я сорокъ лѣтъ былъ докторомъ въ турецкой арміи, служилъ Турціи во время Крымской войны, прошелъ черезъ всю Азію, я имѣю полное право на хорошую пенсію. Много дней я ходилъ по разнымъ правительственнымъ учрежденіямъ Константинополя и влягалъ мое дѣло властимушымъ. Власти эти отдѣлывались отъ меня всевозможными обѣщаніями, но я зналъ, что это значитъ, не переставалъ ходить къ нимъ каждый день и надоѣлъ имъ до такой степени, что они рѣшили такъ или иначе отъ меня отвязаться. „Въ Скутари, въ Албаніи, сказали мнѣ, находится постоянный госпиталь; во вниманіе къ вашей продолжительной службѣ мы назначаемъ васъ туда главнымъ врачомъ. Отправляйтесь немедленно на вашъ постъ“. Вотъ я и пріѣхалъ сюда, пріѣхалъ на свой собственный счетъ, и что же вы думаете я здѣсь нашелъ? Постоянный госпиталь больше не существуетъ, онъ миеъ; они

въ Константинополѣ все время объ этомъ знали,—и когда я убрался отъ нихъ, они, конечно, смѣялись, радуясь, что такъ ловко отдѣлались отъ старой, надоедливой дряннѣ. Затѣмъ онъ началъ рассказывать о страданіяхъ войскъ и увѣрялъ меня, что, какъ ни вѣрны и ни послушны они отъ природы и по традиціи, но и они не хотятъ больше сносить такого обращенія, и что зрѣтъ военный мятежь, который свергнетъ деспотизмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ послѣднемъ онъ ошибался, потому что цѣлыхъ тридцать лѣтъ должно было пройти, прежде чѣмъ дѣйствительно наступило то событіе, которое онъ предсказывалъ. Онъ также рассказывалъ мнѣ о членахъ младотурецкой партіи, которыхъ встрѣчалъ въ Константинополѣ въ короткій періодъ существованія свободныхъ учрежденій. Онъ восхищался ихъ терпимостью и спросилъ меня, какъ бы я посмотрѣлъ, если бы, укрывшіеся въ Англіи, младотурецкіе эмигранты рассказывали о переживаемой Турціей смутѣ,—убѣдили ли бы они британское правительство быть защитникомъ турецкой свободы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣдился, что слава Мидхада-паши, какъ честнаго, справедливаго и любящаго родину государственнаго дѣятеля, разнеслась даже по этой дикой странѣ; поэтому неудивительно, что, страшась такой популярности Мидхада, султанъ добился его гибели и сдѣлалъ его, такимъ образомъ, первымъ мученикомъ за дѣло младотурокъ. Албанцы - мусульмане глубоко уважали Мидхада и смотрѣли на него, какъ на своего возможнаго спасителя. Они въ то время создали организацію, извѣстную подъ именемъ Албанскаго Союза; первой цѣлью этой организаціи было воспрепятствовать силой оружія передачѣ Черногоріи албанскаго города Гусинье съ областью, который, по условію Берлинскаго Трактата, Турція уступала Черногорскому княжеству; второй цѣлью было сверженіе ига султана. Эти союзники являлись въ то время господами Албаніи. Они постановили и привели въ исполненіе убійство въ Дьяковѣ Магомета-Али, генерала, посланнаго Портой съ опасной миссіей договориться объ этой передачѣ турецкой территоріи врагамъ Турціи; около восьми тысячъ албанцевъ, вмѣстѣ съ мусульманами-бѣглецами изъ Босніи и дезертирами изъ турецкой арміи, заняли Гусинье подъ предводительствомъ Али-бея.

Гусинье, между прочимъ, до сихъ поръ принадлежит Турціи, потому что великія державы, отдавшія этотъ городъ Черногоріи, не могли пушками своихъ военныхъ судовъ добиться сдачи мѣста, расположеннаго среди горъ внутри страны. Черногорію пришлось, въ концѣ концовъ, удовлетворить иначе.

Я пересѣкъ горы, которыя лежатъ между Скутари и Гумны, причемъ однажды меня приняли за русскаго шпіона и чуть-чуть не отрѣзали голову; зато мнѣ удалось видѣть много албанцевъ-союзниковъ. Одинъ изъ ихъ вождей сказалъ въ разговорѣ со мной слѣдующее: „что дѣлаютъ для насъ тѣ, кто правитъ въ Константинополѣ? Облагаютъ насъ податями, грабятъ насъ—вотъ и все. А что они даютъ намъ взаменъ того, что отъ насъ берутъ? Могутъ ли они защитить насъ, заступаться за насъ? Нѣтъ! Они продали наши земли черногорцамъ и австрійцамъ. Я говорю вамъ: мы, союзники, поклялись, что у насъ турокъ больше не будетъ. Албанія должна получить независимость. Державы должны признать насъ. Если онѣ этого не сдѣлаютъ, бѣда не велика. Пусть онѣ оставятъ насъ въ покоѣ; этого съ насъ достаточно“. Затѣмъ, неожиданно обращаясь ко мнѣ, онъ спросилъ: „Какого мнѣнія вы, англичане, о Мидхадѣ-пашѣ?“. Я рассказалъ ему о томъ уваженіи, какое питаютъ къ Мидхаду мои соотечественники; ему, повидимому, было пріятно слышать это, и онъ отвѣтилъ: „Турки его не хотятъ, а мы хотимъ. Мы добиваемся образованія независимаго Албанскаго княжества, и желаемъ, чтобы нашимъ княземъ былъ этотъ славный Мидхадъ-паша“. Я рассказалъ объ этихъ своихъ встрѣчахъ въ Албаніи для того, чтобы охарактеризовать настроеніе, господствовавшее тридцать лѣтъ тому назадъ въ турецкихъ окраинныхъ провинціяхъ, и показать, что хотя въ Европѣ о младотуркахъ ничего не было слышно, однако брошенное ими сѣмя упало не на бесплодную почву; въ концѣ концовъ, когда время настало, турецкій народъ, вспомнивъ рассказы отцовъ о добромъ Мидхадѣ, былъ готовъ встать рядомъ съ его учениками.

Но съ 1878 года, когда была приостановлена конституція, до 1891 г. никакой младотурецкой организаціи, повидимому, не было, хотя число турокъ, жаждавшихъ освобожденія отъ ненавистнаго режима, возрастало день

ото дня. Уже много вѣковъ Женева является безопаснымъ убѣжищемъ для людей изъ другихъ странъ, возставшихъ противъ тираниіи духовныхъ или свѣтскихъ властей; такъ, въ настоящее время тамъ можно найти интересную маленькую группу русскихъ анархистовъ и вообще всякаго рода недовольныхъ и мечтателей, которые обдумываютъ тамъ свои замыслы, а въ случаѣ надобности изготовляютъ любимое орудіе анархіи—бомбы. Именно въ этомъ красивомъ городѣ группа турокъ-эмигрантовъ и изгнанниковъ образовала въ 1891 г. ассоціацію, превратившуюся впоследствии въ „Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса“.

Для патриотовъ-турокъ настала дѣйствительно пора встрепенуться и придти на помощь своей родинѣ, потому что какъ разъ около этого времени начался наиболѣе критическій періодъ въ ея исторіи, и различныя событія въ ея европейскихъ и азіатскихъ провинціяхъ грозили разрушеніемъ самой имперіи. Въ 1890 г. преслѣдуемые армяне начали агитацію, которую султанъ прекратилъ массовыми убійствами. Къ тому же въ началѣ 90-ыхъ годовъ македонскіе болгары устроили заговоръ, который послѣ ряда незначительныхъ беспорядковъ привелъ къ возстанію 1893 г.; здѣсь, какъ и въ Арменіи, турецкія иррегулярныя войска подавили возмущеніе рѣзней и грабежами. Европа, особенно Англія, пришла въ негодованіе; въ 1903 году британское правительство пригласило другія державы присоединиться къ нему и припудить Порту принять подъ контролемъ Европы рядъ реформъ, которыя обезпечили бы лучшее управленіе и безопасность христіанскихъ подданныхъ Турціи. Но соперничество державъ не допускало никакой искренней совмѣстной дѣятельности: цѣлью двухъ самыхъ могущественныхъ сосѣдей Турціи было уничтоженіе Оттоманской имперіи, а не реформы въ ней. Планъ британцевъ былъ отвергнутъ; мѣры же, принятыя державами, оказались совершенно недостаточными; анархія въ Македоніи все росла и росла; становилось очевиднымъ, что рано или поздно будетъ необходимо прибѣгнуть къ рѣшительному, насильственному вмѣшательству извнѣ.

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ младотурецкой программы является сохраненіе Оттоманской имперіи въ цѣлости. Оппортунисты въ остальной своей

политикѣ, младотурки твердо рѣшили, что ни одинъ клочокъ Оттоманской территоріи не долженъ болѣе перейти подъ власть иностранцевъ. Они сознаютъ, что иностранное вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи означаетъ потерю національной независимости и неизбежное изгнаніе турокъ съ европейской стороны Босфора. Они всѣми силами противятся предполагаемому разрѣшенію иностранными державами племенной распри въ Македоніи; поэтому главный членъ ихъ символа вѣры гласитъ, что если Турція желаетъ сохранить свои владѣнія, реформы въ ней должны придти изнутри, а не извнѣ. Зная, что образованные классы въ Турціи сочувствуютъ имъ, и что притѣсненія посѣяли недовольство въ массахъ, эти турецкіе патриоты въ Женевѣ рѣшили создать организацію, задачей которой было бы—оказывать давленіе на турецкое правительство и заставить султана дать самыя необходимыя реформы. Тогда они еще не находили нужнымъ требовать низложенія монарха въ томъ случаѣ, если онъ станетъ упорствовать, но они рѣшили создать въ Константинополѣ такое положеніе, чтобы послѣ смерти настоящаго искуснаго и властолюбиваго монарха его преемникъ не могъ бы править столь же деспотически.

Главная квартира организаціи была перенесена изъ Женевы въ Парижъ; въ Лондонѣ и прочихъ столицахъ у нея были отдѣленія. Народы, среди которыхъ жили младотурки, удѣляли имъ чрезвычайно мало вниманія; въ глазахъ многихъ они были лишь безобидными мечтателями. Но самъ султанъ зналъ ихъ лучше; турецкому посольству въ Парижѣ было предписано какъ можно внимательнѣе наблюдать за организаціей; изъ Константинополя были туда посланы шпіоны, обязанные доносить непосредственно во Дворецъ обо всемъ, что они смогутъ узнать относительно ея членовъ. Въ самой Турціи были приняты еще болѣе активныя мѣры къ подавленію движенія. Система шпіонства стала еще болѣе невыносимой, въ результатѣ чего численность враговъ господствовавшего режима увеличивалась, а лучшие люди Турціи бѣжали съ родины и становились въ ряды парижскихъ заговорщиковъ.

Теперь, когда слово въ Турціи совершенно свободно, возвращающіеся изгнанники рассказываютъ удивитель-

ныя, даже чудесныя вещи о своихъ приключеніяхъ въ эти мрачныя дни. Покинуть Турцію безъ разрѣшенія инквизиторскаго правительства было тогда для турецкаго подданнаго государственнымъ преступленіемъ, влекущимъ за собою лишеніе всѣхъ правъ и конфискацію имущества. Такъ какъ полиція тщательно осматривала каждый уходившій пароходъ, то бѣжать изъ Константинополя моремъ было не легко, сушей же еще труднѣе. Иногда турку помогали бѣжать его англійскіе друзья. Напрямѣръ, съ согласія одного изъ нашихъ консуловъ, въ консульствѣ укрылся однажды бѣглець-паша; тамъ онъ переодѣлся въ костюмъ матроса, а когда представилась возможность, спокойно вышелъ изъ консульства, за которымъ тщательно наблюдали, вмѣстѣ съ капитаномъ одного англійскаго торговаго судна, удовлетворительно отвѣтилъ на вопросы полицейскихъ сыщиковъ на набережной и взшелъ на британскій корабль, который долженъ былъ отвезти его въ безопасное мѣсто; въ корабельн хъ книгахъ онъ былъ помѣченъ поваромъ, и у него имѣлся необходимый документъ отъ консула. Иногда же какой-нибудь британскій пароходъ, спускаясь по Восточному Босфору, останавливалъ свои машины и подъ прикрытіемъ темноты посылалъ лодку, которая, согласно предварительному уговору, забирала съ пустыннаго берега партію бѣглецовъ-турокъ, спасавшихся отъ веревки палача.

Дворецъ въ своихъ попыткахъ уничтожить младотурецкую организацію пускалъ въ ходъ въ Турцію терроръ, а въ Парижѣ подкупъ. Нѣкоторые изъ членовъ организаціи, соблазненные обѣщанными наградами, согласились измѣнить своему дѣлу и вернуться въ Турцію. Находились и настолько низкіе, которые служили шпионами. Такъ, одинъ, имя котораго лучше, пожалуй, не упоминать, добился вліятельнаго положенія въ Парижскомъ Комитетѣ, узналъ его тайны и вернулся въ Константинополь, чтобы выдать ихъ султану. Но организація, несмотря на преслѣдованія, все крѣпла; патриоты-турки доставляли средства, которые давали ей возможность вести пропаганду. Парижскій Комитетъ выпускалъ газету и издалъ рядъ брошюръ, трактовавшихъ о несправедливостяхъ гамидовскаго режима и призывавшихъ къ низложенію султана; эти сочиненія ввозились контрабандой въ Турцію, широко тамъ распространялись и жадно читались, несмотря

на бдительность все растущей армии штатовъ. Константинопольскіе агенты Комитета имѣли обыкновеніе расклеивать подъ покровомъ ночи по улицамъ города революціонныя воззванія; иногда на стѣнахъ самаго дворца находили наклеенныя афиши, грозившія султану смертью. Абдуль-Гамидъ, жившій въ постоянномъ страхѣ, удвоилъ свою осторожность.

Въ 1901 году султанъ, извѣщенный своимъ парижскимъ посланникомъ, что Парижскій Комитетъ готовится большую младотурецкую демонстрацію въ самомъ Константинополѣ, такъ загорѣлся желаніемъ перехватить переписку между Парижемъ и членами младотурецкой партіи въ столицѣ, что нарушилъ международный договоръ, захвативъ и вскрывъ тюки съ европейской почтой, адресованные въ различныя иностранныя почтовые конторы Константинополя; державы пригрозили соединенной морской демонстраціей, для предотвращения которой Абдуль-Гамиду пришлось прибѣгнуть къ униженнымъ извиненіямъ и торжественнымъ обѣщаніямъ.

Въ Парижѣ „Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса“ — мы будемъ называть организацію этимъ, на весь міръ теперь прославленнымъ именемъ, которое она приняла нѣсколько лѣтъ тому назадъ — дѣйствовалъ подъ руководствомъ Ахметъ-Риза-бея, который, самоотверженно отдаваясь дѣлу въ теченіе 18-ти лѣтъ своей ссылки, вернулся въ Турцію въ прошломъ году послѣ объявленія конституціи и состоитъ теперь предсѣдателемъ турецкой палаты депутатовъ. Въ послѣдніе годы гамидовскаго режима Комитетъ усилился также благодаря тому, что въ него вошли нѣсколько высокопоставленныхъ турокъ, бѣжавшихъ изъ Константинополя въ Парижъ съ цѣлью помочь національному движенію. Въ числѣ этихъ бѣглецовъ былъ родственникъ султана, принцъ Саба-Эддинъ, который всею душой отдался революціонному движенію и защищалъ политику болѣе рѣшительную и радикальную, чѣмъ та, которую принимало большинство младотурокъ; либерализмъ послѣднихъ, если его сравнить съ тѣмъ, что считаютъ въ настоящее время либерализмомъ въ Англии, есть не что иное, какъ торизмъ. Принцъ Саба-Эддинъ — рѣшительный сторонникъ автономіи окраинъ, онъ является истиннымъ вождемъ партіи „Либеральнаго Единенія“, добывающей такой

полной децентрализаціи, какая большинству мусульманъ представляется опасной, а грекамъ, естественно, нравится

Несмотря на то, что этихъ турецкихъ джентльменовъ, съ ихъ остроумными рѣчами и отличными манерами, хорошо принимали въ парижскихъ салонахъ и лондонскихъ гостиныхъ, однако въ Европѣ мало кто вѣрилъ, что младотурецкое движеніе имѣеть шансы на достиженіе своихъ цѣлей, хотя бы и въ самомъ далекомъ будущемъ; дѣло въ томъ, что это движеніе избѣгало огласки, и въ то время, когда греки, болгары и армяне кричали о своихъ бѣдахъ съ упорствомъ, доставившимъ имъ большую извѣстность и горячее сочувствіе, патриоты-турки, не желавшіе обращаться за помощью къ иностранцамъ, не принимали никакихъ мѣръ къ тому, чтобы въ Европѣ узнать объ ихъ стремленіяхъ. Правда, Ахметъ-Риза пріѣхалъ въ 1904 году въ Лондонъ и въ первый разъ за свою жизнь выступилъ съ рѣчью на одномъ митингѣ, но не для того, чтобы молить о сочувствіи къ туркамъ-мусульманамъ, отъ лица которыхъ онъ выступилъ; онъ хотѣхъ выразить мнѣніе своей партіи относительно иностраннаго вмѣшательства въ турецкія дѣла, все равно, будетъ ли это вмѣшательство исходить отъ правительства или отъ комитетовъ англійскихъ гуманитаріевъ. Ахметъ-бей, признавая законность восстанія противъ деспотизма, осудилъ, однако, въ своей рѣчи европейскихъ друзей Арменіи и Македоніи за то, что они неправильно и искусственно вызываютъ волненія и играютъ, такимъ образомъ, роль панъ-славянскихъ агентовъ; въ заключеніе онъ заявилъ, что, поддерживая безпорядки среди христіанскаго населенія Турціи, они становятся болѣе или менѣе ответственными за ту рѣзню, которая обыкновенно за этими безпорядками слѣдуетъ. Собраніе, какъ выражается офиціальный отчетъ „было крайне взволновано, и оратора много разъ прерывали“. Послѣдующіе ораторы сказали много неприятныхъ вещей по адресу Ахметъ-Ризы и младотурокъ. Вотъ выдержка изъ рѣчи одного вліятельнаго гуманитарія, присутствовавшего на этомъ собраніи: „Я не жалѣю, что этотъ джентльменъ высказался; теперь ясно, до какой степени невозможно ожидать какихъ-либо реформъ въ Турціи со стороны младотурокъ. Они думаютъ только о себѣ. Права христіанъ при султанѣ такого образа мыслей,

какого держится только что сѣвшій джентльменъ, были бы обезпечены ничуть не болѣе, чѣмъ при нынѣшнемъ султанѣ“.

И однако въ это самое время Ахметъ-Риза и его союзники-мусульмане разрабатывали планъ, который долженъ былъ принести свободу, безопасность и правосудіе христіанскимъ подданнымъ Порты, и которому, сверхъ того, суждено было имѣть успѣхъ, въ то время какъ вся дипломатія державъ и слишкомъ часто ложно направленные усилія европейскихъ гуманитаріевъ неизмѣнно терпѣли неудачу. Младотурки, подобно своему великому предшественнику Мидхад-пашѣ, видѣли, что спасти Турцію отъ распада можетъ только полное уравненіе въ правахъ всѣхъ ея племенъ и религій. Поэтому они поставили своей задачей осуществить совмѣстную дѣятельность разнообразныхъ элементовъ населенія и заключить союзъ съ армянскими, болгарскими и прочими не мусульманскими революціонными комитетами въ Парижѣ.

Этотъ планъ всѣмъ слышавшимъ о немъ показался прямо химерическимъ, потому что у младотурокъ и ихъ предполагаемыхъ союзниковъ не было ничего общаго, кромѣ стремленія свергнуть деспотизмъ. Дѣйствительно, ихъ идеалы казались исключаящими другъ друга: младотурки прежде всего хотѣли сохраненія цѣлости Оттоманской имперіи и такого союза ея народовъ, который придалъ бы ей силы; революціонеры не-мусульмане, напротивъ, относились къ цѣлости имперіи съ полнымъ равнодушіемъ. Большинство ихъ желало не реформировать Турцію, а разрушить ее. Не стремились они и къ единенію другъ съ другомъ; различныя христіанскія народности, наоборотъ, ненавидѣли другъ друга и мелѣли совершенно непримиримые планы. Такъ, македонскіе болгары, греки и сербы мечтали объ образованіи автономныхъ государствъ или о присоединеніи Македоніи соотвѣтственно къ Болгаріи, Греціи и Сербіи. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ не-мусульманскихъ комитетахъ пріобрѣли силу анархическія идеи, къ которымъ консервативные турецкіе реформаторы не могли имѣть ни малѣйшей симпатіи. Осуществить какое бы то не было сотрудничество элементовъ, до такой степени различныхъ, а во многихъ отношеніяхъ даже антагонистическихъ, казалось совершенно невозможнымъ.

Но младотурки относились къ своему дѣлу крайне серьезно; они были терпѣливы и умѣли убѣждать; они заставили руководителей не-мусульманскихъ комитетовъ выслушать свои доводы и посылали делегатовъ на ихъ собранія. Прошло, конечно, немало времени, прежде чѣмъ они могли придти къ соглашенію съ людьми, которымъ трудно было повѣрить, что господство турокъ можно примирить съ интересами христіанъ и евреевъ. Въ концѣ концовъ, какъ это ни удивительно, парижскимъ младотуркамъ, этимъ честнымъ патриотамъ, удалось убѣдить другія группы въ своей искренности, выдвинувъ на первый планъ полное равенство въ глазахъ закона всѣхъ племенъ и религій въ Турціи и указывая на это, какъ на существенный пунктъ своей программы.

Армянскіе комитеты первые примкнули къ младотурецкому движенію, союзъ между ними былъ заключенъ въ Парижѣ въ 1903 году и честно соблюденъ обѣими сторонами. Мы еще увидимъ, какъ по-братски относились другъ къ другу эти два народа послѣ провозглашенія конституціи, какъ міръ былъ удивленъ зрѣлищемъ армянскихъ и мусульманскихъ священниковъ, рука объ руку шествовавшихъ въ процессіяхъ, какъ корректно держались турки и армяне во время парламентскихъ выборовъ. Союзъ ихъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, союзомъ вполне естественнымъ, потому что никакой дѣйствительной вражды между двумя этими народами до царствованія Абдуль-Гамида и никогда не было. Армянская рѣзня— дѣло не турокъ, а дикихъ курдовъ, руководимыхъ придворной камарильей.

„Въ исторіи мало болѣе трогательныхъ картинъ“, — пишетъ одинъ турецкій подданный въ „Nineteenth Century“ — чѣмъ та, которую представляетъ посѣщеніе многочисленнымъ собраніемъ турокъ (въ августѣ 1908 г.) армянскаго константинопольскаго кладбища съ цѣлью возложить вѣнки на могилы жертвъ рѣзни 1894 года и выслушать молитвы, прочитанныя священникомъ надъ прахомъ убитыхъ“.

На пути къ соглашенію между младотурками и армянскими революціонерами стояло къ тому же мало препятствій политическаго характера. Тутъ проблема отличалась отъ проблемы грековъ и славянъ, живущихъ въ Македоніи, гдѣ на границахъ находились независимыя

государства родственныхъ народовъ, отъ которыхъ можно было ожидать защиты и на присоединеніе къ которымъ можно было надѣяться. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время Арменія есть не что иное, какъ географическій терминъ; древнюю Арменію подѣлили Турція, Россія и Персія, причемъ въ турецкой Арменіи мусульманъ значительно больше, чѣмъ армянъ, такъ что созданіе независимаго армянскаго княжества, какого желала группа армянскихъ революціонеровъ, являлось, очевидно, задачей, совершенно невыполнимой. Всѣ болѣе проникательные армяне видѣли, что власть Турціи нельзя перемѣнить ни на что, кромѣ власти Россіи, но опытъ ихъ собратьевъ по ту сторону границы показалъ имъ, что изъ двухъ золъ власть Турціи будетъ зломъ меньшимъ, потому что подъ нею они все же пользуются нѣкоторой автономіей и кой-какими привилегіями—правда, сильно урѣзанными деспотизмомъ Абдуль-Гамида,—которыя навѣрно отняло бы русское правительство.

Поэтому цѣлью всѣхъ умѣренныхъ среди недовольныхъ армянъ было, оставаясь подъ властью оттоманъ, добиться гражданскихъ свободъ и такихъ учрежденій, которыя обезпечили бы ихъ личную безопасность, ихъ имущество и честь ихъ женъ и дочерей. Но младотурецкая программа какъ разъ обѣщала имъ все это, и даже больше; поэтому, сознавая, что мощное мусульманское движеніе имѣетъ много шансовъ на успѣхъ, они рѣшили испытать судьбу вмѣстѣ съ Ахметъ-Ризой и его собратьями-революціонерами.

Этотъ союзъ, однако, не могъ осуществиться до тѣхъ поръ, пока армяне не отказались отъ прежнихъ методовъ своей пропаганды. Въ теченіе многихъ лѣтъ они взывали черезъ свои комитеты къ европейскимъ державамъ, умоляя ихъ заставить султа а даровать, во исполненіе торжественныхъ обѣщаній, данныхъ имъ при подписаніи Берлинскаго Трактата, лучшее управленіе своимъ христіанскимъ подданнымъ въ Арменіи. Но младотурки настойчиво требовали, чтобы никакихъ обращеній за помощью къ иностраннымъ державамъ больше не было, чтобы армяне отнынѣ положились исключительно на поддержку своихъ согражданъ-мусульманъ, совершенно прекратили бы всякую агитацію прежняго типа, такъ какъ она можетъ повлечь за собою новыя избіенія, и ожидали взрыва

революціи, которая должна освободить всѣ народы, находящіеся теперь подъ гнетомъ деспотизма.

Слѣдуетъ замѣтить, что со времени этого соглашения въ 1903 г. почти ничего не было слышно о бѣдствіяхъ Арменіи; шумная армянская пропаганда была сильно сужена ея руководителями; младотурецкое движеніе могло свободно расти, вниманіе же Европы было привлечено анархіей въ Македоніи. Младотурки работали обыкновенно втайнѣ, но иногда, когда того требовала ихъ политика, они открыто выступали предъ широкими общественными кругами Европы. Такъ, въ 1904 г., вскорѣ послѣ объединенія младотурокъ и армянскихъ комитетовъ, Ахмедъ-Риза Ызидъ въ Лондонѣ и на одномъ публичномъ собраніи выступилъ съ рѣчью, о которой уже говорилось выше протестуя противъ вмѣшательства англійскихъ гуманитаріевъ въ армянскія дѣла. Можно думать, что онъ тогда же повліялъ на тѣхъ, кто руководилъ политикой Англо-армянской ассоціаціи, расположивъ ихъ въ пользу своего мнѣнія, потому что какъ разъ около этого времени активная пропаганда этой организаціи неожиданно прекратилась.

Но хотя Ахметъ-Риза и его союзники дѣятельно подготавливали почву для грядущей революціи, посылая пропагандистовъ, которые распространяли ихъ взгляды среди молодыхъ офицеровъ турецкой арміи и знакомили мусульманское духовенство съ толкованіями Корана, болѣе благоприятными духу реформъ и терпимости, — однако все это они дѣлали втайнѣ даже отъ своихъ друзей. Разразившаяся революціи, несмотря на продолжительное ея подготовленіе явилась совершеннѣйшей неожиданностью даже для англичанъ, соприкасавшихся съ турецкими реформаторами въ Парижѣ и сочувствовавшихъ стремленіямъ этихъ самоотверженно преданныхъ родиנѣ юдей, которые избѣгали политическихъ выступленій, отклоняли интервью съ представителями прессы и вели самую скромную жизнь, беззавѣтно отдаваясь своему дѣлу. Я могу, между прочимъ, указать на то, что съ 1904 года должностныя лица общества „Восточный вопросъ“ (Eastern Questions Association) — которое, я полагаю, всегда держалось того мнѣнія, что сильная и независимая Турція составляетъ существенный факторъ международнаго равновѣсія — находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ахметъ-Ризой-беемъ, навѣ-

щали его въ Парижѣ, оказывали младотурецкой партіи солидную поддержку и энергично осуждали коварную политику Россіи и Австріи въ Македоніи.

Итакъ, младотурки вступили въ соглашеніе съ армянами; позднѣе между ними было условлено, что когда придетъ пора, и Комитетъ дастъ знакъ къ возстанію мусульманъ въ Турціи, армяне тоже должны возстать; было ясно, что султанъ не уступитъ ничему, кромѣ силы, и что только путемъ вооруженнаго мятежа, притомъ, быть можетъ, кровопролитнаго, могутъ добиться своей цѣли освободители Турціи.

Теперь младотурки поставили своей дальнѣйшей задачей привлечь на свою сторону прочіе не мусульманскіе революціонные комитеты. Поладить съ евреями было не труднѣе, чѣмъ съ армянами, потому что еврей—народъ безъ территоріи, а потому и не могутъ строить никакихъ плановъ о національной независимости; они возлагаютъ надежды только на перемѣну въ образѣ правленія Оттоманской имперіи, и въ ихъ интересахъ добиваться такой перемѣны. Но въ своихъ попыткахъ убѣдить македонскихъ болгаръ, грековъ и сербовъ, менѣе всего думавшихъ о томъ, чтобы стать патриотами-оттоманами, младотурки встрѣтились съ почти непреодолимыми трудностями.

Этимъ революціонерамъ надо было приводить аргументы другого рода. Имъ доказывали, что безъ помощи извнѣ они не въ состояніи добиться независимости путемъ вооруженной борьбы съ султаномъ; что въ высшей степени невѣроятно, чтобы соперничающія одна съ другой великія державы, вмѣшавшись въ дѣла Македоніи, благопріятно отнеслись къ стремленіямъ ея христіанскаго населенія; что призывать иностранное вмѣшательство—пріемъ вообще крайне опасный, и что въ результатѣ царящей въ странѣ анархіи, за которую отвѣтственны революціонныя четы, можетъ произойти захватъ большей части Македоніи Австро-Венгеріей—а въ ненависти къ ней единодушны всѣ народы Балканскаго полуострова; однимъ словомъ, что македонскимъ христіанамъ выгодно оставить свои планы объ отложеніи отъ Оттоманской имперіи и присоединиться къ младотуркамъ, цѣль которыхъ—сохранить имперію въ цѣлости и предоставить равныя права всѣмъ народамъ, ее населяющимъ.

Какъ это ни странно, однако македонскіе комитеты

въ Парижѣ поддались, въ концѣ концовъ, убѣжденіямъ и присоединились къ младотуркамъ, хотя сначала, быть можетъ, не вполне искренно и съ мысленными оговорками. Они сознавали, что на солидную помощь со стороны Европы имъ надѣяться, дѣйствительно, нечего, и соглашались совместно съ младотурками бороться за сверженіе гамидовскаго режима. Послѣ успѣшной революціи, — думали они, — можетъ случиться что-нибудь такое, что дастъ имъ возможность добиться національной независимости, отъ мысли о которой они все еще не могли отказаться; даже въ томъ случаѣ, если эта надежда обманетъ, они, оказавъ поддержку младотуркамъ, будутъ въ состояніи потребовать общаго уравненія въ правахъ. Однако, антагонизмъ интересовъ, разъединявшій отдѣльныя группы, и анархическіе принципы, которые исповѣдывались нѣкоторыми революціонными вождями, дѣлали крайне труднымъ примиреніе всѣхъ несходныхъ элементовъ; конгрессъ, созванный въ Парижѣ въ 1902 году, имѣлъ результатомъ еще большій расколъ; и только къ 1907 г. различные комитеты сумѣли выработать программу, которая оказалась пріемлемой для всѣхъ, а къ тому времени младотурки уже основали въ Македоніи тайное общество и обезпечили себѣ вѣрность значительной части той грозной турецкой арміи, безъ содѣйствія которой, какъ это хорошо знали македонскіе христіане, революція не имѣла никакихъ шансовъ на успѣхъ.

Въ декабрѣ 1907 г. въ Парижѣ собрался конгрессъ турецкихъ революціонеровъ, на которомъ были представлены Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса, Армянскій, Болгарскій, Еврейскій, Арабскій, Албанскій и другіе; делегаты единогласно приняли слѣдующіе пункты: низложеніе султана Абдуль-Гамида, сохраненіе въ цѣлости Оттоманской имперіи, абсолютное равенство въ глазахъ закона всѣхъ народовъ и религій, введеніе парламентскихъ учрежденій согласно конституціи Мидхада-паши.

„Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса“, какъ представительный органъ господствующей расы и боевыхъ силъ революціи, естественно, принялъ на себя руководящую роль, а члены его, изъ которыхъ лишь немногіе были не мусульмане, сдѣлались организаторами возстанія и уполномоченными другихъ комитетовъ. Здѣсь можно

указать, что резолюціи конгресса не имѣли никакихъ послѣдствій въ смыслѣ умиротворенія Македоніи, гдѣ положеніе вещей становилось, напротивъ, все хуже и хуже, такъ какъ Греція и Болгарія, все еще надѣявшіяся на распаденіе Турціи, посылали туда свои вооруженные отряды, чтобы поддержать свои требованія; страна стояла отъ убійствъ, насилій и грабежей. Не больше успѣха имѣли и усилія великихъ державъ, выпустившихъ въ 1907 г. категорическую декларацію, которая гласила, что ни одному изъ македонскихъ племенъ не будетъ дозволено извлечь какую бы то ни было выгоду изъ дѣятельности своихъ революціонныхъ четъ.

VII.

Революціонная партія дѣлаетъ своимъ базисомъ Македонію.— Опасенія иностраннаго вмѣшательства.— Неловольство въ арміи.— Племенная распря въ Македоніи.— Греки и экзархисты.— Салоники, какъ главная квартира тайнаго общества.— Франкъ-масоны въ Салоникахъ.

Въ 1906 г. Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса рѣшилъ, что настала пора перенести организацію въ предѣлы Турціи и тамъ сдѣлать окончательныя приготовления для нападенія на деспотизмъ; мѣстомъ дѣйствія для первыхъ шаговъ была избрана Македонія.

Были вѣскія основанія въ пользу того, чтобы избрать стратегической базой именно эту часть Турціи. Прежде всего, преимущественно здѣсь дѣйствовали силы, угрожавшія быстрымъ разрушеніемъ Оттоманской имперіи, и младотурки видѣли, что если они не поспѣшатъ на помощь, то будетъ уже поздно, и Македонія будетъ потеряна. Ужасное положеніе этой области, наводненной шайками разбойниковъ, получавшихъ поддержку отъ враговъ Турціи, уже вызвало великія державы на вмѣшательство во внутреннія дѣла Македоніи, которое глубоко оскорбляло всѣхъ турецкихъ патріотовъ. Державы принудили султана, пригрозивъ ему силой, подчинить гражданское управленіе Македоніи надзору международной комиссіи и согласиться на сформированіе международной жандармеріи, которую обучать и которой командовать будутъ иностранные офицеры—изъ нихъ, замѣтимъ мимоходомъ,

наибольшій успѣхъ имѣли, несомнѣнно, англичане, такъ какъ къ нимъ турецкіе солдаты относятся лучше, чѣмъ къ прочимъ. Но хотя турки-патріоты часто находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ этими офицерами, имъ, такимъ образомъ, навязанными, однако они не могли не возмущаться иностраннымъ вмѣшательствомъ и питали горькое чувство къ режиму, установленному Гамидомъ, чье неспособное управленіе привело Турцію къ такому позору и дало всему міру основаніе смотрѣть на оттомановъ, какъ на народъ, до такой степени одряхлѣвшій, что онъ не можетъ болѣе самъ устраивать свои дѣла.

Въ этомъ иностранномъ вмѣшательствѣ была одна подробность, особенно непріятная для младотурокъ и особенно ихъ встревожившая. Реформы, предложенныя Англійей, страной незаинтересованной, державы отвергли, поручивъ Россіи и Австріи—на которыхъ турки смотрѣли, какъ на злѣйшихъ своихъ враговъ—ввести въ Македоніи реформы по своей собственной программѣ.

Турки, какъ и независимые наблюдатели иностранцы, утверждали, что двѣ послѣднія державы нарочно сдѣлали эту программу совершенно непригодной, и что дѣятельность ихъ представителей была направлена къ тому, чтобы поддерживать беспорядки и распрю среди христіанскаго населенія и тѣмъ самымъ помочь осуществленію плановъ раздѣла Европейской Турціи.

Ясные для каждаго результаты этого иностраннаго вмѣшательства послужили урокомъ для жителей Македоніи, какъ для образованныхъ, такъ и крестьянъ, какъ для простыхъ обывателей, такъ и солдатъ; всѣ они убѣдились, что если турецкая система управленія не будетъ улучшена, то иностранное давленіе на страну станетъ все усиливаться, пока она, наконецъ, не потеряетъ свою независимость. По всей Македоніи распространилось, такимъ образомъ, глубокое недовольство существующимъ порядкомъ вещей, и подготовлялась почва для огромнаго заговора.

Привлечь на свою сторону армію было для младотурокъ задачей первостепенной важности; въ этомъ отношеніи Македонія тоже годилась для первыхъ шаговъ, такъ какъ войска находились тамъ въ положеніи еще худшемъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой части

имперіи, и готовы были возстать. Эти войска — плохо одѣтыя, полуголодные и рѣдко получавшія жалованье — въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вели съ отрядами христіанъ-инсургентовъ войну, состоявшую исключительно изъ ряда мелкихъ стычекъ, т. е. несли нѣчто вродѣ полицейской службы, не дававшей никакой славы и неподходящей для солдатъ, причемъ въ разбросанной по странѣ небольшими частями арміи исчезла всякая связь и столь существенный *esprit de corps*. Неудовольствіе турецкой арміи должно было еще усиливаться при видѣ бравой международной жандармеріи, въ которой служили люди съ воинской гордостью и осанкой, хорошо дисциплинированные, хорошо одѣтые (державы объ этомъ заботились), аккуратно получавшіе довольствіе и жалованье. Самолюбіе какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ регулярной арміи должно было страдать при видѣ контраста между положеніемъ этой жандармеріи и ихъ собственнымъ жалкимъ положеніемъ, причемъ имъ хорошо было извѣстно, что выпить за все они могутъ только продажныхъ чиновниковъ, ставленниковъ Дворца.

О невыносимой системѣ военнаго шпіонства и другихъ причинахъ недовольства среди офицеровъ оттоманской арміи я уже говорилъ. Молодые офицеры македонской арміи, люди образованные и искренніе, окончившіе военные академіи, гдѣ они обучались подѣ руководствомъ иностранныхъ учителей, имѣли массу случаевъ убѣдиться въ томъ, что ихъ безславное правительство дѣйствительно ведетъ страну къ гибели; поэтому ихъ симпатіи естественно должны были склониться на сторону младотурецкаго движенія. Кромѣ того, ихъ ненависть къ установленному Гамидомъ режиму усиливалась подѣ влияніемъ неприятныхъ сторонъ ихъ собственнаго положенія. Въ этой подозрительной для правительства части арміи шпіонство проникало глубже и давало чувствовать себя сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. У Дворца образовался обычай — крайне неприятный для всѣхъ, на комъ только онъ отзывался — посылать изъ столицы послушныхъ фаворитовъ, людей менѣе всего военныхъ, и дѣлать ихъ начальниками отличныхъ офицеровъ, игравшихъ выдающую роль въ турецкихъ войнахъ и цѣлый рядъ лѣтъ боровшихся съ отрядами инсургентовъ въ горахъ Маке-

доніи, но не получившихъ, несмотря на это, никакого повышенія, на которое они имѣли право по закону.

Плану революціонеровъ благоприятствовало также то обстоятельство, что Македонія, и безъ того для нихъ во многихъ отношеніяхъ удобная, находится на безопасномъ разстояніи отъ столицы, а слѣдовательно, и отъ Дворца, съ его мириадами глазъ и полками сытыхъ, хорошо одѣтыхъ и щедро награждаемыхъ солдатъ, про которыхъ можно было съ увѣренностью сказать, что они останутся вѣрными деспоту.

Итакъ, поскольку дѣло касалось мусульманскаго населенія и арміи, Македонія была готова къ возстанію, христіанское же крестьянство, измученное убійствами и грабежами, которыми четы уже много лѣтъ держали въ страхѣ несчастную страну, съ радостью привѣтствовало бы всякій новый порядокъ вещей, обѣщавшій принести съ собою миръ и безопасность.

Чтобы понять образъ дѣйствій тайнаго общества, организовавшаго въ Македоніи возмущеніе, необходимо не упустить изъ виду положеніе, въ какомъ находилась въ то время эта область. Христіанское крестьянство Македоніи чрезвычайно страдало отъ тѣхъ безжалостныхъ мѣръ, какія прѣмѣняли турки для подавленія всякихъ признаковъ недовольства, но въ послѣдніе годы гамидовскаго режима они страдали еще больше, вслѣдствіе жестокой междоусобной войны, которую они вели между собою. Каждая изъ различныхъ народностей, образующихъ населеніе Македоніи, издавна вела свою собственную національную пропаганду. Три независимыхъ государствъ на границахъ Македоніи—Греція, Болгарія и Сербія—поддерживали связь съ подвластными Турціи греками, болгарами и сербами, рассчитывая на территориальныя приобрѣтенія въ этой странѣ, послѣ того, какъ совершится распаденіе—въ которое они все еще вѣрили—Оттоманской имперіи. Но въ Македоніи нѣтъ ни одной сколько-нибудь значительной области, населенной исключительно греками, болгарами или сербами. Различныя народности до такой степени перемѣшаны, что не рѣдкость встрѣтить въ одной и той же деревнѣ мусульманъ-турокъ и христіанъ всѣхъ трехъ народностей. Каждое изъ указанныхъ государствъ хотѣло захватить всю территорію, населенную

народомъ его племени, а потому притязанія ихъ почти вездѣ сталкивались другъ съ другомъ. Политикой каждаго государства стало стремленіе приобрести вліяніе въ облюбованной области и обезпечить въ ней численное превосходство жителей своего племени надъ остальнымъ населеніемъ, дабы имѣть такимъ образомъ основаніе потребовать ее себѣ, когда державы начнутъ дѣлить Турцію.

Это племенное соперничество подкрѣплялось еще религіознымъ фанатизмомъ. Прежде православная греческая церковь имѣла исключительную власть какъ надъ греческимъ, такъ и надъ болгарскимъ населеніемъ Македоніи; и то и другое признавало патріарха своимъ духовнымъ главой. Болгары тяготились тираннической церковной властью грековъ, вслѣдствіе чего произошелъ въ концѣ концовъ расколъ, нарочно поддержанный султаномъ Абдуль-Азисомъ, предоставившимъ болгарамъ право отдѣлиться отъ греческой церкви и избрать своего собственнаго экзарха. Патріархъ отлучилъ отъ церкви перваго экзарха вмѣстѣ со всѣми, кто его признавалъ; съ тѣхъ поръ православные греки и схизматики-болгары страстно ненавидятъ другъ друга. Часть македонскихъ болгаръ осталась вѣрной православной церкви, въ то время какъ большинство ихъ признало главенство экзарха. Но жителей въ Турціи различаютъ по религіи, а не по національности; поэтому если болгаринъ является членомъ православной греческой церкви, то въ цензовыхъ спискахъ его показываютъ грекомъ. По всѣмъ этимъ, какъ политическимъ, такъ и религіознымъ причинамъ, греки и болгары вели другъ съ другомъ жестокою борьбу за контроль надъ школами и церквями въ каждомъ округѣ съ болгарскимъ населеніемъ; въ погонѣ за прозелитами греки не брезгали насиліями и всякаго рода гоненіями.

Въ Греціи, Болгаріи и Сербіи снаряжались вооруженныя четы и посылались въ Македонію, чтобы дѣйствовать въ интересахъ этихъ соперничающихъ государствъ. Болгарскіе отряды жгли деревни грековъ, а греческіе—деревни болгаръ. Обычнымъ средствомъ пропаганды стала практикуемый какъ на той, такъ и на другой сторонѣ захватъ церквей и духовной собственности. Вооруженные разбойники, горя желаніемъ дать перевѣсъ тому или другому племени, не останавливались даже передъ убій-

ствами женщинъ и дѣтей; всевозможныя жестокости, возбуждавшія негодованіе Европы, когда виновниками ихъ были турецкія иррегулярныя войска, совершались теперь христіанскими протеже нашихъ гуманитаріевъ. Эта пропаганда огнемъ и мечомъ охватила всю область. Въ городахъ греки бойкотировали болгаръ и всевозможными средствами старались прогнать ихъ изъ прибрежныхъ областей. Греческіе епископы и священники дѣйствовали съ фанатическимъ рвеніемъ: они запрещали своимъ единовѣрцамъ давать болгарамъ какую бы то ни было работу, они же въ значительной мѣрѣ отвѣтственны за тѣ жестокости, которыя совершены греческими четами. Бывали случаи, когда духовенство доходило до того, что составляло проскрипціонныя списки схизматиковъ-болгаръ, обреченныхъ на смерть. Болгары тоже не оставались въ долгу и жестоко мстили: на примѣръ, годъ тому назадъ они вытащили изъ церкви греческаго священника и сожгли его живьемъ.

Изъ множества случаевъ, о которыхъ можно бы было рассказать, я приведу здѣсь одинъ, могущій служить характернымъ примѣромъ дѣятельности четь. 26 ноября 1907 г. греческій отрядъ изъ шестидесяти человекъ окружилъ деревню Зеленичи, часть отряда вломилась въ домъ болгарина Стояна Гатева, гдѣ въ это время происходила свадьба, перебила тринадцать мужчинъ, женщинъ и дѣтей и переранила остальныхъ.

Всю эту оргію кровопролитій, грабежей и насилій усилило еще болѣе появленіе турокъ-мусульманъ, которые, съ обычной для ихъ націи храбростью, защищали турецкихъ крестьянъ отъ христіанъ, грабили и жгли деревни послѣднихъ, не останавливаясь, конечно, и передъ убійствами; въ то же время отряды полуголодныхъ, не получившихъ никакого жалованья турецкихъ солдатъ, посылаемые на поиски спрятаннаго по деревнямъ оружія, жили, естественно, насчетъ несчастнаго христіанскаго населенія, забирая у него все необходимое.

Между греками и болгарами перемирія никогда не бывало, кромѣ зимы, когда глубокой снѣгъ покрывалъ Балканы; въ свою очередь сербы, въ своихъ нападеніяхъ на болгаръ, иногда соединялись съ греческими четами. Этотъ организованный разбой заставлялъ трепетать всю страну; когда у четь выходили всѣ деньги или припасы,

онѣ не стѣснялись грабить даже и своихъ единоплеменниковъ—облагая ихъ данью и поджигая ихъ деревни въ случаѣ неисполненія своихъ требованій. Поэтому нечего удивляться, что значительная часть христіанскаго населенія находила помощь своихъ свирѣпыхъ собратьевъ нѣсколько неудобной и готова была привѣтствовать провозглашавшую миръ между оттоманскимъ населеніемъ программу младотурокъ. Для настроенія христіанъ характеренъ слѣдующій фактъ: когда Болгарія, въ 1908 году, объявила себя независимой, македонскіе болгары устроили собранія, на которыхъ порицали княжество, и послали князю Фердинанду письмо, въ которомъ заявили, что будутъ считать его отвѣтственнымъ за все, что произойдетъ съ ними, вслѣдствіе его образа дѣйствій.

Изъ всѣхъ этихъ христіанъ болѣе всего сочувствія въ Европѣ вызывали болгары, народъ храбрый и прямодушный. У нихъ есть много причинъ ненавидѣть грековъ, которые всегда ихъ преслѣдовали. Когда македонскіе болгары-экзархисты начали въ 1903 г. доблестную, но безнадежную партизанскую войну съ турецкими регулярными войсками, выставивъ сотни небольшихъ вооруженныхъ четъ, то македонскіе греки, не переходя открыто ни на ту, ни на другую сторону, дѣйствовали, однако, противъ своихъ братьевъ-христіанъ характерно эллинскимъ способомъ. Они помогали туркамъ доносами и выдачей мятежныхъ болгаръ; стремясь къ осуществленію своихъ политическихъ замысловъ, они не прочь были помочь туркамъ уничтожить своихъ братьевъ-христіанъ, отвергавшихъ патріарха и противившихся эллинизации. А съ 1904 г. греческія четы, подъ предводительствомъ офицеровъ регулярной греческой арміи, начали переходить македонскую границу и воевать не только съ болгарами-экзархистами, но и съ жителями валлахскаго происхожденія, которые также желали сбросить тиранническую власть греческаго патріарха и имѣть, подобно болгарамъ, своего собственнаго экзарха, равно какъ и свои особыя школы и церкви, въ которыхъ употреблялся бы ихъ національный языкъ.

Султанъ, вѣчно натравливавшій одну христіанскую народность противъ другой и не сдѣлавшій ни одной настоящей попытки прекратить братоубійственную борьбу—эта борьба благопріятствовала его планамъ—оказалъ тогда

поддержку валлахской пропагандѣ, такъ какъ она не угрожала цѣлости его имперіи, какъ угрожала ей пропаганда грековъ и сербовъ; присоединеніе какого-нибудь валлахскаго округа Македоніи къ отдаленному королевству родственныхъ валахамъ румынъ было совершенно невозможно.

Въ этой войнѣ племень болгары обнаружили много храбрости и выносливости, но греческія четы превосходили ихъ числомъ и были къ тому же лучше снабжены всѣмъ нужнымъ, такъ какъ аммуницію и припасы имъ всегда въ изобиліи доставляли богатые аеинскіе купцы. Греческія четы отличались преимущественно нападеніями на беззащитныя деревушки и избіеніями крестьянъ; между тѣмъ какъ полдюжины бравыхъ турецкихъ солдатъ бывало при случаѣ достаточно, чтобы обратиться въ бѣгство самую большую изъ этихъ четъ. Нечего и говорить, что несчастные турецкіе крестьяне, въ которыхъ всѣ партіи видѣли враговъ, много терпѣли отъ четъ всѣхъ трехъ народовъ.

Положеніе страны становилось все хуже и хуже. Въ 1907 г. произошло 133 столкновенія между турецкими войсками, съ одной стороны, и греческими и болгарскими съ другой, и несчетное количество между враждебными другъ другу четами грековъ и болгаръ, грековъ и валлаховъ, болгаръ и сербовъ, албанцевъ и сербовъ. Четы спускались обыкновенно въ равнины и грабили даже въ окрестностяхъ Салоникъ. Греческій Комитетъ разослалъ по деревнямъ вокругъ Салоникъ циркуляръ, предписывавшій сельскимъ обывателямъ подъ страхомъ смерти принять православіе, признать патріарха и показать себя въ цензовыхъ спискахъ греками. Незадолго до объявленія султаномъ конституціи артиллерія салоникскаго гарнизона вынуждена была бомбардировать находившіяся по сосѣдству съ городомъ поросшія камышомъ болота, чтобы выгнать оттуда укрывшіяся тамъ четы.

Именно въ Салоникахъ Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса рѣшилъ основать главную квартиру тайнаго общества, предназначеннаго подготовить возстаніе въ Македоніи. Городъ этотъ, колыбель турецкихъ вольностей, уже сдѣлался для патріотовъ-турокъ своего рода святыней. Этотъ городъ дѣйствительно достоинъ того, чтобы въ немъ началось одно изъ замѣчательнѣй-

шихъ движеній міровой исторіи. Отличный морской портъ, о пріобрѣтеніи котораго особенно хлопотала Австрія, онъ своимъ видомъ, расположеніемъ и исторіей производитъ на каждаго посѣтителя глубокое впечатлѣніе. Величественный и прекрасный видъ открывается путешественнику, ѣдущему къ нему моремъ и пересѣкающему широкойъ пятидесятимильный Салоникскій заливъ; направо виднѣется волнистая линія Кассандры, съ ея одѣтыми дугами и лѣсами берегами, и—на самомъ горизонтѣ—вѣтряныя мельницы, свидѣтельствующія о плодородности лежащихъ тамъ полей; направо хребты Тессалійскихъ горъ съ ихъ вершинами, имена которыхъ извѣстны всякому школьнику: на югѣ Пеліонъ, далѣе Осса, а еще далѣе, у самаго входа въ заливъ, изящный горный массивъ, господствующій надъ остальными высотами и поднявшій свою снѣжную вершину на десять тысячъ футовъ надъ поверхностью моря: это гора Олимпъ—жилище древнихъ боговъ.

Съ оживленной набережной Салоникъ открывается широкий видъ на голубыя воды залива и снѣговой Олимпъ. Прелестна огромная панорама горъ и долинъ классической Греціи, красивы и сами Салоники,—особенно если смотрѣть съ моря,—съ ихъ блестящими бѣлыми домами, минаретами и темными кипарисовыми рощами около древнихъ дворцовъ и укрѣпленій. Я не буду говорить здѣсь о той важной роли, которую Тессалоники играли въ древніе вѣка, когда персы, аеиняне, македоняне, римляне, норманны изъ Сициліи и сарадины послѣдовательно завоевывали и занимали этотъ знаменитый портъ, этотъ важнѣйшій городъ на пути изъ Рима на Востокъ; я не буду повторять, какъ этотъ городъ пережилъ исторію тѣхъ многочисленныхъ кровавыхъ осадъ, которыя онъ перенесъ. Древнія Тессалоники съ ихъ греческими, римскими и византійскими руинами, памятниками полузабытыхъ событій и битвъ—это тотъ самый многолюдный городъ, гдѣ св. Павелъ проповѣдывалъ и своими руками работалъ среди македонскихъ ремесленниковъ. — Этому городу, уже какъ новымъ Салоникамъ, пришлось еще разъ выступить на первый планъ міровой исторіи, и жители его теперь гордятся тѣмъ, что тамъ именно занялась заря многообѣщающей оттоманской свободы. Въ самой атмосферѣ Салоникъ есть, повидимому, что-то та-

кое, что дѣлаетъ этотъ городъ особенно пригоднымъ служить колыбелью для могучаго движенія. На его широкой набережной и его чистыхъ, хорошо вымощенныхъ улицахъ человекъ чувствуетъ себя свободнѣе, чѣмъ въ узкихъ, вѣчно грязныхъ переулкахъ Константинополя. Погода здѣсь большую часть года неизмѣнно прекрасна, а жители этого бѣлаго города, всегда вдыхающіе его прекрасный воздухъ, кажутся болѣе оживленными и веселыми, и въ то же время, какъ передаютъ, болѣе просвѣщенны, болѣе трудолюбивы и умны, чѣмъ жители столицы.

Даже подъ гнетомъ тиранніи, при старомъ режимѣ, дѣла Салоникъ шли хорошо; о дѣятельности муниципальных властей свидѣтельствуетъ внѣшній видъ улицъ, хотя извѣстно, что эти власти присваивали себѣ, подъ видомъ вознагражденія, половину городскихъ доходовъ. Къ тому же въ Салоникахъ даже въ тѣ мрачные дни было нѣсколько свободнѣе; здѣсь люди могли дѣлать многое такое, за что они немедленно были бы наказаны въ Константинополѣ. Напримѣръ, хотя собранія всякаго рода были Дворцомъ запрещены безусловно, такъ что нельзя было приглашать безъ разрѣшенія властей двухъ или трехъ друзей къ себѣ на обѣдъ, и хотя виновному въ принадлежности къ масонамъ грозила смертная казнь, однако въ Салоникахъ процвѣтало франкъ - масонство (французское, Великаго Востока, испанское и итальянское). Здѣсь много лѣтъ существовало пять масонскихъ ложъ; правда, у нихъ не было постоянныхъ помѣщеній, и масоны обыкновенно собирались въ такомъ частномъ домѣ или даже въ такомъ уединенномъ мѣстѣ подъ открытымъ небомъ, которые въ данный моментъ казались наиболѣе безопасными.

Въ Салоникахъ, гдѣ живутъ и говорятъ на своихъ языкахъ турки, греки, евреи, албанцы, болгары и левантинцы, легко прятаться и переодѣваться, но трудно шпионить. Ни въ одномъ другомъ городѣ нѣтъ такого разнообразія племенъ и живописныхъ костюмовъ, какъ на этихъ оживленныхъ базарахъ и улицахъ; здѣсь можно встрѣтить евреевъ (ихъ тутъ около пятидесяти тысячъ), которые выглядятъ такъ, какъ будто попали сюда прямо изъ Венеціи временъ Шекспира: мужчины въ плащахъ, женщины въ такихъ платьяхъ, какія носили ихъ прабабки въ тѣ времена, когда Фердинандъ и Изабелла изгнали

ихъ изъ Испаніи; всѣ они говорятъ между собой на старинномъ испанскомъ нарѣчій. Можно здѣсь видѣть и албанцевъ, въ ихъ живописныхъ національныхъ костюмахъ, воспѣтыхъ Байрономъ, и крѣпкихъ болгарскихъ крестьянъ, и священниковъ всѣхъ вѣроисповѣданій со включеніемъ русскихъ монаховъ съ сосѣдней Аѳонской горы, посланныхъ со Святогорскаго полуострова, на который вотъ уже тысячу лѣтъ не позволяютъ ступить ни одной женщинѣ и даже ни одному животному женскаго пола, гдѣ тысячи монаховъ живутъ въ аскетическомъ уединеніи въ монастыряхъ, гнѣздящихся по горамъ наподобіе ламаистскихъ монастырей Тибета, причемъ въ самыхъ дикихъ и наиболѣе недоступныхъ мѣстахъ поселились пустынники, живущіе въ полномъ одиночествѣ по примѣру своего покровителя и предшественника св. Антонія.

Убѣдившись, что въ этомъ многолюдномъ городѣ можно ускользнуть отъ зоркихъ глазъ сыщиковъ и организовать тайное общество, младотурки сдѣлали Салоники центромъ движенія въ Македоніи. Одна тайная политическая организація тамъ уже существовала: внутреннія организаціи болгарской революціонной партіи имѣли тамъ свою главную квартиру приблизительно съ 1895 года.

VIII.

Тайное общество.—Обряды при поступленіи.—Центральный Комитетъ.—Методы пропаганды.—Контръ-шпіонажъ.—Роль турецкихъ женщинъ въ подготовленіи революціи.—Какъ младотурки привлекли на свою сторону армію?—Какъ они проникли въ гражданскую администрацію?

Итакъ, лѣтомъ 1906 г. младотурецкое движеніе кристаллизовалось въ видѣ тайнаго общества въ Салоникахъ, организовавшись такъ хорошо, что оно добилось своей цѣли, несмотря на общій шпіонажъ; правда, его дѣятельность облегчало то обстоятельство, что въ любой части имперіи правительство до такой степени стало ненавистнымъ народу, что кромѣ орды шпіоновъ и тѣхъ, кто при старомъ режимѣ благоденствовалъ, можно было найти развѣ немного такихъ низкихъ людей, которые согласились бы выдать властямъ заговорщиковъ. Получилась бы большая и интересная книга, если бы подробно расска-

зять о томъ, какъ, подвергаясь ежеминутной опасности, неслышно работали эти люди, о томъ, какъ многіе изъ нихъ погибли, а еще большее число разорилось, по зато ихъ пропаганда становилась все шире и шире, движеніе все усиливалось, пока, наконецъ, обезпечивъ себѣ поддержку грозной арміи и могущественной церкви, они не добились свободы для Турціи путемъ почти безкровной революціи, повергшей въ изумленіе весь міръ.

Это тайное общество было организовано въ значительной мѣрѣ по образцу масонства, и большинство первыхъ его адептовъ (главнымъ образомъ мусульманъ и евреевъ) были членами масонскихъ ложъ въ Солоникахъ. Однако масонской организаціей въ цѣляхъ пропаганды прямо не пользовались, и ложи не принимали никакого открытаго участія въ этомъ политическомъ движеніи: каждому было ясно, что слишкомъ опасно обсуждать такой заговоръ на масонскихъ собраніяхъ, гдѣ измѣна одного могла погубить многихъ. Порядки тайныхъ итальянскихъ обществъ, гдѣ каждый членъ знаетъ только двухъ или трехъ членовъ и не можетъ, слѣдовательно, предать никого, кромѣ нихъ, были поэтому приняты тѣми, кто выработывалъ уставъ новой организаціи. Но масонство оказало все же большую помощь движенію, потому что каждому члену тайнаго общества, если онъ принадлежалъ въ то же время и къ масонамъ, гораздо безопаснѣе было попытаться завербовать въ члены общества своего собрата-масона, чѣмъ сторонняго человѣка, такъ какъ самый фактъ принадлежности къ масонству заставлялъ предполагать сочувствіе къ стремленіямъ младотурокъ; сверхъ того, можно было полагаться на скромность и вѣрность членовъ братства. Вербовать же новыхъ членовъ обязаны были всѣ, принадлежавшіе къ обществу.

Тайное общество, первоначально извѣстное подъ именемъ „Комитета Свободы“, вскорѣ послѣ своего возникновенія слилось съ „Оттоманскимъ Комитетомъ Единенія и Прогресса“ въ Парижѣ и стало главнымъ ядромъ этой организаціи. Съ этого времени Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса имѣлъ свою тайную главную квартиру въ Солоникахъ, а Ахметъ-Риза и нѣкоторые другіе остались въ Парижѣ, гдѣ, являясь представителями Комитета и находясь въ иностранной столицѣ въ полной безопасности, содѣйствовали движенію разными способами. Такъ,

въ 1907 г., болѣе чѣмъ годъ спустя послѣ перенесенія главной квартиры Комитета въ Салоники, въ Парижѣ, по настоянію парижскаго отдѣла, былъ созванъ конгрессъ турецкихъ революціонеровъ—о немъ я уже говорилъ выше,—на которомъ комитеты, представлявшіе различные народы имперіи, пришли къ соглашенію съ младотурками и рѣшили дѣйствовать вмѣстѣ съ ними. Главный тайный комитетъ собирался въ Салоникахъ и имѣлъ постоянныя сношенія съ отдѣленіями комитетовъ въ Скутари (Албанія), Монастырѣ, Янинѣ и другихъ городахъ; позднѣе мелкіе мѣстные комитеты были учреждены почти въ каждой деревнѣ Македоніи и Албаніи. Не задолго до революціи отдѣленія главнаго комитета появились во всѣхъ значительныхъ городахъ Азіатской Турціи. Я встрѣчался со многими изъ числа тѣхъ, кто составлялъ салоникскій комитетъ. Все это были люди вышлага и средняго класса: молодые офицеры, окончившіе военныя школы и извлекашіе большую пользу изъ отличной системы преподаванія, введенной талантливымъ барономъ Гольцемъ—единственное хорошее дѣло, за которое Турція должна быть благодарна Германіи; далѣе молодые чиновники разныхъ государственныхъ учрежденій, потомъ македонскіе землевладѣльцы, профессора, юристы, врачи и даже улемы. Изъ высшихъ военныхъ чиновъ и начальниковъ гражданскихъ учрежденій тамъ не было никого, потому что большинство ихъ являлось креатурами Дворца, а тѣ, которые сочувствовали младотурецкому движенію, находились, вслѣдствіе своего положенія, подъ слишкомъ тщательнымъ наблюденіемъ сыщиковъ Ильдива, чтобы принимать въ движеніи активное участіе. Всѣ граждане, дѣлающіеся членами тайнаго комитета—это были люди, большею частью ниже средняго возраста—отличались необыкновеннымъ и самымъ безкорыстнымъ патріотизмомъ; это были люди, вызывавшіе къ себѣ уваженіе и удивленіе каждаго иностранца, которому случалось приходиться съ ними въ соприкосновеніе. Революція пришла не снизу, не отъ забитой городской черни и не отъ невѣжественнаго крестьянства, но сверху, отъ того, что было въ Турціи лучшаго. Свокорыстные демагоги не принимали въ революціи никакого участія. Люди, посвятившіе себя дѣлу ниспроверженія деспотизма, вышли изъ честнаго и патріотическаго оттоманскаго дворянства; они ставили благо страны

выше личнаго интереса и являлись естественными вождями народа, принадлежа къ господствующей расѣ, умѣющей повелѣвать людьми—болѣе цѣнное качество, чѣмъ административная опытность. Нѣкоторые видные члены Комитета Единенія и Прогресса говорили со мной, когда мнѣ пришлось въ ноябрѣ 1908 г. быть въ Салоникахъ, безъ всякихъ недомолвокъ—какъ они говорятъ со всякимъ англичаниномъ, который приобрѣлъ ихъ довѣріе—о первыхъ шагахъ своей тайной организаціи; теперь, когда опасность почти миновала, они готовы повѣдать міру о тѣхъ способахъ, къ какимъ они вынуждены были прибѣгать до провозглашенія конституціи. Чтобы правильно понять то, что я буду описывать, и признать, что убійства, предписанныя Комитетомъ, были вполне естественны, надо не забывать, что по страѣ были разсыяны тысячи шпионовъ, обязанныхъ доносить во Дворецъ о всемъ подозрительномъ; о томъ, какъ много лучшихъ людей страны неожиданно исчезали, чтобы никогда не вернуться къ своимъ женамъ и дѣтямъ; о томъ, что пытки и смерть ожидали тѣхъ, кто пытался положить предѣлы абсолютному произволу султана.

О внутренней организаціи этого удивительнаго тайнаго общества, которое въ теченіе трехъ предшествовавшихъ объявленію конституціи лѣтъ дѣлало свое опасное дѣло съ такимъ умѣніемъ, такъ безопасно, когда того требовали обстоятельства, но всегда такъ справедливо,—о ней нѣкоторые наиболѣе извѣстные участники ея рассказывали мнѣ слѣдующее:

Пропаганда, которую вели члены общества, было двоякаго рода; во-первыхъ, всѣ они должны были приобрѣтать сторонниковъ движенію среди всѣхъ классовъ турецкаго населенія, пользуясь аргументами, объясненіями и увѣщаніями; во-вторыхъ, каждый долженъ былъ убѣдить вступить въ общество нѣсколькихъ, съ крайней осторожностью выбранныхъ людей, изъ числа своихъ родственниковъ и самыхъ близкихъ друзей; дѣлать это надо было чрезвычайно осмотрительно. Такъ положимъ, членъ общества, котораго мы будемъ называть А, хочетъ предложить вступить въ общество своему другу К, быть можетъ, собрату—масону В, котораго онъ знаетъ за честнаго человѣка и патріота, и которому деспотизмъ долженъ быть ненавистенъ. Тщательно изучивъ своего друга со

всѣхъ сторонѣ и убѣдившись, что онъ воодушевленъ искреннимъ желаніемъ и готовъ принести большія жертвы ради спасенія своей родины, А говоритъ В: „У меня есть тайна, большая тайна, которую я хотѣлъ бы довѣрить вамъ. Можете ли вы поклясться, что никому не выдадите того, что я намѣренъ открыть вамъ? Послѣ того, какъ В принесетъ требуемую клятву, А объясняетъ ему, что существуетъ могущественное тайное общество, членомъ котораго состоитъ онъ самъ, и цѣлью котораго является коренное измѣненіе существующей системы управленія, и спрашиваетъ его, не хочетъ ли онъ, какъ патріотъ, присоединиться къ этому братскому союзу, предостерегая его въ то же время о всей серьезности предлагаемаго ему шага и о тѣхъ опасностяхъ, съ какими ему придется встрѣчаться.

Послѣ утвердительнаго отвѣта со стороны В, А пока оставляетъ его, а нѣсколькими днями позже къ В приходятъ двое неизвѣстныхъ ему людей и приглашаютъ его отъ имени его друга А слѣдовать за ними. Эти двое ведутъ В въ какое-нибудь пустынное мѣсто, завязываютъ ему глаза и отводятъ затѣмъ въ какой-нибудь уединенный домъ или лѣсную поляну, предназначенную служить мѣстомъ его посвященія. Здѣсь ему приказываютъ остановиться, все еще съ повязкой на глазахъ, и къ нему обращаются съ рѣчью двое или трое краснорѣчивыхъ ораторовъ, рисующихъ яркую картину бѣдствій, истекающихъ изъ тираніи, картину той вѣрной гибели Оттоманской имперіи, къ которой ведетъ ее дурное правительство, тѣхъ огромныхъ страданій, которыя терпитъ множество его друзей и родственниковъ изъ-за шпионовъ Дворца; эти рѣчи оканчивались пылкимъ обращеніемъ къ долгу каждаго хорошаго оттомана исполнить его и приложить всѣ усилія къ освобожденію Турціи. Турки часто обладаютъ большимъ ораторскимъ талантомъ, и я увѣренъ, что въ большинствѣ случаевъ кандидатъ былъ до слезъ растроганъ этими краснорѣчивыми увѣщаніями. Затѣмъ кандидатъ приносилъ присягу на Коранѣ и на мечѣ въ томъ, что сохранить тайну, будетъ вѣренъ Комитету и безусловно послушенъ всѣмъ его приказаніямъ; тогда его торжественно объявляютъ принятымъ въ тайное общество. Въ тѣхъ случаяхъ, когда кандидатомъ былъ не-мусульманинъ, способъ приведенія его къ присягѣ, конечно, соответственно измѣняли.

Послѣ этого повязка съ его глазъ снималась, и онъ видѣлъ себя въ присутствіи пяти замаскированныхъ людей въ длинныхъ мантияхъ. Одинъ изъ нихъ снова обращался къ новичку, объявляя ему, что безъ тѣхъ предосторожностей, которыя принимаются въ цѣляхъ сохраненія тайны и затрудненія измѣны, немислимо самое существованіе общества, такъ какъ шпіоны проникаютъ всюду, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что они имѣются даже въ самомъ обществѣ; поэтому выгодно, чтобы члены какъ можно меньше знали другъ друга; именно поэтому замаскированы тѣ, которые къ нему сейчасъ обращаются, и всѣ они, кромѣ того, люди, которыхъ онъ раньше никогда не встрѣчалъ и не можетъ, слѣдовательно, узнать ихъ по голосу. Затѣмъ новичку объяснили его права и обязанности. Ему напоминали, что Комитетъ осуждаетъ на смерть не только измѣнниковъ, но и тѣхъ, кто отказывается повиноваться его приказаніямъ, и указывали, что послѣ той присяги, которую вновь поступившій только что принесъ во имя Бога и Магомета, его жизнь должна быть посвящена общему дѣлу до тѣхъ поръ, пока Турція не будетъ свободна; что онъ принадлежитъ тѣломъ и душою обществу, обязанъ идти всюду, куда его ни пошлютъ, и дѣлать все, что общество ему ни прикажетъ, даже будь то убійство его родного брата. По совершеніи всего обряда, В снова завязывали глаза, и тѣ же двое, что привели его туда, уводили его обратно.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ послѣ вступленія В продолжался срокъ испытанія; секретными путями къ нему приходили приказанія, но ни одного члена общества онъ не видалъ. Тотъ, кто его ввелъ, т. е. А, былъ отвѣтственъ за его вѣрность, и если бы В дѣйствовалъ такъ, что далъ обществу основаніе осудить себя на смерть, онъ долженъ бы былъ пасть отъ руки этого своего друга А. Наконецъ, послѣ того, какъ В покажетъ себя достойнымъ, особо посланное къ нему лицо приглашаетъ его на собраніе тайнаго комитета, гдѣ послѣ совершенія церемоніи, до нѣкоторой степени похожей на первую, его принимали въ одинъ изъ отдѣловъ, на которые распадалось все общество, причемъ каждый отдѣлъ содержалъ приблизительно 150 человекъ. Но В становится извѣстенъ не болѣе, какъ четвертымъ изъ своего отдѣла, такъ какъ установился обычай, чтобы члены собирались

въ количествѣ только пяти человекъ; такимъ образомъ измѣнникъ не могъ бы выдать болѣе пятерыхъ товарищей: тѣхъ четырехъ, съ которыми онъ постоянно встрѣчался, и того, кто его ввелъ. Въ каждомъ такомъ кружкѣ пятерыхъ одинъ членъ служилъ связующимъ звеномъ съ другими кружками того же отдѣла, а въ каждомъ отдѣлѣ имѣлось нѣсколько членовъ, связывавшихъ этотъ и другіе отдѣлы съ центральнымъ комитетомъ.

Объ этомъ тайномъ центральномъ комитетѣ я могу сказать немного; дѣло въ томъ, что хотя теперь, когда деснотизмъ побѣжденъ, члены Комитета Единенія и Прогресса выступаютъ открыто, и каждый ихъ знаетъ, однако они все еще назначаютъ тайный центральный комитетъ, имена членовъ котораго извѣстны очень немногимъ. Но можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ комитетѣ нѣтъ ни президента, ни руководителей; личное честолюбіе оттуда изгнано, а цѣлью этого комитета было съ самаго начала образованіе группы лицъ, отдавшихъ безкорыстной работѣ на благо страны, людей никому неизвѣстныхъ и не претендующихъ на чью бы то ни было признательность. Образованіе внутри этого центрального комитета какой-нибудь господствующей группы или камариллы невозможно въ силу тѣхъ порядковъ, которыми регулируется его дѣятельность.

Непосредственно передъ провозглашеніемъ конституціи Комитетъ Единенія и Прогресса насчитывалъ въ одной Македоніи пятнадцать тысячъ членовъ. Долгомъ каждаго члена было вести пропаганду путемъ бесѣдъ съ людьми всѣхъ классовъ; легко представить, сколько такта и умѣнія требовала этого рода дѣятельность, и какую опасность она представляла. Многихъ арестовывали по указанію шпионовъ и осуждали на заключеніе или на смерть. Многихъ арестованныхъ привозили во Дворецъ, гдѣ ихъ соблазняли крупными взятками дать правительству нужныя свѣдѣнія, а получивъ отказъ пытали, но тоже безъ успѣха. Не было ни одного примѣра, чтобы членъ общества выдалъ своихъ товарищей.

Внутренняя организація этого удивительнаго тайнаго общества достигла весьма высокой степени совершенства. Для покрытія расходовъ общества каждый членъ связанъ былъ вносить въ кассу комитета опредѣленный процентъ со своего дохода, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда бы-

вала экстренная надобность въ деньгахъ, богатые члены, кромѣ этихъ взносовъ, дѣлали еще щедрыя пожертвованія. Тайно закупалось оружіе и военные припасы. Ежегодно назначалась особая значительная сумма, предназначенная для поддержки семействъ тѣхъ членовъ, которые въ борьбѣ за общее дѣло заплатились своею жизнью или свободой. Лежавшіе на нихъ разнаго рода обязательства распредѣлялись между товарищами-членами. Существовали особые гонцы, которые, прибѣгая ко всякаго рода переодѣваніямъ, ѣздили изъ одного конца имперіи въ другой, перевоза устные рапорты и приказанія, потому что какъ сношеній между отдѣленіями организаціи, такъ и предписаній членамъ ея нельзя было довѣрить ни почтѣ ни телеграфу. Иногда члену давалось порученіе убить того, кого Комитетъ осудить на смерть; такой участи подвергались обыкновенно правительственные чиновники, слишкомъ рьяно преслѣдовавшіе движеніе, и шпионы Дворца, напавшіе на правильный слѣдъ. Иногда члену поручали дѣйствовать въ интересахъ общества въ качествѣ шпиона; контръ-шпионажъ сталъ, въ концѣ концовъ, настолько совершененъ, что въ конецъ разстроилъ шпионажъ правительства. Люди, которымъ оно платило жалованье, какъ своимъ шпионамъ, были часто преданными членами тайнаго общества. Комитетъ имѣлъ своихъ агентовъ во всевозможныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ: въ министерствахъ, въ военномъ управленіи, въ таможенныхъ, въ турецкихъ почтовыхъ и телеграфныхъ конторахъ и даже въ иностранныхъ почтовыхъ конторахъ Константинополя и другихъ крупныхъ городахъ; такимъ образомъ казенные пакеты перехватывались и читались; Комитетъ узнавалъ о самыхъ сокровенныхъ замыслахъ Дворца и принималъ нужныя мѣры. У комитета были шпионы въ турецкихъ посольствахъ за-границей; были они въ свитѣ каждаго вліятельнаго паши и даже въ самомъ Ильдизъ-Кіоскѣ! Напримѣръ, салоникскій корреспондентъ „Times'a“ рассказываетъ любопытную исторію о Д-рѣ Баха-удъ-Дияѣ, который, служившій прежде врачомъ при одномъ изъ принцевъ императорскаго дома, попалъ затѣмъ въ ссылку къ русской границѣ. Онъ тайно вернулся въ столицу и спокойно прожилъ во дворцѣ три мѣсяца непосредственно передъ революціей и доставилъ комитету много цѣнныхъ свѣдѣній. Подозрѣніе пало на него лишь за нѣсколько

дней передъ тѣмъ, какъ вспыхнуло возстаніе; онъ бѣжалъ, спасая свою жизнь, и сдѣлался дѣятельнымъ членомъ салоникскаго комитета.

Далѣе, существовала цѣлая армія пропагандистовъ, раскиданныхъ по всей имперіи, которые дѣлали свое опасное дѣло, побуждая населеніе отказываться отъ уплаты податей и готовиться къ общему возстанію, знакомя военныхъ съ истиннымъ характеромъ движенія и добиваясь отъ нихъ обѣщанія отказываться стрѣлять въ своихъ братьевъ-турокъ, когда имъ это прикажутъ. Чтобы облегчить себѣ доступъ въ дома и казармы, турецкіе офицеры переодѣвались разносчиками дешевыхъ ювелирныхъ издѣлій и лентъ, или бродячими торговцами шербета и разныхъ бездѣлушекъ; въ ихъ коробкахъ были всегда спрятаны революціонныя брошюры, которыя должны были распространять идеи младотурокъ. Одинъ хорошо извѣстный офицеръ держалъ долгое время въ Багдадѣ парикмахерскую и знакомилъ своихъ посѣтителей со взглядами и дѣлами заговорщиковъ. Д-ръ Назимъ-Бей, попавъ въ ссылку, провелъ въ путешествіи по Малой Азіи полтора года, переодѣваясь иногда разносчикомъ, иногда хаджей, заботясь о привлеченіи на сторону движенія анатолійскихъ полковъ. Онъ вербовалъ членовъ общества среди офицеровъ и съ такимъ большимъ успѣхомъ агитировалъ среди солдатъ, что когда султанъ, въ послѣдніе дни стараго режима, вызвалъ нѣсколько батальоновъ анатолійской арміи для подавленія возстанія въ Македоніи, эти батальоны не только отказались открыть огонь по своимъ товарищамъ, но даже присоединились къ нимъ.

Замѣчательной чертой этой пропаганды было то большое участіе, какое принимали въ ней турецкія женщины. Ими широко пользовались, на примѣръ, для передачи какъ устныхъ свѣдѣній, такъ и писемъ, такъ какъ женѣ члена комитета легко было посѣщать женъ другихъ членовъ, не вызывая никакого подозрѣнія. Уваженіе, съ которымъ относятся въ Турціи къ женщинамъ, даетъ имъ защиту отъ обысковъ; женская половина турецкаго дома считается неприкосновенной, и ни одинъ полицейскій чиновникъ не осмѣлится нарушить этотъ строго хранимый обычай безъ особенно важной причины. Слѣдующій случай можетъ служить примѣромъ сказаннаго: вскорѣ послѣ того, какъ революція передала въ руки Комитета власть надъ

Турціей, нѣсколько молодыхъ офицеровъ были посланы обыскать домъ одного паши, заподозрѣннаго въ принадлежности къ реакціонному заговору; они арестовали пашу, но напрасно искали компрометирующихъ документовъ; въ концѣ концовъ они замѣтили шкатулку, которую отъ нихъ, очевидно, прятали; они были увѣрены, что нашли то, чего искали, но въ этотъ моментъ къ нимъ подошла жена паши и заявила, что въ шкатулкѣ находятся ея драгоценности и другія вещи; офицеры воздержались отъ вскрытія этой шкатулки и, извинившись передъ хозяйкой, покинули домъ.

Первой и наиболѣе важной задачей, лежавшей передъ Комитетомъ, было, конечно, привлеченіе на свою сторону македонскаго гарнизона—третьяго армейскаго корпуса. Недовольство этихъ войскъ, причины котораго я уже указалъ, выразилось мѣстами въ видѣ открытаго бунта, а неспособность и испорченность нѣкоторыхъ офицеровъ высшаго ранга, обязанныхъ своимъ положеніемъ Дворцу, вызывали какъ въ младшихъ офицерахъ, такъ и въ нижнихъ чинахъ непрерывно росшее чувство негодованія. Мало-по-малу значительная часть младшихъ офицеровъ вступила въ члены Комитета и получила инструкціи склонять солдатъ на сторону движенія. Тотъ фактъ, что войска были разбиты на небольшіе отряды, гонявшіеся за болгарскими четами, много облегчалъ эту задачу, потому что во время этихъ преслѣдованій болгарь, не стѣсненные надзоромъ своего начальства, офицеры могли вести съ солдатами бесѣды на политическія темы и имѣли возможность устраивать собранія, не привлекая вниманія шпионовъ; кромѣ того, бесѣды эти происходили обыкновенно въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ чужой былъ бы тотчасъ замѣченъ, а каждый шпионъ былъ бы немедленно узнанъ. Всякаго обнаруженнаго шпиона немедленно убивали: солдаты, принесшіе присягу на вѣрность Комитету, получали порученіе убить его. Въ концѣ концовъ вся македонская армія была на сторонѣ младотурокъ, а въ результатъ дѣятельности переодѣтыхъ офицеровъ въ другихъ частяхъ имперіи получилось то, что второй армейскій корпусъ, расположенный въ Адрианонольскомъ вилайетѣ, также содержалъ въ себѣ значительное количество офицеровъ и солдатъ, сочувствовавшихъ движенію; такимъ образомъ войска, враждебные деспотизму, со всѣхъ

сторонъ окружали столицу, въ то время какъ на болѣе отдаленныхъ частяхъ побережья Босфора, въ Анатолиі, той самой провинціи, росло крестьянство которой доставляетъ въ оттоманское войско лучшихъ солдатъ, населеніе и армія были точно такимъ же образомъ подготовлены д-ромъ Назимъ-беемъ и офицерами.

Для тѣхъ англичанъ, которые хоть сколько-нибудь знаютъ турецкую армію, можетъ показаться страннымъ, что эти солдаты, слѣпо благоговѣвшіе передъ султаномъ, не только какъ передъ своимъ государемъ, но и какъ передъ главой единственной истинной религіи; какъ „повелителемъ правовѣрныхъ“, „тѣнью Бога на землѣ“, — какъ бы недовольны эти солдаты ни были, какъ бы ни были готовы къ бунту, какой они часто устраивали противъ своихъ офицеровъ, — могли принять участіе въ движеніи, открытой цѣлью котораго было низложеніе султана Абдуль-Гамида. Стать на сторону движенія солдатъ могъ только послѣ того, какъ ему доказывали, что сама религія предписываетъ свергнуть тирана. Стоитъ припомнить, какъ шейхъ-уль-исламъ, глава толкователей священнаго закона, издалъ въ 1876 г. фетву о томъ, что султанъ Абдуль-Азисъ долженъ быть низвергнутъ, такъ какъ, ведя къ разрушенію то государство, которое ему довѣрилъ Богъ, онъ нарушаетъ свой священный долгъ и не можетъ поэтому далѣе повелѣвать вѣрующими. Именно такъ, въ простыхъ и понятныхъ выраженіяхъ, молодые офицеры излагали дѣло честнымъ и преданнымъ солдатамъ; они приводили выдержки изъ Корана, осуждавшія тиранію, и доказывали, что султанъ не сохранилъ вѣрности по отношенію къ своей странѣ и потерялъ потому право на тѣ особыя преимущества, какія далъ ему Богъ. Тотъ фактъ, что Австрія и Германія получили концессіи на проведеніе желѣзныхъ дорогъ по турецкой территоріи (предполагаемая желѣзная дорога черезъ Ново-Базарскій санджакъ, которая должна была связать Австрію съ Салониками, и принадлежащая нѣмцамъ Багдадская желѣзная дорога) съ полной очевидностью доказывалъ солдатамъ, что правительство дѣйствительно продаетъ иноземцамъ страну, кусокъ за кускомъ.

Въ началѣ пропаганды ходжи, примкнувшіе къ Комитету, и офицеры, переодѣтые ходжами, имѣя, въ качествѣ проповѣдниковъ, свободный доступъ въ казармы,

распространяли это учение и разрѣшали религіозныя сомнѣнія солдатъ; когда позднѣе шейхъ-уль-исламъ высказался въ пользу конституціи, въ умахъ солдатъ не осталось никакого сомнѣнія въ томъ, что они, слѣдуя за своими молодыми офицерами, дѣйствуютъ именно такъ, какъ предписываетъ ихъ религія. Нетрудно было доказать—объ этомъ свидѣтельствуютъ факты—что Абдуль-Гамидъ есть, какъ выражается Галиль-Галидъ въ своей книгѣ „Дневникъ младотурка“, „злѣйшій врагъ ислама, потому что ни одинъ мусульманскій правитель не навлекъ своими нечестивыми дѣлами столько позора на свою вѣру, сколько онъ. Всякій, внимательно слѣдившій за его образомъ дѣйствій, знаетъ, что его поступки діаметрально противоположны принципамъ мусульманской религіи и закона“.

Сверхъ того, на турецкаго солдата, какъ и на солдата любой другой арміи и вообще на большинство здоровыхъ молодыхъ людей, можно воздѣйствовать, обращаясь къ его прямымъ потребностямъ; онъ, естественно, питаль чувство благодарности и довѣрія къ тѣмъ маіорамъ, капитанамъ и поручикамъ новой школы, которые сочувствовали ему, жалѣли о его жалкомъ положеніи и изъ собственныхъ своихъ средствъ или изъ фондовъ Комитета увеличивали его жалкій раціонъ и доставляли ему кой-какія развлечения. О методахъ пропаганды, примѣнявшихся въ Македоніи, мы знаемъ изъ вышедшихъ въ печати писемъ маіора Ніази-бея, того офицера, который первый поднялъ знамя возстанія. Онъ рассказываетъ въ нихъ, какъ молодые офицеры, которыхъ до тѣхъ поръ отчуждало другъ отъ друга взаимное подозрѣніе, порожденное системой шпіонства, начали мало-по-малу сближаться, благодаря общимъ патріотическимъ надеждамъ и общей тайнѣ, объединявшей ихъ, какъ участниковъ заговора; ихъ взаимное довѣріе и привязанность увеличивались день ото дня. Ніази-бей рассказываетъ такъ же о томъ, какъ даже тѣ, кто не былъ членомъ тайнаго общества и не знали его тайнъ, пришли подъ вліяніемъ рассказовъ своихъ товарищей, къ увѣренности, что Комитетъ могущественъ и справедливъ, и что онъ работаетъ во имя свободы на благо отечества, такіе люди тоже всей душой сочувствовали движенію и были готовы придти на помощь революціонерамъ,

Тѣмъ временемъ комитетъ энергично старался подкопаться подъ все какъ гражданское, такъ и военное управленіе имперіи. Самъ онъ дѣйствовалъ, какъ мнѣ объ этомъ рассказывалъ одинъ изъ членовъ организациі, на подобіе регулярно работавшаго, но тайнаго правительства. Велись книги, гдѣ вписывались имена всѣхъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, съ особыми замѣчаніями объ ихъ дѣятельности и убѣжденіяхъ, кромче, ихъ „dossiers“. Нѣкоторые просвѣщенные и искренніе люди изъ числа этихъ чиновниковъ были привлечены на сторону движенія; за другими тщательно слѣдили, и были ли это вали, т. е. намѣстники, или губернаторы областей, или имъ подобныя, ихъ моральный авторитетъ былъ ничтоженъ, а власть сведена къ нулю въ силу того, что ихъ подчиненные, тѣ люди, которымъ они поручали исполненіе своихъ приказаній, почти безъ исключеній были единомышленниками Комитета.

IX.

Что ускорило революцію.—Манифестъ Комитета къ великимъ державамъ.—Ревельское свиданіе.—Усилія правительства подавить революціонное движеніе.—Слѣдственная коммиссія.—Комитетъ осуждаетъ на смерть правительственныхъ шпионовъ.—Назимъ-бей пытается обнаружить тайный Комитетъ.—Коммиссія Измаиль-паши. Изъ Малой Азіи вызывается армія.

Младотурки разсчитывали, что время для ихъ великаго переворота наступитъ не раньше осени 1909 г., но грозившее новое иностранное вмѣшательство въ македонскія дѣла вмѣстѣ съ энергичной кампаніей противъ Комитета, которую правительство укрыло въ началѣ 1908 г., ускорило взрывъ. Пропаганда распространялась быстро, движеніе росло, какъ вдругъ свѣтлое будущее омрачилось: произошли событія, настолько серьезныя, что грозили разрушить самое общество и разбить надежды реформаторовъ.

Комитету стало извѣстно, что британское правительство рѣшило уклониться отъ дальнѣйшаго участія въ „Европейскомъ концертѣ“, который потерпѣлъ такую громкую неудачу съ реформами въ Македоніи, и что Англія совместно съ Россіей намѣревается ввести рядъ самыхъ радикальныхъ реформъ, включая сюда уничто-

женіе въ Македоніи четъ всѣхъ народовъ и религій при помощи вооруженныхъ летучихъ отрядовъ. Это предполагаемое сотрудничество Англій съ Россіей сильно встревожило Комитетъ, такъ какъ такое вмѣшательство, по мнѣнію его руководителей, неминуемо повело бы къ распаденію Оттоманской имперіи и къ немедленному подчиненію Македоніи власти иностранцевъ, что сдѣлало бы для Комитета невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе его патріотической дѣятельности въ этомъ очагѣ движенія и предполагаемой базѣ революціонной кампаніи слѣдующаго года.

Комитетъ Единенія и Прогресса устроилъ поэтому въ Салоникахъ, въ маѣ 1908 г., нѣсколько тайныхъ собраній, на которыхъ было рѣшено, что въ виду всего происходившаго необходимо сообщить европейскимъ державамъ о существованіи Комитета и о томъ огромномъ вліяніи, которымъ онъ пользуется, а также объяснить имъ, въ особенности Англій, намѣренія которой были честны, но которая, по мнѣнію многихъ турокъ, поддалась уговорамъ Россіи,—что только Комитетъ можетъ водворить въ Македоніи миръ, и что по многимъ причинамъ было бы лучше, если бы Европа отказалась отъ всѣхъ этихъ ни къ чему не ведущихъ плановъ реформъ и предоставила бы Македоніи самой найти путь къ своему спасенію.

Вслѣдствіе этого Комитетомъ былъ составленъ манифестъ, разосланный всѣмъ европейскимъ кабинетамъ. Документы эти сами члены Комитета отправили черезъ иностранныя почтовые конторы въ Салоникахъ. Одинъ изъ моихъ друзей рассказывалъ мнѣ, какъ онъ, отправлялъ такое письмо, едва не попался. Войдя въ контору, онъ отдалъ письмо чиновнику-левантинцу, который, прочитавъ адресъ, задалъ ему необычайный вопросъ: „Отъ кого это письмо?“—„Отъ г. Снайдера,“ отвѣчалъ, ни на мгновение не задумавшись, мой пріятель, и поспѣшилъ уйти изъ конторы. Чиновникъ—очевидно, правительственный шпионъ—послѣдовалъ за нимъ изъ зданія и окинулъ взоромъ улицу, конечно, желая увидѣть какого-нибудь агента, чтобы послать его вслѣдъ за подозрительнымъ субъектомъ. Къ счастью, мой пріятель ушелъ достаточно далеко, прежде чѣмъ была снаряжена погоня, и впослѣдствіи онъ никогда не рисковалъ приближаться къ этой почтовой конторѣ.

Самый манифестъ довольно длиненъ. Тѣ выдержки изъ него, которыя я сейчасъ приведу—точный переводъ съ турецкаго оригинала. Составленъ онъ отъ имени Комитета Единенія и Прогресса и, какъ исходящій отъ тайнаго общества, пикѣмъ разумѣется, не подписанъ. Начинается онъ такъ:

„Мы, дѣти страны, которую называютъ Турціей, и часть которой составляетъ Македонія, побуждаемые любовью, которую питаемъ къ нашей родинѣ, желаемъ совмѣстными дѣйствіями доставить ей спокойствіе и благополучіе и хотимъ освободить ваши умы отъ ложнаго представленія, какое, какъ намъ извѣстно, вы имѣете о насъ, полагая, что мы (Комитетъ Единенія и Прогресса) невелики числомъ и преслѣдуемъ дурныя цѣли; теперь мы пишемъ вамъ, чтобы объяснить, отъ какихъ золъ дѣйствительно страдаетъ Македонія, чтобы показать вамъ, въ чемъ истинное средство исцѣленія отъ этихъ золъ, и чтобы спасти Европу отъ многихъ напрасныхъ усилій и устранимыхъ трудностей“.

Далѣе манифестъ переходитъ къ доказательству того, что всѣ попытки европейскихъ державъ ввести въ Македоніи реформы не только не имѣли никакого успѣха, но сдѣлали положеніе ея худшимъ, чѣмъ оно было до этого вмѣшательства, потому что всѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ практиковавшіяся средства были введены въ употребленіе по почину иностранцевъ, „принявшихъ великодушную пову,“ а не „оттоманъ, которые должны знать свою родину лучше, чѣмъ ее знаютъ иностранцы“.

„Намъ говорятъ, что цѣль европейскихъ реформъ—обезначить благоденствіе Македоніи; въ отвѣтъ на это мы утверждаемъ, что Европа, несмотря на всѣ свои усилія, оказалась не въ силахъ достигъ этой цѣли, и никогда ея не достигнетъ... Вмѣшательство было бесполезно для европейцевъ и вредно для оттоманъ. Великія державы сами убѣдились въ неудачѣ принятыхъ ими мѣръ, но въ настоящее время Европа, вмѣсто того, чтобы честно оставить эту затѣю, опять, повидимому, собирается сдѣлать Македонію ареной новыхъ экспериментовъ“. Затѣмъ манифестъ, равобравъ новые планы, предложенные британскимъ и русскимъ правительствами, и показавъ, что въ случаѣ ихъ выполненія погибнетъ независимость цѣлой части Оттоманской имперіи, объявляетъ, что „мы, мусуль-

мане и христiане, объединившіеся въ Оттоманскій Комитетъ Единенiя и Прогресса, отбросивъ всякій національный и религіозный фанатизмъ, общими силами стремимся къ тому, чтобы оградить нашу родину отъ вмѣшательства иностранныхъ государствъ и добиться личной и политической свободы отъ нашего теперешняго правительства. Мы рѣшительно заявляемъ, что привести въ исполненіе планы Англии и Россіи значитъ отторгнуть Македонію отъ Турціи. Поэтому мы не можемъ одобрить эти предполагаемыя мѣры, которыя должны повести къ гибели всей имперіи и противорѣчать справедливости и цивилизаціи. Мы твердо рѣшили употребить всѣ средства, чтобы получить то, что принадлежитъ намъ по праву“. Послѣ этого манифестъ указываетъ, что главной причиной царящей въ Македоніи анархіи надо признать грубо эгоистическій образъ дѣйствій Болгаріи, Греціи и Сербіи, которыя, преслѣдуя планы увеличенія своихъ территорій, посылали туда свои четы для убійствъ и ограбленій: это была настоящая пощечина нашимъ англійскимъ гуманитаріямъ, которые покровительствовали и сочувствовали только христiанамъ. Какъ первое публичное выступленіе Комитета, этотъ документъ представляетъ высокій интересъ.

Само собой разумѣется, что на свой меморандумъ Комитетъ Единенiя и Прогресса не получилъ никакого отвѣта ни отъ одной изъ великихъ державъ. Кабинеты не могли имѣть сношеній съ революціонной организаціей, цѣлью которой было сверженіе правительства дружественной державы и тѣмъ болѣе санкціонировало ея существованіе. Вѣроятно, нѣкоторые изъ тѣхъ, кому былъ посланъ этотъ манифестъ, прочли его съ презрительной улыбкой, ни мало не предполагая, что менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца эта кучка неизвѣстныхъ людей будетъ имѣть въ своихъ рукахъ власть надъ всей имперіей. Нѣсколько газетъ напечатали краткое содержаніе манифеста, безъ всякихъ комментаріевъ: міръ не хотѣлъ видѣть въ младотурецкой партіи ничего серьезнаго до тѣхъ поръ, пока революція не стала совершившимся фактомъ.

10-го іюля, т. е. спустя недѣлю или около того послѣ составленія Комитетомъ этого манифеста, въ Ревелѣ произошло свиданіе короля Эдуарда съ русскимъ царемъ; вскорѣ послѣ этого державамъ были сообщены подробности англо-русскаго плана умиротворенія Македоніи и

упорядоченія ея управленія. Это заставило Комитетъ принять рѣшительныя мѣры, такъ какъ было ясно, что необходимо немедленно нанести первый ударъ въ борьбѣ за оттоманскую свободу, или же будетъ слишкомъ поздно; но факторомъ, ускорившимъ движеніе и заставившимъ македонскихъ офицеровъ приступить, въ цѣляхъ самозащиты, къ немедленному возстанію, была усиленная энергія, которую стали въ то время обнаруживать правительственные шпіоны.

Въ началѣ 1908 г. Дворецъ былъ сильно встревоженъ вѣстями, доносившимися изъ македонскихъ гарнизоновъ. Правда, до этого времени недовольство войскъ не принимало революціоннаго характера, и на собраніяхъ, которыя происходили во всѣхъ военныхъ центрахъ, солдаты, требуя того, на что они имѣли право по военскимъ законамъ, — выдачи задержаннаго жалованья, полного довольствія и т. д. — не высказывали еще никакихъ угрозъ противъ правительства: но дисциплина и субординація въ арміи исчезли, а македонскіе запасные дошли до того, что отказывались повиноваться призыву на службу въ Геджасъ. Дворецъ узналъ теперь, что множество молодыхъ офицеровъ пользуются недовольствомъ нижнихъ чиновъ и занимаются революціонной пропагандой. Быстрый ростъ младотурецкаго движенія и широкое распространеніе его ученій по городамъ и деревнямъ черезъ посредство агитаторовъ сдѣлали невозможнымъ сохраненіе полной тайны, и хотя ставленники Дворца не могли захватить тѣхъ, кто руководилъ движеніемъ, но они чувствовали приближеніе страшной опасности, еще болѣе ужасной вслѣдствіе той полной тайны, которая ее окутывала; поэтому они ограничились тѣмъ, что лишь донесли о своихъ опасеніяхъ своему вѣчно дрожавшему господину; въ результатѣ рѣшено было принять мѣры къ совершенному искорененію заговора.

Шпіонажъ всегда былъ любимымъ оружіемъ Абдуль-Гамиды; поэтому въ Македонію были посланы шпіоны, чтобы вывѣдать секреты движенія и обнаружить его вождей; изъ этихъ шпіоновъ возвратились немногіе. Султанъ отдалъ также приказъ старшимъ офицерамъ македонской арміи узнать все, что они могутъ, о движеніи, арестовать подозрительныхъ офицеровъ и отослать ихъ въ Константинополь, а также обратиться къ солдатамъ съ

торжественнымъ напоминаніемъ ихъ долга, въ особенности же внушить имъ, что нарушеніе вѣрности и повиновенія калифу, „тѣни Бога“, „повелителю правовѣрныхъ“, считается мусульманской религіей самымъ страшнымъ изъ грѣховъ. Въ мартѣ изъ Константинополя въ Салоники отправилась для разслѣдованія особая коммисія съ Махиръ-пашой во главѣ, но, несмотря на многочисленныя доносы, обыски, аресты и пытки, она собрала лишь немного уликъ, потерпѣвъ полную неудачу въ своей попыткѣ проникнуть въ самое сердце заговора: въ этомъ кругу самоотверженныхъ людей измѣнниковъ не было. Но коммисія могла все же донести во Дворецъ, что въ Македоніи, несомнѣнно, существуетъ могущественное тайное общество, представляющее опасность для существующаго реежима, и что нельзя полагаться на вѣрность правительству македонскихъ войскъ.

Дѣятельность этой коммисіи обезпокоила Комитетъ Единенія и Прогресса, такъ какъ попались нѣсколько наиболѣе полезныхъ членовъ его. Молодые офицера, примкнувшіе къ Комитету, учли всю опасность своего положенія и пришли къ заключенію, что слѣдуетъ какъ можно скорѣе начать возстаніе, пока новыя аресты не нанесли еще дѣлу серьезнаго ущерба. Такимъ образомъ вышло, что болѣе чѣмъ за годъ до того срока, какой первоначально намѣченъ былъ Комитетомъ, майоръ Ніази-бей, 3-го іюля, сдѣлалъ въ Реснѣ знаменательный шагъ. Онъ открыто отрекся отъ вѣрности своему государю, бѣжалъ въ горы съ отрядомъ горожанъ-мусульманъ и нѣсколькими солдатами, бывшими подъ его командой, и выпустилъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ всѣхъ патріотовъ соединиться и свергнуть правительство. Я ниже расскажу о дѣятельности Ніази-бея, Энверъ-бея и прочихъ вождей возстанія въ горахъ, о томъ, какъ вокругъ нихъ собирались офицеры и солдаты, какъ они убѣдили болгарскія четы присоединиться къ нимъ, какъ, наконецъ, македонская армія стала арміей Комитета, и какъ въ теченіе трехъ недѣль съ этого историческаго событія—провозглашенія возстанія въ Реснѣ—революція одержала блестящую побѣду, и деспотизмъ превратился въ дѣло прошлаго. Здѣсь же я хочу описать тотъ рядъ событій, который ускорилъ послѣднюю борьбу между Дворцомъ и Комитетомъ.

Въ виду все растущей энергіи своихъ враговъ Комитетъ на своихъ тайныхъ собраніяхъ осудилъ на смерть и постановилъ убивать тѣхъ слугъ Дворца, которые представляли наибольшую опасность для движенія, включивъ сюда нѣсколько офицеровъ македонской арміи и всѣхъ тѣхъ, кто оказывался шпиономъ или доносчикомъ. Въ концѣ концовъ, Дворцу должно было стать трудно подскивать людей, согласныхъ заняться такой опасной профессіей, какъ шпионство, даже за самую высокую плату. Если бы не эти убійства, заговоръ непременно потерпѣлъ бы неудачу. Приговоры Комитета выполнялись часто при свѣтѣ дня, на оживленныхъ улицахъ, одѣтыми въ полную форму офицерами и никто изъ публики не пытался задержать исполнителей.

Такъ 7-го іюля, генераль Шеминъ-паша, одинъ изъ самыхъ способныхъ офицеровъ,—котораго, какъ обладающаго значительнымъ опытомъ, приобрѣтеннымъ имъ при подавленіи Македонскаго и Албанскаго возстаній, послали усмирить мятежъ,—былъ среди бѣлаго дня наповаль убитъ на улицѣ Монастыря молодымъ офицеромъ. Немного спустя былъ убитъ офицеръ, командовавшій гарнизономъ въ Сересѣ, и нѣсколько другихъ офицеровъ, ставшихъ на защиту правительства. 10-го іюля на улицѣ Салоникъ палъ отъ пули имамъ, т. е.—священникъ, артиллерійскаго полка, стоявшаго въ Монастырѣ; священникъ этотъ дѣйствовалъ въ казармахъ, какъ шпионъ, и направлялся къ желѣзнодорожной станціи, чтобы свести въ столицу собранныя свѣдѣнія. Въ тотъ же самый день, тоже въ Салоникахъ, произошло покушеніе на жизнь Хака-бея, отличавшагося своими доносами Дворцу и состоявшаго членомъ слѣдственной комиссіи. 12 іюля генераль Садикъ-паша былъ застрѣленъ на пароходѣ, идущимъ изъ Салоникъ въ Константинополь. Комитету приходилось бороться, такъ сказать, съ веревкой на шеѣ, и онъ не останавливался поэтому ни передъ чѣмъ; онъ удалялъ тѣхъ, чья дѣятельность могла погубить предпріятіе младотурокъ, такъ какъ шансы на успѣхъ были все еще весьма неопредѣленны.

Во Дворцѣ поняли всю силу грозившей ему опасности. Тамъ знали къ тому же,—остальному міру это не было извѣстно,—что происходитъ вовсе не обыкновенный мятежъ недовольныхъ войскъ. Офицеры, пользовавшіеся бо-

лѣе другихъ довѣриемъ султана, посланные имъ подавить возстаніе, не могли заставить своихъ солдатъ стрѣлять по своимъ мятежнымъ братьямъ-мусульманамъ, а иногда даже сами падали отъ рукъ своихъ подчиненныхъ. Впервые въ исторіи случилось, что имя падишаха перестало воодушевлять набожныхъ оттоманскихъ солдатъ и вызывать въ нихъ чувство благоговѣнія и покорности.

Дворецъ встревожился до послѣдней степени и перепробовалъ всё мѣры, которыя могли причинить ущербъ младотурецкому движенію. Было, между прочимъ, рѣшено, что слѣдуетъ сдѣлать еще одну попытку проникнуть въ самое сердце движенія и захватить тайный Центральный Комитетъ, который, какъ подозрѣвали шпіоны, находился въ Салоникахъ. Разсчитывали на то, что въ случаѣ гибели вождей и центральной организаціи, движеніе, распавшись на отдѣльныя вѣтви, потеряетъ свою жизненность.

Для этой цѣли въ Салоники отправили полковника Назимъ-бея, адъютанта султана, одного изъ наиболѣе ненавидимыхъ и страшныхъ слугъ деспотизма; на помощь ему данъ былъ цѣлый отрядъ шпіоновъ, и онъ получилъ приказаніе во что бы то ни стало обнаружить тайный Комитетъ. Назимъ-бей былъ типичной креатурой Дворца. Сумасбродный и порочный, всегда, подобно Катилинѣ, въ долгахъ, мотавшій свою собственность и жадный до имущества другихъ, ловкій и лишенный всякихъ нравственныхъ принциповъ,—онъ готовъ былъ продать свою душу за деньги, въ которыхъ постоянно нуждался. Его назначили комендантомъ Салоникъ. Такъ какъ за доносы хорошо платили, то онъ доносилъ на многихъ офицеровъ и на учащихся. Но такъ какъ прямыхъ уликъ противъ подозрительныхъ лицъ достать было не легко, то Назимъ пользовался самыми непрочнѣйшими данными. Однажды онъ отправилъ 38 молодыхъ офицеровъ въ Константинополь, гдѣ ихъ посадили подъ арестъ. Но въ большинствѣ случаевъ, тѣхъ, которыхъ Назимъ приказывалъ арестовать, немедленно освобождали, или они убѣгали сами, при содѣйствіи полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ было много, какъ я уже сказалъ, тайныхъ приверженцевъ Комитета. Назимъ, хорошо знавшій, какъ угодить своему господину, посылалъ во Дворецъ также доклады о поведеніи высшихъ

правительственныхъ чиновниковъ Салоникъ, обвиняя заслуженныхъ генераловъ Главнаго Штаба и другихъ въ преступной небрежности, пристрастїи и скрытой симпатїи къ младотуркамъ, въ результатъ чего онъ получалъ новыя прибавки къ жалованью и былъ такъ сильно подержанъ Дворцомъ, что оказался въ состоянїи присвоить себѣ высшую власть въ городѣ. Комитетъ Единенїя и Прогресса осудилъ Назима на смерть, причемъ постановленіе было подписано однимъ изъ его подчиненныхъ. Молодой пѣхотный поручикъ вызвался исполнить приговоръ. Назимъ, однако, испугался и 11 іюли бѣжалъ изъ Салоникъ. Когда онъ ѣхалъ въ экипажѣ на желѣзнодорожную станцію, въ него стрѣляли, но лишь слегка ранили; такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность добраться до Константинополя и представить султану собранныя имъ свѣдѣнїя о революціонномъ движенїи.

Послѣ тревожнаго доклада Назимъ-бея, въ Салоники изъ Константинополя поѣхала другая слѣдственная коммиссія. Во главѣ ея стоялъ Измаиль-Махиръ-паша, дивизионный генераль и адъютантъ султана (его застрѣлили на улицѣ Стамбула въ декабрѣ 1908 года одинъ офицеръ, послѣ того, какъ Комитетъ обнаружилъ, что генераль этотъ является руководителемъ реакціоннаго заговора); членами коммиссіи, среди другихъ важныхъ особъ, были Юсуфъ-паша, Реджетъ-паша и Садикъ-паша. Официальнымъ назначенїемъ коммиссіи служила ревизія арсеналовъ и войсковыхъ складовъ, но къ ней коммиссія не приступила. Члены ея остановились въ лучшемъ отелѣ Салоникъ. Одинъ изъ моихъ друзей, нынѣ редакторъ большой турецкой газеты, которому тогда Комитетъ поручилъ жить въ этомъ отелѣ и наблюдать за членами коммиссіи, убѣдился, что они рѣдко осмѣливаются выходить за дверь, но вызывали къ себѣ и подробно допрашивали людей всевозможныхъ званій и положеній.

Контръ-шпіонажъ, установленный противъ нихъ Комитетомъ, въ значительной степени сдѣлалъ всю ихъ работу напрасной; даже тѣ люди, которыми коммиссія пользовалась для собранїя изобличающихъ свѣдѣній, были очень часто членами тайнаго общества. Но хотя коммиссія и не могла проникнуть въ сердце заговора, она тѣмъ не менѣе обнаружила большую энергію; доносы во Дворцѣ такъ и сыпались, потому что для этой, какъ и для другой подобной коммиссіи, доказательства принадлежно-

сти къ заговору вовсе не были необходимы для осужденія; считалось достаточнымъ, если человѣкъ извѣстенъ, какъ честный и патріотически-настроенный оттоманскій гражданинъ. У комиссiи тоже были свои отдѣленія внутри Македонiи. Нѣкоторые офицеры, служившіе въ гарнизонахъ Монастыря, Персены и другихъ городовъ, стали ея агентами; но большинство ихъ было обнаружено Комитетомъ и должно было бѣжать; нѣкоторые же, включая сюда Сами-бея, полицейскаго комиссара въ Монастырь, пали отъ рукъ исполнителей приговоровъ Комитета.

Вся административная машина Македонiи до такой степени испортилась, что комиссiи трудно стало производить аресты тѣхъ, на кого ,казывали доносы; тогда Дворецъ, чтобы захватить въ свои цѣпки лапы руководителей движенія, обратился къ вѣроломнымъ средствамъ. Султанъ полагалъ, что за болѣе или менѣе значительную сумму можно купить всякаго; да и раньше онъ имѣлъ случай убѣдиться, что тамъ, гдѣ не дѣйствуютъ и угрозы, иногда ведетъ къ цѣли подкупъ. Энверъ-бею и прочимъ молодымъ офицерамъ, съ такимъ успѣхомъ занимавшимся революціонной пропагандой въ глубинѣ Македонiи, были посланы рескрипты, составленные въ самыхъ благосклонныхъ выраженiяхъ. Ихъ пригласили во Дворецъ и обѣщали не только прощеніе, но и щедрое денежное вознагражденіе вмѣстѣ съ производствомъ въ генеральскіе чины. Со времени Мидхада-паша Дворецъ соблазнилъ подобными уловками многихъ честныхъ людей, заманивая ихъ выйти, на свою погибель, изъ своего безопаснаго убѣжища. Но Энверъ-бей и его товарищи пренебрегли этимъ приглашеніемъ. Понявъ, въ то же время, всю опасность своего положенія, они бѣжали въ горы, организовали отряды и своимъ открытымъ возмущеніемъ ускорили гибель деспотизма. Дворецъ использовалъ тогда и другой способъ усмиренія: въ Салоники была послана крупная сумма поспѣшно занятыхъ денегъ съ приказаніемъ выдать всему войску задержанное жалованье; вмѣстѣ съ тѣмъ константинопольскія власти воздержались отъ какихъ бы то ни было репрессiй по отношенію къ тридцати-восьми офицерамъ македонской арміи, заключенныхъ въ военномъ министерствѣ. Забѣгая нѣсколько впередъ, я скажу, что это офицеры получили 21 іюля прощеніе и свободу, по-

слѣ того, какѣ Комитетъ пригрозилъ убить въ противномъ случаѣ всѣхъ македонскихъ генераловъ.

Измаиль-паша и его коллеги по комиссиіи вернулись въ Константинополь; результатомъ же ихъ усилій получился лишь еще большій ростъ того самаго движенія, вырвать которое съ корнемъ они были посланы. Во время этого кризиса Дворецъ подтвердилъ лишній разъ ту истину, что кого боги хотятъ погубить, у того они прежде всего отнимаютъ разумъ; принимавшіяся Дворцомъ мѣры неизмѣнно оказывались слишкомъ запоздалыми, а колебаніе въ рѣшительный моментъ уничтожало и тѣ шансы на успѣхъ, которые еще имѣлись. Послѣ неудачи съ комиссіей правительство рѣшило дѣлать то, что, будучи сдѣлано нѣсколькими мѣсяцами раньше, могло разстроить все младотурецкое движеніе и оставить Абдуль-Гамида неоспоримымъ владыкой Оттоманской имперіи. Власти рѣшили вызвать изъ Азіи для усмиренія мятежныхъ войскъ европейской части большую армію, и для этого былъ отданъ приказъ, чтобы не менѣе сорока восьми баталіоновъ анатолійскихъ войскъ немедленно отправились въ Салоники. Но прежде чѣмъ описывать неудачу этого послѣдняго хода со стороны деспотизма, необходимо вернуться назадъ и рассказать о тѣхъ событіяхъ, которыя произошли въ глубинѣ Македоніи съ того времени, когда Ниази-бей поднялъ 3 іюля въ Реснѣ знамя возстанія, и о томъ, какъ все было подготовлено для всеобщаго возмущенія.

Х.

Ниази-бей.—Его военная карьера.—Рѣшеніе начать возстаніе въ реснійскомъ округѣ.—Ниази набираетъ отрядъ.—Фидан и ихъ обязанности.—Манифестъ Ниази къ правительству.—Ниази поднимаетъ знамя возстанія.—Онъ и его отрядъ удаляются въ горы.—Его обращеніе къ своимъ партизанамъ.

Положеніе Македоніи въ іюль 1908 года, т.-е. въ то время, когда Ниази-бей бѣжалъ въ горы, можно въ короткихъ словахъ характеризовать такъ: болгарскія, сербскія, греческія, албанскія и валлахскія четы занимались убійствами, грабежами и насиліями надъ жителями по всей области; Комитетъ Единенія и Прогресса, учредивъ

отдѣленія въ Монастырь, Охридъ, Реснѣ, Персентѣ и другихъ мѣстахъ, энергично велъ свою пропаганду по всей Македоніи, причемъ значительная часть молодыхъ офицеровъ македонской арміи состояла изъ членовъ общества или, по крайней мѣрѣ, изъ сочувствующихъ ему; наконецъ, принимало свои мѣры и правительство: не было такого города или полка, гдѣ оно не имѣло бы своего агента, обязаннаго вывѣдывать тайны заговора и доносить на подозрительныхъ лицъ.

Ніази-бей, молодой офицеръ, первый поднявшій знамя возстанія—типичный представитель тѣхъ людей, которые во множествѣ появились въ этотъ опасный для Турціи періодъ, людей, которые показали міру непреклонную доблесть древняго оттоманскаго племени, людей, горячо любившихъ свою родину, страдавшихъ при видѣ бѣдственнаго ея положенія, искавшихъ средствъ освободить ее, и, когда средство было найдено, отдавшихъся выполнению своей высокой задачи со страстнымъ рвеніемъ, людей воодушевленныхъ одной, захватившихъ ихъ полностью, идеей. Менѣе всего люди эти были эгоистами; если они и лелѣили какую-нибудь личную мечту, то это была мечта о мученической смерти,—каждый изъ нихъ готовъ былъ пожертвовать для дѣла своей карьерой, своей женой и дѣтьми, своимъ имуществомъ; когда Ніази отправился на свое отчаянно-отважное предпріятіе въ сопровожденіи небольшого отряда партизановъ, то всѣ участники предпріятія дали клятву, не возвращаться къ своимъ семьямъ до тѣхъ поръ, пока Турція не станетъ свободна; передъ уходомъ они простились съ тѣми, кого любили, не зная, увидятъ ли ихъ опять, потому что у нихъ было только два исхода: побѣда или смерть. У турецкихъ мусульманъ любовь къ отечеству является частью ихъ религіи, и ихъ самоотверженная преданность родинѣ имѣетъ силу фанатизма. Если въ поработенной странѣ имѣется достаточное количество такихъ людей, то дни тираніи сочтены.

Этимъ духомъ вѣетъ отъ появившихся недавно въ печати писемъ и дневника Ніази-бея, въ которыхъ онъ, сообщая намъ довольно откровенно много подробностей о своихъ мысляхъ, стремленіяхъ и чувствахъ, даетъ чрезвычайно интересный человѣческій документъ. Тотъ фактъ, что авторъ такъ свободно и часто поэтически-

образно писать о своихъ чувствахъ, удивить, быть можетъ, англичанъ, которымъ не разъ приходилось слышать, что сдержанность является одной изъ характернѣйшихъ чертъ турка. Но турокъ сдержанъ и скрытенъ въ своихъ отношеніяхъ къ европейцамъ, которые такъ плохо понимаютъ его. Самъ же по себѣ турокъ, какъ показываетъ вся турецкая литература, богато одаренъ чувствомъ, которое является у него источникомъ силы, а не слабости. Турокъ раскрываетъ другу свое сердце съ неподдѣльной искренностью и могъ бы показаться, пожалуй, излишне откровеннымъ въ глазахъ англичанъ, изъ которыхъ многіе, повидимому, боятся, какъ бы ихъ не заподозрили въ какомъ-нибудь нѣжномъ чувствѣ къ ихъ женамъ и родителямъ; но мы сами, какъ свидѣтельствуетъ исторія, не такъ ужъ старались скрыть свои чувства, когда Нельсонъ одержалъ свои морскія побѣды. Ніази, котораго не удерживаетъ ложный стыдъ, не дѣлаетъ секрета изъ своихъ доблестныхъ подвиговъ, своихъ мыслей и чувствъ, и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ еще большую любовь къ себѣ. Но хотя Ніази посвятилъ себя служенію высокимъ идеаламъ, онъ не былъ ни мечтателемъ, ни безразсуднымъ и непрактичнымъ революціонеромъ. Подобно большинству своихъ соотечественниковъ, онъ одаренъ здравымъ смысломъ и въ теченіе своей полной приключеній жизни обнаружилъ сообразительность и ловкость не хуже гомеровскаго Одиссея.

Самъ Ніази-бей—албанецъ и вышелъ изъ мусульманскаго землевладѣльческаго класса. Онъ родился въ Реснѣ, небольшомъ городкѣ между Монастыремъ и Охридой, въ странѣ, гдѣ плодородныя долины, украшенныя плодовыми садами и нивами, покрытыя травою холмы, одѣтыя лѣсомъ горы, скалистые балканскіе пики и ущелья и большія озера образуютъ пейзажъ, равнаго по красотѣ которому нѣтъ въ Европѣ. Ніази съ дѣтства зналъ эти мѣста и имѣлъ друзей во всѣхъ деревняхъ, такъ что, когда было рѣшено сдѣлать этотъ округъ ареной перваго выступления, то признали, что Ніази будетъ самымъ подходящимъ человѣкомъ въ качествѣ предводителя. Въ армію онъ поступилъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ и отличился во время греческой войны. Затѣмъ его послали на родину, гдѣ онъ въ теченіе пяти предшествовавшихъ революціи лѣтъ занимался, стоя во главѣ ба-

тальяна стрѣлковъ, преслѣдованіями по горамъ разныхъ разбойничьихъ четъ. Тутъ онъ снова отличился, уничтоживъ на время въ Реснійскомъ округѣ власть болгарскаго революціоннаго комитета, и приобрѣлъ большую популярность среди мусульманской части населенія, имущество и жизнь которой онъ съ особой заботливостью защищалъ. Комитетъ Единенія и Прогресса, пустивъ въ ходъ свое огромное подпольное вліаніе, добился для него производства въ майоры и назначенія въ Ресну, мѣсто, гдѣ онъ могъ больше чѣмъ гдѣ-либо послужить движенію. Ніази былъ введенъ въ тайное общество своимъ товарищемъ по службѣ, нынѣ знаменитымъ Энверъ-беємъ; въ своихъ операціяхъ противъ четъ онъ дѣйствовалъ гораздо болѣе сообразуясь съ интересами Комитета, чѣмъ съ видами деспотическаго правительства.

Разсказъ о дѣятельности Ніази за это время бросаетъ интересный свѣтъ на положеніе Македоніи. Когда Ніази послали въ Ресну, болгарскія и албанскія четы, соединивъ свои силы, наводили ужасъ на всю область. На него возложено было порученіе захватить главарей этихъ немусульманскихъ четъ и расѣять самыя четы. И то и другое онъ выполнилъ съ успѣхомъ, хотя не совершалъ жестокостей и никому не мстилъ; ему, какъ онъ разсказываетъ, было жаль преслѣдовать людей, боровшихся, въ сущности, съ тѣмъ самымъ деспотизмомъ, который вызывалъ въ немъ самую такую же ненависть, какъ и въ нихъ. Онъ обыкновенно приглашалъ къ себѣ представителей отъ христіанъ, которые знали его съ дѣтства и довѣряли ему, и выяснялъ имъ, что ихъ сепаратистскіе планы никогда не будутъ осуществлены, что для нихъ лучше прогнать этихъ приносящихъ съ собою кровопролитіе агитаторовъ изъ Аѳинъ, Софіи и Бѣлграда и вступить въ братскій союзъ со своими соотечественниками-мусульманами, которыхъ правительство притѣсняетъ не меньше, чѣмъ ихъ. Искренности его словъ вѣрили, и они производили благотворное дѣйствіе.

По совѣту Ніази, нѣкоторые мусульмане, жившіе въ этомъ округѣ, образовали чету, дѣйствовавшую подъ руководствомъ Комитета Единенія и Прогресса. Чета эта переходила обыкновенно изъ одного мѣста въ другое, оказывая защиту жителямъ, не различая ни происхожденія, ни религіи; сегодня ей приходилось защищать болгарскую

деревню отъ нападенія четниковъ - сербовъ, а завтра сербскую деревню отъ четниковъ-болгарь. Эта чета была хорошо дисциплинирована, не совершала никакихъ эксцесовъ и даже не требовала отъ деревенскихъ жителей необходимыхъ жизненныхъ припасовъ; такой образъ дѣйствій былъ въ Македоніи столь необыченъ, что Комитетъ приобрѣлъ, благодаря этой четѣ, расположеніе албанцевъ, которые начали цѣлыми толпами приходить въ Охридъ и Монастырь, желая принесть революціоннымъ вождямъ присягу на вѣрность. Но насколько дѣятельность Ніази и Комитета способствовала умиротворенію страны, настолько же мѣшала ему дурная политика правительства, которое то поощряло беззаконіе, то пускало въ ходъ жестокія репрессіи. Взятчиковъ-судей можно было купить; такъ, на примѣръ, послѣ того, какъ войска подъ предводительствомъ Ніази захватили и привели нѣсколько сотъ человѣкъ, у которыхъ найдены были бомбы и оружіе, и послѣ суда надъ ними, осужденными оказались двадцать бѣдныхъ крестьянъ; всѣ же дѣйствительно опасные мятежники, бывшіе, на ихъ счастье, богатыми горожанами, были оправданы; это извращеніе правосудія поставило Ніази и его товарищей-офицеровъ въ смѣшное положеніе и, конечно, побудило христіанскія четы усилить свою вредную дѣятельность. Съ другой стороны, правительство, ради подавленія повстанцевъ, послало въ Переспу офицера слишкомъ горячаго темперамента, который, не зная ни обычаевъ, ни языка населенія, неспособенъ былъ приобрести его довѣрія. Онъ билъ и пыталъ крестьянъ и вообще поступалъ такъ безчеловѣчно, что иностранныя державы сдѣлали Портѣ относительно его образа дѣйствій особыя представленія. Припугнутое такимъ образомъ правительство отозвало этого офицера, причемъ болгарскія четы снова ободрились, какъ это бывало всякій разъ, когда Турція терпѣла униженіе отъ иностраннаго вмѣшательства. На этотъ разъ Комитетъ, къ тому же, встрѣтилъ врага въ лицѣ русскаго консула этой области, который, пустивъ въ ходъ все свое вліяніе, добился отозванія Ніази - бея съ арены его благотворной дѣятельности. Ніази былъ вызванъ въ Салоники и получилъ выговоръ отъ своего начальства, но его все же не задержали, а даже, — къ счастью для страны, — дозволили возвратиться на свой постъ въ Ресну. Въ то время рус-

ское правительство договаривалось съ англійскимъ о совмѣстномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Македоніи, потому всякое улучшение въ положеніи страны, которое могло сдѣлать это вмѣшательство излишнимъ, разсматривалось русскими чиновниками какъ крайне нежелательное.

Въ это же приблизительно время произошелъ судъ надъ Керманлемъ-Метромъ, однимъ изъ вождей повстанческихихъ четъ, который получилъ было прощенье и, поступивъ офицеромъ въ турецкую армію, успѣлъ оказать правительству большія услуги; судъ этотъ, вслѣдствіе русскихъ интригъ, завершился несправедливымъ смертнымъ приговоромъ. Эта трусливая выдача правительствомъ своего вѣрнаго слуги вызвала во всей Македонской арміи глубокое негодованіе и послужила одной изъ главныхъ причинъ, обусловившихъ нравственное объединеніе Комитета Единенія и Прогресса не только съ арміей, но и съ гражданскимъ мусульманскимъ населеніемъ; инцидентъ этотъ ясно показалъ мусульманамъ, что ихъ правительство безнравственно, что „оно дѣйствуетъ вопреки священному закону, мусульманской религіи и оттоманскимъ идеаламъ“. Порученіе отправить Керманля-Метра въ Монастырь выпало на долю Ніази-бей, который рѣшилъ спасти жизнь своего узника, хотя бы рискуя своей собственной. Поэтому, арестовавъ его, Ніази далъ ему возможность бѣжать, а агенты Комитета помогли ему добратъся до своего дома. Этотъ побѣгъ ихъ соотечественника, спасшій его отъ висѣлицы и осуществленный при содѣйствіи Комитета Единенія и Прогресса, произвелъ большое впечатлѣніе на болгаръ, жителей округа, которые говорили другъ другу, что наконецъ-то появилась сила, восстанавливающая справедливость. Съ этихъ поръ болгарскіе революціонеры начинаютъ со все растущимъ уваженіемъ и сочувствіемъ слушать Ніази, когда онъ убѣждалъ ихъ, что мусульмане и христіане, будучи сынами одной общей родины, должны заключить союзъ и совмѣстными усиліями добиться такого правительства, какое обезпечило бы всѣмъ правосудіе и равенство.

Въ то время какъ болгары, греки и сербы съ шумомъ и насиліями предъявляли свои права на Македонію и поджидали предполагаемаго разрушенія Турецкой имперіи, турки-мусульмане подъ руководствомъ Комитета Единенія и Прогресса упорно и терпѣливо трудились надъ осво-

божденіемъ своей родины, причемъ примѣняли до такой степени конспиративные методы, что внѣшній міръ не зналъ о движеніи ничего и былъ склоненъ думать, что мусульманская часть населенія смотритъ на совершающіяся событія съ полнымъ равнодушіемъ. Европейскія державы не обратили никакого вниманія на меморандумъ, которымъ Комитетъ протестовалъ противъ вмѣшательства Англіи и Россіи въ македонскія дѣла, и патриоты увидѣли, что для нихъ наступила пора выйти изъ подполья и начать борьбу за свободу, прежде чѣмъ иностранное вмѣшательство и все растущая энергія правительственныхъ чиновниковъ сдѣлаютъ это выступленіе безнадежнымъ. Къ концу іюля стало очевидно, что достаточно одной искры, чтобы вызвать общее возстаніе, и было рѣшено, что нѣсколько молодыхъ офицеровъ, членовъ Комитета, покинуть правительственную службу, сформировать въ различныхъ мѣстахъ отряды, удалятся вмѣстѣ съ ними въ горы и организуютъ общее возстаніе мусульманскаго и христіанскаго населенія.

Ніази-бей былъ первымъ, воспринявшимъ эту идею. Онъ сталъ настоящимъ фанатикомъ, охваченнымъ одной только мыслью; онъ рассказываетъ, что не спалъ три ночи послѣ того, какъ узналъ о результатѣ ревельскаго свиданія. Онъ составилъ свой собственный планъ; значительная часть населенія Ресвійскаго округа состояла изъ мусульманъ, причемъ какъ въ городѣ, такъ и по деревнямъ, организація Комитета Единенія и Прогресса была доведена почти до совершенства. Въ этомъ гористомъ и покрытомъ лѣсами округѣ мусульманскій отрядъ, поддерживаемый сочувственно настроеннымъ крестьянствомъ, могъ бы въ случаѣ надобности держаться противъ правительственныхъ войскъ неопредѣленно долгое время. Ніази сообщилъ этотъ планъ своему другу Джемаль-бею, главѣ муниципалитета Ресны, затѣмъ Тахиръ-эффенди и другимъ товарищамъ; было рѣшено созвать тайное собраніе приверженцевъ Комитета въ домѣ нѣкоего Хаджиага, вечеромъ 18 іюля.

На этомъ собраніи присутствовало около пятидесяти человекъ. Я приведу содержаніе протокола этого собранія, опубликованнаго Комитетомъ. Ніази-бей, послѣ обычныхъ привѣтствій, обратился къ товарищамъ съ такими словами: „Братья-сограждане и друзья! Вы поклялись Еди-

нымъ Богомъ, повиноваться распоряженіямъ Комитета и, жертвуя своей жизнью и имуществомъ, спасти страну, которую губятъ измѣнники. Но такъ ли?“ Всѣ воскликнули: „Эвѣтъ! Эвѣтъ!“ (Да! Да!). „Пришло время, продолжалъ Ніази, привести въ исполненіе этотъ священный обѣтъ. Теперь родина требуетъ отъ насъ самоотверженія. Наше подлое правительство равнодушно смотритъ на договоръ, заключенный въ Ревелѣ между русскимъ и англійскимъ главами государствъ, договоръ, направленный къ раздѣленію нашего отечества и передачѣ его въ руки нашихъ враговъ. Ужасному плану Европы можно помѣшать только кровью націи. Комитетомъ рѣшено, что мы всѣ должны подняться противъ подлаго турецкаго правительства, которое покорно склонилось передъ этимъ унижительнымъ договоромъ. Въ Реснѣ произошелъ первый бунтъ болгаръ, и они навлекли на насъ это бѣдствіе, въ Реснѣ же пусть поднимется наше первое знамя возстанія, и начнется народное возстаніе противъ деспотическаго правительства. Я приготовилъ все. Я могу достать все нужное для снаряженія отряда изъ двухсотъ человекъ—деньги, оружіе, одежду, патронташи, обувь. Мнѣ нужны только воодушевленные самоотверженные люди; но я потребую отъ нихъ готовности пожертвовать семьей, всѣми удобствами и утѣхами жизни, всѣми привязанностями къ другимъ людямъ—пожертвовать всѣмъ этимъ ради спасенія страны. Если спасеніе отечества окажется невозможнымъ, то тѣ, кто за мной послѣдуетъ, должны смотрѣть на смерть, какъ на лучшій исходъ. Простите меня за напоминаніе о томъ, какое высокое самоотверженіе должны выказать передовые бойцы арміи свободы; я васъ знаю и ни минуты не сомнѣвался, что среди васъ нѣтъ такого, кто уклонился бы отъ исполненія своего долга. Я объясню вамъ нашъ планъ. Вамъ извѣстно, что вмѣшательство Европы въ наши внутреннія дѣла вызвано жалобами христіанъ, которые, однако, страдаютъ отъ деспотизма меньше, чѣмъ мы, мусульмане, и что правительство открыло широкій путь для такихъ вмѣшательствъ своею низостью и трусостью, сдѣлавъ то, что для другихъ націй Турція стало синонимомъ всякаго зла. Теперь этой революціей мы ясно покажемъ міру, что мы любимъ христіанъ, какъ сыновъ одного и того же отечества, что мы считаемъ ихъ равными себѣ, что ихъ

честью мы дорожимъ точно такъ же, какъ своей собственной, ихъ жизнью, какъ нашей жизнью, ихъ имуществомъ, какъ нашимъ имуществомъ. Это возстаніе будетъ направлено не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ системы управленія, которая не только разжигала вражду между людьми различныхъ вѣрованій и различныхъ племенъ, но даже насъ, мусульманъ, сдѣлала врагами другъ друга. Это возстаніе во имя свободы, равенства и братства. Добиваясь для народа справедливости, мы не спустимся съ горъ до тѣхъ поръ и, если надо, пожертвуемъ нашей жизнью. Я посылаю въ Монастырь свою жену (Ніази женился всего за девять мѣсяцевъ передъ тѣмъ и былъ очень привязанъ къ своей женѣ) и мою сестру съ сиротами-дѣтьми, потому что о нихъ некому заботиться, кромѣ меня, а тамъ ихъ пріютятъ мои родственники. Я скажу послѣднее прости дорогимъ мнѣ людямъ и заколочу свой домъ. Есть ли кто среди васъ, кто всей душой послѣдуетъ моему примѣру?“

Всѣ присутствовавшіе въ одинъ голосъ отвѣтили: „Мы будемъ счастливы умереть съ тобой. Мы всѣ готовы“. Днемъ возстанія назначена была слѣдующая пятница, и было условлено, что въ этотъ день, въ часъ утренней молитвы, отрядъ изъ двухсотъ патриотовъ соберется къ казармамъ. Джемаль-эффенди получилъ порученіе отправиться въ Монастырь сообщить центральному комитету этого города о планѣ Ніази и получить разрѣшеніе выполнить его. Послѣ этого, обнявъ другъ друга и со слезами радости и гордости на глазахъ, товарищи покинули собраніе, расходясь по-двое и по-трое, чтобы не привлечь вниманія шпионовъ.

Черезъ два дня Джемаль вернулся изъ Монастыря съ просимымъ разрѣшеніемъ Центрального Комитета, и Ніази сдѣлалъ всѣ приготовленія къ памятной пятницѣ. Пока онъ былъ этимъ занятъ, произошелъ инцидентъ, сильно способствовавшій, по мнѣнію Ніази, удачѣ предпріятія. Къ нему пришла съ слезами и мольбами сестра Криста, известнаго вождя болгарскихъ революціонеровъ. Сербская чета, убившая незадолго передъ тѣмъ одного члена ея семейства, увела теперь въ горы ребенка этой бѣдной женщины и требовала за него непосильный выкупъ. Ніази поклялся ей, что вернетъ ей ея ребенка, и рѣшилъ захватить въ свои горы заложникомъ одного серба, школь-

наго учителя въ Реснѣ. Успѣшно отыскавъ въ непродолжительномъ времени ребенка, Ніази много выигралъ въ довѣріи болгаръ и убѣдилъ ихъ въ хорошихъ намѣреніяхъ тѣхъ, кто примыкалъ къ Комитету Единенія и Прогресса.

Предшествовавшую выступленію отряда ночь Ніази провелъ за составленіемъ манифестовъ и разныхъ писемъ, которые онъ хотѣлъ отослать, когда удалится на достаточное разстояніе отъ города и будетъ вѣдѣ власти правительства. Въ манифестѣ, который онъ адресовалъ главному секретарю императорскаго дворца, затѣмъ генералъ-губернатору Хельми-пашѣ и Монастырскому вали, говорилось, что Комитетъ Единенія и Прогресса является представителемъ всей націи и имѣетъ въ своемъ распоряженіи огромную силу, что цѣль его—добиться справедливаго образа правленія, подобно правленію въ цивилизованныхъ странахъ, и сохранить имперію въ цѣлости; далѣе объяснялось, что въ виду той массы шпионовъ, которыхъ правительство послало въ Салоники, желая погубить людей, тайно работавшихъ на благо своей родины, Комитетъ принималъ мѣры для защиты патриотовъ; далѣе Ніази заявлялъ, что въ этотъ день двѣсти *фидаевъ* (т.-е. самоотверженныхъ) вооруженныхъ винтовками Маузера, выступаютъ подъ начальствомъ трехъ офицеровъ изъ Ресны, что въ другихъ мѣстахъ формируются другіе отряды, въ которыхъ участвуютъ всѣ элементы населенія, и что эти отряды воздадутъ должное всѣмъ измѣнникамъ - шпионамъ, позорящимъ ту армію, къ которой они принадлежатъ; Комитетъ требуетъ, чтобы шпионы-паша и ихъ пособники были немедленно отвезены въ Константинополь, на специальномъ поѣздѣ; онъ требуетъ также, чтобы основные законы, т.-е. конституція, были немедленно восстановлены, и чтобы въ возможно близкомъ будущемъ была созвана палата депутатовъ; если правительство откажется выполнить это, то нація добьется своего силой, и отвѣтственность за кровопролитіе падетъ на высшихъ сановниковъ государства.

Затѣмъ Ніази написалъ письма командиру жандармскаго полка въ Монастырѣ, жандармскому поручику въ Реснѣ и нѣкоторымъ другимъ офицерамъ, продавшимъ себя Дворцу, и торжественно предостерегъ ихъ отъ име-

ни двухсотъ фидаевъ Комитета Единенія и Прогресса, что если они будутъ продолжать позорить свой военный мундиръ шпіонствомъ за своими товарищами и не прекратятъ своихъ доносовъ правительству и чужеземнымъ офицерамъ, доносовъ, которыми они продаютъ свое отечество, находящееся въ агоніи, „словно тяжело раненый левъ“, и если они не измѣнятъ тотчасъ своего поведенія и не перестанутъ быть дѣлательными врагами Національнаго Союза, то Комитетъ предастъ ихъ смерти. Многіе имѣли уже случай убѣдиться, что Комитетъ никогда не дѣластъ пустыхъ угрозъ. Одинъ изъ тѣхъ, кому Ніази послалъ эти письма, до такой степени перепугался, что сошелъ съ ума.

Знаменательный день 3 іюля 1908 года наступилъ, Ніази-бей рано утромъ поднялся на ноги, чтобы закончить свои приготовленія. Выступленіе его отряда изъ Ресны въ то время, когда офицеры, непричастные къ движенію, вмѣстѣ со значительнымъ гарнизономъ находились въ городѣ, было, разумѣется, невысказано, такъ что пришлось употребить хитрость, чтобы выманить ихъ изъ города. По предварительному уговору нѣсколько приверженцевъ Комитета пришли въ Ресну и доложили властямъ, что болгарская чета движется по дорогѣ къ Измилову, т.-е. въ направленіи, противоположномъ тому, въ какомъ самъ Ніази хотѣлъ вести свой отрядъ; въ подтвержденіе донесенія за холмами было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Благодаря этой уловкѣ, все наличное войско спѣшно отправилось въ походъ противъ воображаемой четы, оставивъ лишь нѣсколько офицеровъ и солдатъ для охраны казармъ, которыя расположены на возвышеніи, господствующей надъ городомъ, и отстоятъ отъ него приблизительно на полмили.

Тогда Ніази пошелъ въ казармы, одѣтый въ форменный мундиръ, а члены его отряда по-двое и по-трое собрались недалеко отъ нихъ. Онъ вошелъ въ ворота казармъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда чиновники-мусульмане и другіе жители Ресны отправились въ мечети для совершенія полуденной пятничной молитвы. Онъ далъ условный сигналъ шашкой, и его фидаи до полутора сотъ числомъ, устремились въ казармы, не вызывая никакого подозрѣнія у караульныхъ солдатъ, которымъ было сказано, что майоръ Ніази-бей вооружаетъ

горожанъ-мусульманъ съ цѣлью вести ихъ за городъ на помощь войску.

Согласно указаніямъ Ніази-бея, фидаи взломали ящики съ оружіемъ и аммуниціей и вооружились, причемъ многіе изъ нихъ брали по двѣ винтовки, чтобы снабдить оружіемъ тѣхъ, кто присоединится къ отряду впоследствии. Ніази открылъ также полковой денежный ящикъ и забралъ всѣ бывшія въ немъ деньги, около пятисотъ фунтовъ стерлинговъ, оставивъ взамѣнъ расписку, въ которой объяснилъ, на что онъ хочетъ употребить взятые деньги. Затѣмъ отрядъ въ полномъ порядкѣ и воодушевленный успѣшнымъ началомъ, выступилъ изъ казармъ; съ нимъ вмѣстѣ пошли девять солдатъ, которые, все еще полагая, что Ніази ведетъ отрядъ противъ болгаръ, захотѣли присоединиться къ нему. Послѣ двухъ-часового перехода они пришли къ перекрестку дорогъ на покрытой травой возвышенности, гдѣ съ отрядомъ Ніази, какъ раньше было условлено, соединился отрядъ фидаевъ изъ Персепы, состоящій изъ поручика Османа-эффенди, четырехъ солдатъ и тридцати горожанъ.

Тутъ былъ устроенъ приваль для отдыха и обѣда, а передъ возобновленіемъ похода Ніази созвалъ своихъ партизановъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой изложилъ свои намѣренія и тѣ строгія правила дисциплины, придерживаться которыхъ предписалъ ему Комитетъ. Онъ напомнилъ, что они поклялись Единымъ Богомъ отдать свою жизнь ради спасенія отечества. „Нація ждетъ, сказалъ онъ, что вы подадите блестящій, достойный подражанія, примѣръ самопожертвованія и оттоманской доблести. Готовы ли вы къ тому, чтобы ни разу не увидѣть родного дома до тѣхъ поръ, пока освобожденіе страны не будетъ обезпечено?“ Его товарищи воскликнули: „Да! да! Смерть или свобода!“ Ніази продолжалъ: „Быть можетъ, среди васъ есть такіе, которые недостаточно сильны и крѣпки для того, чтобы вести ту суровую жизнь, которая намъ предстоитъ; они не выдержатъ длинныхъ переходовъ пѣшкомъ, голода и жажды, холода и жары, имъ трудно будетъ жить подъ открытымъ небомъ. Всѣмъ такимъ я разрѣшаю вернуться, пусть они идутъ въ свои деревни и молятся за насъ“. Не получивъ на это никакого отвѣта, онъ повелъ рѣчь о возвышенномъ чувствѣ долга и тѣхъ строгихъ правилахъ по-

веденіе, которыми должны руководиться фидаи: они, сказавъ послѣднее „прости“ жизни, теперь должны пожертвовать собою ради отечества. Они имѣютъ много враговъ, которые, навѣрно, будутъ клеветать на нихъ; но имъ надлежитъ вести себя такъ, чтобы никто не имѣлъ достаточнаго основанія взглянуть на нихъ косо. Имъ предстоитъ чистотою жизни дать примѣръ того, что называютъ, „возвелченіемъ славы ислама и мусульманъ“ черезъ повиновеніе священному закону Магомета, того закона, на которомъ основывается конституція. Конституція принесетъ равенство и правосудіе всѣмъ оттоманамъ безъ различія происхожденія и религіи. Они, какъ провозвѣстники конституціи, должны показать примѣръ этого равенства и правосудія. Во время походовъ отряда по странѣ, имъ надлежитъ уважать честь жителей, какъ свою собственную, обходиться съ ними всегда вѣжливо, никогда и ни въ чемъ ихъ не притѣснять, ничего не красть, хотя бы и подъ вліяніемъ мукъ голода, и, самое главное, относиться съ уваженіемъ ко всѣмъ женщинамъ и соблюдать цѣломудріе. Онъ заявилъ, что будетъ наказывать, не дѣлая никакихъ исключеній, каждаго члена своего отряда, который хотя бы въ самой слабой степени нарушитъ одно изъ этихъ правилъ, и что единственнымъ наказаніемъ, какое онъ будетъ налагать, будетъ наказаніе смертю: „такая строгость необходима для блага родины“. Далѣе Ніази сказалъ, что онъ принялъ мѣры для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей. Онъ будетъ давать каждому три турецкихъ фунта на содержаніе семьи и два серебряныхъ меджидіе на табакъ, о пицѣ и одеждѣ онъ позаботится самъ. „Вотъ обязательныя правила службы“, сказалъ онъ въ заключеніе. Согласны ли вы на нихъ? Если да, то поклянитесь Единымъ Богомъ, что принимаете ихъ всѣмъ сердцемъ и всей душой“.

Въ отвѣтъ раздался единодушный крикъ фидаевъ: „Воллахи, биллахи!“ (Во имя Бога, да!).

Изъ девяти солдатъ, отправившихся изъ Ресны съ увѣренностью, что ихъ ведутъ противъ болгаръ, четверо попросили теперь позволенія вернуться. Ніази отобралъ у нихъ оружіе и послалъ ихъ къ офицеру, командовавшему батальономъ стрѣлковъ въ Реснѣ, съ письмомъ, въ которомъ объяснилъ, что солдаты эти ни въ чемъ не ви-

новаты, и что ушли они только потому, что онъ ввелъ ихъ въ заблужденіе. Изъ тѣхъ горожанъ, которые присоединились къ отряду, только одинъ обнаружилъ въ послѣдній моментъ робость. Ніази разрѣшилъ ему вернуться домой и довѣрилъ ему письма и манифесты, написанные предшествовавшей ночью, съ порученіемъ передать ихъ окружному мудиру; самому мудиру онъ послалъ отдѣльное письмо, гдѣ приказывалъ, грозя возмездіемъ въ случаѣ неповиновенія, отправить эти бумаги тѣмъ лицамъ, которымъ они адресованы.

Заиграла труба, и маленькій отрядъ двинулся дальше по прекрасной балканской мѣстности, подъ чуднымъ лѣтнимъ небомъ, навстрѣчу неизвѣстной судьбѣ, отрядъ принесшихъ клятву аскетовъ, которые любили всѣхъ людей, исключая слугъ деспотизма, стоявшихъ имъ поперекъ дороги; такихъ они убивали безъ всякой жалости; для всѣхъ другихъ людей это были братья, защищавшіе слабыхъ и угнетенныхъ, къ какому бы народу они ни принадлежали, и какую бы вѣру ни исповѣдывали люди, проповѣдывавшіе справедливость и равенство.

Отряды, бродившіе до сихъ поръ по Балканамъ, наводили на населеніе ужасъ своими убійствами, грабежами и насиліями надъ женщинами. Этотъ же отрядъ приобрѣлъ довѣріе всѣхъ и находилъ радостный пріемъ во всѣхъ селеніяхъ. Это дѣйствительно была группа странствующихъ рыцарей, но не фантазеровъ, атаковывавшихъ вѣтряныя мельницы: цѣлюю фидаетъ было низверженіе господства тираніи и продажности. Отрядъ Ніази, какъ другіе отряды Комитета Единенія и Прогресса, послѣдовавшіе его примѣру, дѣйствительно сумѣлъ, какъ мы скоро увидимъ, не только привлечь на свою сторону все мусульманское населеніе страны, но даже сбѣдинить различныя народности, которыя цѣлые годы до этого рѣзали другъ другу глотки; такимъ образомъ всѣ силы македонскаго народа были направлены противъ деспотизма.

XI.

Попытка Шемши-паши захватить отрядъ Ніази.—Мѣры Комитета.—Походъ Ніази черезъ Дибрійскій округъ.—Его воззваніе къ болгарамъ. Энверъ-бей удаляется въ горы. Смерть Шемши-паши.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ выступленія изъ Ресны Ніази-бей съ его отрядомъ, чиновники Ильдива были по

телеграфу извѣщены о мятежѣ. Послѣ совѣщанія ближайшихъ совѣтниковъ султана полетѣла телеграмма генералу Шемши-пашѣ, служившему въ то время въ Митровицѣ, въ сѣверномъ вилайетѣ; этотъ Шемши-паша, какъ я уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, пользовался особымъ довѣріемъ правительства и считался самымъ опытнымъ офицеромъ по части усмиренія мятежей въ Македоніи и Албаніи; посланная ему телеграмма содержала увѣдомленіе о случившемся и предписывала ему, какъ можно скорѣе, двинуть войска изъ Митровицы въ Монастырь, а также набрать добровольцевъ изъ народа, „дабы окружить и захватить“ неблагодарнаго измѣнника Ніази вмѣстѣ съ его сообщниками—офицерами, чиновниками, солдатами и крестьянами. Далѣе говорилось объ ожиданіяхъ Его Величества, что генераль докажетъ свою вѣрность и лояльность, захвативъ вредныхъ людей и давъ хорошій урокъ всѣмъ прочимъ мятежникамъ. „Его Величество надѣется, говорилось въ телеграммѣ, что генераль очиститъ эту часть имперіи отъ злодѣевъ и строжайшими мѣрами предупредитъ распространеніе мятежа“.

Злополучный Шемши дѣйствительно проявилъ лояльность и рвеніе, работая днемъ и ночью надъ поимкой Ніази и его отряда фидаевъ. 6 іюля онъ прибылъ экстреннымъ поѣздомъ въ Монастырь съ двумя батальонами; непосредственно за нимъ слѣдовалъ третій батальонъ. Семь другихъ батальоновъ были посланы пѣшкомъ въ безпкойные округа. Чтобы помочь дѣйствіямъ войскъ, креатуры Дворца пустили въ ходъ тѣ низкіе способы, которые они такъ любили. Съ цѣлью возбудить мусульманскій фанатизмъ и убѣдить населеніе служить добровольцами, упорно распространялись слухи, что взбунтовавшіеся христіане убиваютъ мусульманъ; правда, клевета эта не произвела почти никакого впечатлѣнія. Въ то же время по деревнямъ разсылались особые глашатаи, которые должны были объявлять, что та конституція, какой домогается Комитетъ Единенія и Прогресса, и какую требуютъ отряды Ніази и другихъ, противна религіи ислама, причемъ „ученіе Комитета такъ же мерзко, какъ и то, которое дозволяетъ женщинамъ ходить съ открытыми лицами“. Мѣстнымъ властямъ Дворецъ предписалъ стараться подкупить чле-

новъ отряда Ніази, предлагая чины и деньги тому, кто его убьетъ.

Докладывая правительству телеграммами о ходѣ событий, Шемши заявлялъ, что онъ не въ состояніи получить сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній о бунтовщикахъ, и что никому неизвѣстно, гдѣ находится Комитетъ Единенія и Прогресса, и кто его члены. Все, что его шпионы могли сообщить ему, заключалось въ томъ, что головы жителей этихъ мѣстъ наполнены революціонными идеями, и что много вліятельныхъ лицъ принадлежать къ Комитету; движеніе явно растетъ; майоръ Энверъ-бей снялъ свой мундиръ и скрылся, присоединившись, очевидно, къ мятежному Комитету. Тѣмъ не менѣе онъ, Шемши-паша, можетъ увѣрить Его Величество Калифа, что онъ до тѣхъ поръ не перестанетъ стремиться къ искорененію мятежа, пока не испуститъ послѣдняго своего вздоха (слова, оправдавшіяся въ скоромъ времени буквально).

Кромѣ того, онъ доносилъ, что отправилъ посланцевъ ко всѣмъ вліятельнымъ албанцамъ, и что въ отвѣтъ на его зовъ тысячи храбрыхъ горцевъ готовы ринуться въ недовольные округа и наказать тѣхъ, кто измѣнилъ своей вѣрѣ и своему государю. Онъ докладывалъ, наконецъ, что одновременно два батальона идутъ по направленію къ Реснѣ, и что онъ надѣется на скорое и успѣшное подавленіе заговора.

Его надежды не оправдались: большинство албанскихъ вождей, на помощь которыхъ онъ рассчитывалъ, примкнули къ Комитету Единенія и Прогресса, а всѣ офицеры одного изъ тѣхъ двухъ батальоновъ, которыхъ онъ послалъ окружить Ніази, принесли присягу на вѣрность Комитету. Но у Шемши были свои опасенія, онъ признался властямъ Монастыря, что нельзя много рассчитывать на румелійское войско, приведенное имъ съ собой, и что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія цѣлой дивизіи анатолійскихъ войскъ, которую правительство посылаетъ ему изъ Малой Азіи. Зять самого Шемши, офицеръ монастырской жандармеріи и членъ Комитета, не имѣя, конечно, возможности вполнѣ ему довѣриться, пытался все же предупредить бесполезное пролитіе мусульманской крови и спасти жизнь самого генерала, предостерегая его, что войска изъ Ресны и окрестныхъ мѣстъ, несомнѣнно, откажутся

повиноваться ему, если имъ прикажетъ открыть огонь по отряду Ніази. Между тѣмъ Комитетъ Единенія и Прогресса досконально зналъ о всѣхъ планахъ правительства, такъ какъ телеграфные служащіе и прочіе чиновники, тайные приверженцы движенія, имѣли возможность сообщать ему содержаніе всѣхъ телеграммъ и бумагъ, которыми Ильдизъ обмѣнивался съ военными властями Монастыря.

Со своей стороны Комитетъ принялъ рядъ энергичныхъ мѣръ, чтобы расстроить планы правительства. Для противодѣйствія ложнымъ слухамъ, распространяемымъ слугами деспотизма, на стѣнахъ зданій Монастыря въ ночь передъ прибытіемъ Шемши, были расклеены, по приказанію Комитета, воззванія, объяснявшія, что цѣлью Комитета является освобожденіе Турціи отъ ея преступнаго правительства, которое тридцать лѣтъ губило націю, а теперь хочетъ отдать ее иноземцамъ. Далѣе воззваніе содержало въ себѣ призывъ къ немедленному уничтоженію шпионовъ, недавно присланныхъ изъ Константинополя, и протестъ противъ незаконной отправки людей, на которыхъ поступали доносы, на инквизиціонное судилище въ Ильдизъ-Кіоскъ и въ центральную полицію столицы.

Въ то же время Комитетъ организовалъ многочисленныя отряды въ различныхъ частяхъ области, чтобы такимъ образомъ привести правительство въ замѣшательство, раздѣлить его военныя силы и помѣшать преслѣдованію Ніази всѣмъ наличнымъ войскомъ. Комитетъ находился въ общеніи съ Ніази, увѣдомляя его о всѣхъ передвиженіяхъ враговъ. Комитетъ предписалъ ему избѣгать столкновеній съ войсками, посланными противъ него, но если это окажется невозможнымъ, то устроить рѣшительное сраженіе, которое нанесло бы правительству большой уронъ. Такъ какъ задачей Комитета было объединеніе всѣхъ разнообразныхъ элементовъ оттоманскаго населенія, то гражданская война, особенно въ формѣ столкновеній между мусульманами-солдатами и мусульманами-крестьянами, была событіемъ крайне нежелательнымъ. Комитетъ постановилъ также, что всѣ агенты Дворца, которые расхаживали по деревнямъ, добывая свѣдѣнія и настраивая населеніе противъ конституціи, должны подвергнуться смерти.

Теперь мы вернемся къ Ніази-бею и его странствова-

ніямъ. Послѣ отдыха на перекресткѣ дорогъ, гдѣ его отрядъ, подкрѣпленный фидаями Османа-эффенди, достигъ численности, какую Ніази считалъ наиболѣе подходящей для своей цѣли, походъ былъ возобновленъ по направленію къ мусульманской деревнѣ Лабчѣ, большинству жителей которой онъ и его партизаны были хорошо извѣстны. Фидая вступили въ деревню съ кликами „Алла-у-акберъ!“ (Великъ Богъ!) и „Ла илна иль алла!“ (Нѣтъ Бога, кромѣ Бога!). Затѣмъ Ніази собралъ черезъ выборный деревенскій совѣтъ всѣхъ крестьянъ, работавшихъ въ полѣ, и обратился къ нимъ съ рѣчью. Здѣсь почва была хорошо подготовлена. Среди жителей не было ни одного, кто не желалъ бы восстановленія конституціи. Они бросались на шею Ніази и его людямъ и обнимали ихъ въ восторгѣ отъ того, что видятъ этихъ спасителей родины, открыто выступившихъ на защиту общаго дѣла.

Одинъ изъ старѣйшихъ жителей деревни, служившій раньше унтеръ-офицеромъ въ арміи, просилъ разрѣшенія присоединиться къ отряду. „Не лишайте меня этого счастья“, сказалъ онъ, „потому что, даже если мы потеримъ неудачу въ этой экспедиціи, можно получить вѣнецъ мученика“. Но Ніази отвѣтилъ: „Я всѣмъ сердцемъ хотѣлъ бы имѣть тебя около себя, но ты долженъ оставаться здѣсь, потому что твое присутствіе нужно этой деревнѣ. Я хочу сдѣлать Лабчу нашимъ опорнымъ пунктомъ и мѣстомъ убѣжища, такъ что ты здѣсь поможешь дѣлу больше, чѣмъ слѣдуя за мной“.

Унтеръ-офицеръ остался поэтому въ Лабчѣ, гдѣ принесъ много пользы своимъ усердіемъ, вѣрностью и природной сообразительностью. Одинъ инцидентъ, происшедшій въ этой деревнѣ нѣсколько времени спустя, бросаетъ любопытный свѣтъ на ту систему самоуправленія, которую Комитетъ Единенія и Прогресса вводилъ по деревнямъ, признавшимъ Комитетъ своимъ тайнымъ руководителемъ. Сестра того унтеръ-офицера, о которомъ я только что говорилъ, рассказала своему мужу, жителю Ресны, про присягу, къ которой представители Комитета привели нѣсколько вліятельныхъ жителей Лабчи, а этотъ дурень сталъ хвастаться передъ посторонними, что онъ знаетъ одну тайну, и упоминать имена только что вступившихъ въ Комитетъ. Унтеръ-офицеръ, услышавъ объ этомъ, созвалъ жителей деревни на собраніе, гдѣ было

рѣшено наказать обоихъ болтуновъ такимъ образомъ: мужъ долженъ немедленно развестись со своей женой. Мужъ и жена пришли на этотъ судъ (приговоры котораго уважались жителями больше чѣмъ приговоры коронныхъ судовъ) и просьбами о прощеніи добились отмѣны грозившаго разлучить ихъ рѣшенія. Это происшествіе повело къ образованію особой женской полиціи, или наблюдательнаго комитета, какъ въ этой такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ. Главною задачей такой организаціи была, повидимому, забота о прекращеніи нескромной болтовни о Комитетѣ. Такъ какъ въ Лабчѣ и окрестныхъ деревняхъ всѣ жители были убѣжденными сторонниками Комитета, то здѣсь отряду Ніази дѣлать было нечего, а потому фѣдай, закупивъ провіантъ и отдохнувъ, снова, уже послѣ наступленія ночи, пустились въ путь.

Къ полудню слѣдующаго дня они находились въ окрестностяхъ албанскаго города Охриды, гдѣ имѣлся значительный гарнизонъ и много дворцовыхъ шпіоновъ, такъ что вступить туда отрядъ не могъ. Но въ немъ былъ также и сильный отдѣлъ Комитета Единенія и Прогресса, а значительная часть жителей города искренно сочувствовала движенію. Ніази, оставивъ свой отрядъ, расположившійся лагеремъ въ вишневомъ саду на возвышенности, пошелъ ночью прикрытіемъ ночи въ городъ. Майоръ Эйюбъ-эффенди и другіе члены Комитета и старые друзья Ніази встрѣтились съ нимъ въ домѣ одного изъ преданныхъ Комитету лицъ и сердечно его привѣтствовали. Они сказали ему, что для поимки его изъ Ресны отправились два отряда солдатъ. Въ его лагерь друзья отправили партію кожаныхъ непромокаемыхъ сапогъ и другіе необходимые предметы, которыхъ у отряда не было, чѣмъ чрезвычайно ободрили Ніази. Здѣсь онъ воспользовался случаемъ послать возваніе Албанскому Комитету, имѣвшее, какъ оказалось впоследствии, огромный успѣхъ, благодаря тому, что у Ніази, родившагося недалеко отъ албанской границы, среди албанцевъ было много друзей, и онъ пользовался у нихъ большимъ уваженіемъ. Онъ написалъ также письмо своему старинному врагу Черчису, извѣстному вождю болгарскихъ четъ. Въ этомъ письмѣ онъ объяснялъ Черчису свои намеренія и сказалъ, что онъ, Ніази, прежде энергично

преслѣдовавшій чету Черчиса, теперь дружески протягиваетъ ему руку и просить свиданія на условіяхъ, какія только Черчисъ захочетъ, чтобы они могли составить планъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ деспотизма; въ заключеніе Ніази привелъ поговорку, гласившую, что „отбившуюся отъ стада овцу пожираетъ волкъ“. Друзья Ніази отвели его глухими переулками и тропинками обратно въ лагерь, и отрядъ, покинувъ эту опасную мѣстность, сдѣлалъ новый продолжительный ночной переходъ къ сѣверу, направляясь къ Дибрѣ, центру округа, въ которомъ Ніази ожидалъ найти много единомышленниковъ, и гдѣ лѣса вмѣстѣ съ трудно-проходимыми горами изобиловали безопасными убѣжищами и удобными позиціями.

Только тутъ, въ сущности, началась дѣятельность Ніази по подготовкѣ общаго возстанія. Разсказать здѣсь о всѣхъ передвиженіяхъ его отряда невозможно, но я укажу на нѣкоторые методы, которыми онъ пользовался. Его намѣреніемъ было прежде перенести свои операціи въ мусульманскія деревни, а уже затѣмъ захватить и другіе элементы населенія. Онъ дѣйствовалъ съ огромной энергіей, часто посѣщая въ одинъ и тотъ же день нѣсколько селеній и „организуя“ ихъ. Его обыкновеніемъ стало посылать впередъ небольшую часть своего отряда подъ начальствомъ офицера, чтобы предупредить и успокоить жителей, и только послѣ этого онъ вступалъ въ деревню съ остальными силами. Во всѣхъ—за ничтожными исключеніями—мусульманскихъ деревняхъ фидаевъ встрѣчали съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, и задача Ніази—привести жителей къ присягѣ на вѣрность Комитету—не представляла никакихъ трудностей. Онъ созывалъ собраніе, или же отправлялся вмѣстѣ со своимъ отрядомъ въ мечеть и обращался, послѣ окончанія богослуженія, къ присутствовавшимъ съ горячей рѣчью, разъясняя имъ возвышенныя дѣли того движенія, провозвѣстникомъ котораго онъ являлся. Затѣмъ представители населенія, одинъ за другимъ, произносили клятву, предписанную Комитетомъ Единенія и Прогресса; за ними шли поселяне, горѣвшіе желаніемъ тоже присягнуть. Среди тѣхъ, кто такимъ образомъ становился въ ряды приверженцевъ движенія, находилось много дезертировъ изъ арміи, скрывавшихся въ своихъ семействахъ.

Ніази обыкновенно старался внушить своимъ ново-обращеннымъ членамъ, что теперь, когда они заключили братскій союзъ для служенія одной и той же возвышенной цѣли, они должны отбросить всякое несогласіе и позабыть всѣ несправедливости и обиды, нанесенныя другъ другу. Общее дѣло требуетъ, чтобы ихъ кровавые раздоры прекратились. Въ этихъ мѣстахъ, особенно въ нѣкоторыхъ албанскихъ округахъ, ожесточенныя, кровопролитныя ссоры между семьями и отдѣльными лицами—явленіе, очень распространенное, и смерть отъ вендетты считается естественнымъ концомъ жизни мужа. Но теперь наступило всеобщее примиреніе. Члены семействъ, враждовавшихъ другъ съ другомъ въ рядѣ поколѣній, обнимались на глазахъ у всѣхъ, объединенные преданностью одному общему дѣлу; старики, которые много лѣтъ не осмѣливались выходить изъ дому, потому что оставалась не отмщенной какая-нибудь старинная вина ихъ, шли теперь открыто и безъ страха.

Поселяне, съ искреннимъ восторгомъ встрѣчавшіе фидевъ Ніази, въ которыхъ они видѣли спасителей Турціи, часто отказывались брать плату за сѣстные припасы и прочіе необходимые предметы, которые они доставляли отряду охотно и въ изобиліи; но когда Ніази не платилъ за все это наличными, то всякій разъ настаивалъ на томъ, чтобы жители брали отъ него на соответствующую сумму расписки, и приказывалъ показывать ихъ властямъ и сбрасывать столько же съ тѣхъ податей, какія они вносятъ правительству. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посылалъ особыя извѣщенія мѣстнымъ мудирамъ и прочимъ чиновникамъ, предупреждая ихъ, что смерть постигнетъ тѣхъ сборщиковъ податей, которые откажутся принимать въ уплату эти расписки.

Послѣ принесенія жителями присяги, „деревню организовывали“, согласно особымъ правиламъ, даннымъ Комитетомъ, и она становилась хорошо устроеннымъ центромъ возстанія. Прежде всего, люди заявляли о своемъ нежеланіи повиноваться правительству; правительственные чиновники изгонялись, а тираническія притѣсненія предупреждались соединенными силами всего населенія, ставшаго какъ-бы одной дружной семьей. Вводилось мѣстное самоуправленіе на конституціонныхъ началахъ. Источники правительственныхъ доходовъ немедленно за-

хватывались, какъ только къ тому представлялась возможность, а въ нѣкоторыхъ округахъ деревни отказывались платить правительству какія бы то ни было подати, оказывая такимъ образомъ пассивное сопротивленіе, которое не замедлило бы принять форму активнаго, если бы сборщики осмѣлились настаивать на своихъ требованіяхъ.

Въ цѣляхъ взаимной поддержки между деревнями одного и того же округа были установлены сношенія; нѣкоторые жители тайно устроили нѣчто вродѣ милиціи. Ніази нашелъ, что отъ ста до двухсотъ пятидесяти винтовокъ было спрятано въ каждой деревнѣ Дибрійскаго округа и другихъ сосѣднихъ округовъ, такъ что въ оружіи недостатка не было. Эти деревни много терпѣли отъ набѣговъ болгарскихъ четъ, но теперь организація, введенная Ніази, дала имъ возможность не только защищаться отъ самыхъ болгарскихъ четъ, но и бороться съ правительствомъ. Эта общая подготовка для защиты принесла странѣ миръ, котораго она не знала уже много лѣтъ; сами мусульмане, повинувшись распоряженіямъ Комитета, воздерживались отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій; всѣ мусульманскія четы, бродившія по горамъ, были распущены, а участвовавшіе въ нихъ люди вернулись въ свои деревни. Ніази выяснилъ всѣмъ приверженцамъ Комитета, что для успѣха дѣла прежде всего необходимо, чтобы мусульмане тщательно избѣгали какихъ бы то ни было столкновеній какъ съ христіанскими четами, такъ и съ правительственными войсками, и что они должны дѣйствовать исключительно обороняясь, пока Комитетъ не дастъ сигнала начинать всеобщее возстаніе.

Куда Ніази ни приходилъ, ему вездѣ удавалось привлечь мусульманъ помѣщиковъ и крестьянъ и многихъ правительственныхъ чиновниковъ на сторону революціи; въ то же время, рассылая воззванія и письма, онъ старался приобрѣсть довѣріе и поддержку болгарскихъ элементовъ населенія. Въ Македоніи, несмотря на никогда не прекращавшуюся войну, турки и храбрые, мужественные болгары были ближе другъ къ другу, чѣмъ къ какой-нибудь другой народности Балканскаго полуострова. Турки неоднократно защищали болгаръ-экзархистовъ отъ фанатическихъ преслѣдованій со стороны грековъ; поэтому немудрено, что Ніази сталъ искать союза съ болгарами

прежде чѣмъ съ другими христіанскими народами Европейской Турціи.

Въ той мѣстности, гдѣ происходила дѣятельность Ніази, было много болгарскихъ деревень; сначала ихъ жители съ нѣкоторымъ безпокойствомъ смотрѣли на перемѣну, происшедшую съ мусульманскимъ населеніемъ, которое много уже лѣтъ казалось подавленнымъ и лишеннымъ всякой надежды на лучшее будущее; мусульмане же, не имѣя сепаратистскихъ стремленій, теперь вдругъ оживились и заволновались, какъ будто ожидая впереди какой-то важной и счастливой перемѣны. Встревоженные вначалѣ болгары въ концѣ концовъ убѣдились, что каково бы ни было чувство, волнующее мусульманъ, оно не имѣетъ ничего общаго съ враждой къ христіанамъ и направлено, во всякомъ случаѣ, не противъ нихъ.

6 іюля Ніази выпустилъ свое замѣчательное воззваніе къ болгарамъ. Онъ объявилъ имъ, что пришла пора начать борьбу съ тѣмъ зломъ, которое цѣлый рядъ лѣтъ губило отечество, — деспотизмомъ, который становится все болѣе и болѣе невыносимымъ. Всю вину Ніази возлагалъ на правительство, но указалъ также, что оттоманскіе христіане, добиваясь лучшаго порядка вещей, пошли ложнымъ путемъ. Они послѣдовали коварнымъ совѣтамъ сосѣднихъ маленькихъ государствъ, Болгаріи, Сербіи и Греціи, обѣщавшихъ освободить Македонію, но въ дѣйствительности преслѣдовавшихъ свои собственныя цѣли, притомъ единственнымъ ихъ намѣреніемъ было захватить эту страну и поработить населеніе, — «эти маленькія государства сѣяли среди насъ ненависть и раздоры и залили кровью наше отечество». Онъ увѣряетъ ихъ, что «если государства эти будутъ дѣйствовать такимъ же образомъ еще хоть триста лѣтъ, то и тогда не добьются своей цѣли. Отечество принадлежитъ и всегда будетъ принадлежать намъ». Далѣе онъ объяснялъ, что Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса, состоящій изъ офицеровъ арміи, гражданскихъ чиновниковъ, горожанъ и крестьянъ, вообще изъ всѣхъ честныхъ людей, учрежденъ съ цѣлью добиться такой системы управленія, которая дала бы свободу и справедливость всѣмъ оттоманамъ безъ различія вѣры и племени, дабы они могли жить мирно и счастливо въ своемъ общемъ отечествѣ. Затѣмъ онъ рассказывалъ о своемъ отрядѣ вооруженныхъ фидаовъ,

взявшихъ на себя зада^{чу} и добиваться объединенія всѣхъ элементовъ населенія, чтобы положить конецъ внутреннимъ раздорамъ и гражданской войнѣ, ведущей къ гибели государство. Онъ предлагалъ вождямъ распустить свои вредныя четы, присоединиться къ нему и вмѣстѣ бороться за оттоманскую свободу и правосудіе, а не за Болгарію и другія мелкія державы. Всѣмъ, не примкнувшимъ четамъ грозить суровое наказаніе, а если какая-нибудь деревня окажетъ послѣ этого предостереженія въ чемъ-либо помощь четникамъ, то зачинщики будутъ казнены. Всѣ они—оттоманы, и всѣ должны общими усиліями добиться конституціи, которая дастъ равенство, свободу и безопасность людямъ всѣхъ религій, всѣхъ племенъ и всѣхъ языковъ.

Это воззваніе произвело удивительное дѣйствіе. Болгары знали, что Ніази-бей не говоритъ словъ на вѣтеръ и не произноситъ пустыхъ угрозъ. Они видѣли, что если дѣло дойдетъ до междоусобной войны, то Комитетъ Единенія и Прогресса будетъ имѣть на своей сторонѣ все мусульманское населеніе Македоніи и Албаніи. Кромѣ того, они достаточно хорошо знали Ніази, чтобы не почувствовать всей искренности его заявленій и обѣщаній, а многіе изъ нихъ имѣли случай и сами видѣть справедливыи и честный образъ дѣйствій его отряда фидаевъ. Турецкій офицеръ, который пять лѣтъ тому назадъ неутомимо преслѣдовалъ болгарскія четы, теперь обращается къ нимъ, какъ своимъ соотечественникамъ и братьямъ! До сихъ поръ,—разсуждали они,—имъ приходилось платить тяжелыя подати правительству, которое не давало никакого отчета въ томъ, какъ тратились эти деньги, и обращалось съ ними, какъ съ собаками, но теперь крѣпнеть новая власть, подававшая надежды на справедливость и на обращеніе съ ними, какъ съ человѣческими существами.

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ выпуска воззванія къ Ніази пришли вѣсти, что болгары Реснійскаго, Охридскаго, Персепскаго и другихъ округовъ устроили рядъ собраний, на которыхъ рѣшили, что „считаютъ честью послужить своей жизнью и имуществомъ отряду, у котораго такія возвышенныя цѣли“. Даже самъ Черчисъ съ товарищами захотѣлъ вступить въ союзъ съ Комитетомъ Единенія и Прогресса.

9 іюля Ніази, полагая, что время настало, въ первый разъ направился въ деревню съ чисто-болгарскимъ населеніемъ. Это была большая деревня Велиджанъ, состоявшая изъ полутора ста домовъ; она расположена на склонѣ холма и имѣетъ позади себя большой лѣсъ, круто поднимающійся по дикимъ и высокимъ кряжамъ Балканскихъ горъ; благодаря ея стратегическимъ преимуществамъ болгарскія четы избрали ее одной изъ своихъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ базъ. Когда авангардъ Ніази вступилъ въ деревню, жители переполошились, закрыли лавки и заперлись въ своихъ домахъ, но когда Ніази, придя съ остальной частью своего отряда, вызвалъ къ себѣ выборный совѣтъ и разъяснилъ, въ чемъ дѣло то страхъ поселянъ исчезъ; между населеніемъ и вѣжливыми, любезными мусульманами, составлявшими этотъ замѣчательный отрядъ, вскорѣ установились превосходныя отношенія. Священникъ, выборный совѣтъ и всѣ остальные жители деревни, положивъ руку на святое Евангеліе, принесли присягу на вѣрность Комитету, обѣщая исполнять всѣ его распоряженія и оказать, когда будетъ нужно, вооруженную помощь. Когда отрядъ прохладнымъ вечеромъ выступилъ изъ деревни, дружески настроенные христіане далеко провожали фидаевъ, чтобы указать имъ правильный путь, и затѣмъ поручили ихъ попеченію Бога. Вскорѣ послѣ этого Ніази имѣлъ возможность даровать прощеніе и принять въ свой отрядъ тѣ четы, которыя бродили по горамъ вокругъ Дибры; это мѣсто стало важнымъ центромъ революціоннаго движенія.

Приблизительно въ то же время Ніази получилъ письмо отъ Монастырскаго отдѣленія Комитета, сильно его ободрившее. Отдѣленіе благодарило его и „самоотверженныхъ героевъ-партизановъ изъ Ресны“ за ихъ блестящую дѣятельность и увѣдомляло Ніази, что его другъ Энверъ-бей, способный штабный офицеръ, отличившійся своими подвигами въ Македоніи, покинулъ службу правительству и во главѣ отряда фидаевъ энергично подготовляетъ населеніе Тикошскаго округа, причемъ нѣсколько другихъ офицеровъ тоже набрали отряды и ушли въ горы. Будущее движенія представлялось чрезвычайно свѣтлымъ.

Изъ этого же письма Ніази узналъ, что генераль Іемши-паша убитъ, на глазахъ толпы, 7-го іюля въ Мо-

настырѣ. Генераль, отправивъ во Дворецъ свои донесенія, вышелъ изъ телеграфной конторы и поѣхалъ къ двумъ батальонамъ, которые онъ хотѣлъ послать въ погоню за Ніази, но былъ дорогою убитъ офицеромъ въ форменномъ мундирѣ. Изъ тысячной толпы, среди которой ѣхалъ генераль, ни одинъ не попытался и не выказалъ никакого желанія задержать исполнителя воли Комитета, и убійца спокойно удалился. Злополучный Шемши былъ энергичнымъ полководцемъ. Если бы онъ остался въ живыхъ, то, несомнѣнно, произошло бы нѣсколько кровопролитныхъ сраженій между тѣми войсками, которыя остались бы ему вѣрны, и отрядами Комитета. Шемши, вѣроятно, привелъ бы свое войско къ полному пораженію, потому что его отвага и самоувѣренность доходили до безразсудства, и онъ презиралъ непріятеля. На тѣхъ дорогахъ, по которымъ должно было итти его войско, были устроены засады; Ніази, находясь въ недоступной горной странѣ и имѣя на своей сторонѣ населеніе, опытное въ партизанской войнѣ, былъ въ состояніи продержаться неопредѣленно долгое время, сколько бы войскъ ни посылало противъ него правительство. Со дня смерти Шемши безсиліе правительственныхъ властей и дезорганизація арміи сдѣлали для Дворца труднымъ дѣломъ вовлеченіе страны въ ужасы междоусобной войны.

XII.

Успѣхъ отрядовъ.—Албанцы поддерживаютъ Комитетъ.—Дружеская позиція болгаръ.—Послѣднія усилія деспотизма.—Анатолійскія войска посылаются для подавленія возстанія.—Монастырскій вали предостерегаетъ правительство.—Правительство интригуетъ среди грековъ.—Воззваніе Комитета къ грекамъ.

Подготовка всеобщаго возстанія подвигалась впередъ необыкновенно дѣятельно. Энверъ-бей, отклонивъ дальнѣйшія коварныя предложенія, заключавшія въ себѣ обѣщаніе возвести его въ генеральскій чинъ, если онъ вернется въ Константинополь, отправился въ сопровожденіи отряда фидаевъ по горамъ и привлекалъ деревню за деревней на сторону революціи. По всей странѣ изъ устъ въ уста переходятъ разказы о томъ, какъ этотъ молодой офицеръ бѣжалъ переодѣтый изъ Салоникъ, какія

приключенія пережилъ онъ въ дикой горной мѣстности, и о томъ, что сдѣлалъ онъ для блага Турціи. Онъ сталъ народнымъ героемъ и поднялся весьма высоко въ глазахъ своихъ товарищей; полное отсутствіе зависти и соперничества въ рядахъ молодыхъ офицеровъ, посвятившихъ себя освобожденію отечества, является одной изъ привлекательнѣйшихъ чертъ этого патріотическаго движенія. Ніази пишетъ объ Энверѣ слѣдующее: „Энверъ-бей, ободрившій и укрѣпившій насъ во время скорби и отчаянія своими пылкими рѣчами и неустанной дѣятельностью,—человѣкъ, подобнаго которому рѣдко можно встрѣтить“. Саля-Эддинъ-бей, Гассанъ-бей и другіе офицеры, во главѣ своихъ отрядовъ, тоже вели пропаганду въ разныхъ частяхъ Македоніи и Албаніи, тысячами пріобрѣтая сторонниковъ среди землевладѣльцевъ и крестьянъ, другіе занимались въ то же время пропагандой среди рядовыхъ, въ результатѣ которой значительная часть войскъ, расквартированныхъ въ этой части Турціи, была готова итти въ бой даже противъ своихъ товарищей, если только того отъ нихъ потребуютъ.

Ніази склонилъ на свою сторону большинство мусульманъ западной Албаніи: подвигъ поистинѣ удивительный. Всякому, кто знаетъ этихъ фанатическихъ албанцевъ-родовичей, трудно даже представить, чтобы они могли сочувственно и терпѣливо слушать проповѣдь всеобщаго братскаго единенія и предоставленія мусульманамъ и христіанамъ одинаковыхъ правъ. Но Ніази, съ его сильнымъ, убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, съ его ясною для каждаго искренностью и прямодушіемъ, со всей его обаятельной личностью и повелительной внѣшностью,—онъ, подобно многимъ албанцамъ, человѣкъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія,—представляетъ собою прирожденнаго вождя людей. И ему удалось не только заручиться сочувствіемъ албанцевъ, но и удержать этихъ горячихъ бойцовъ отъ открытаго выступленія до тѣхъ поръ, пока ихъ вооруженная помощь не потребуется для дѣла: ему удалось также уговорить ихъ оставить свои кровавые родовые и семейные раздоры, которые продолжались иногда цѣлыми столѣтіями. Къ тому же значительная часть молодыхъ офицеровъ третьяго армейскаго корпуса была албанскаго происхожденія, нѣкоторые изъ нихъ оказывали вліяніе на своихъ единоплеменниковъ, располагая ихъ въ пользу Комитета.

Въ теченіе памятнаго двадцатидневнаго похода Ніази по горамъ, какъ ему самому, такъ и его отряду, избѣгавшему большихъ дорогъ и гуськомъ, поодиначкѣ, пробиравшемуся по крутымъ горнымъ тропамъ, пришлось испытать немало опасностей и вынести много суровыхъ лишеній. Иногда посланные за ними въ погоню правительственныя войска едва-едва не настигали ихъ; иногда— но не часто — фидан попадали въ деревню съ враждебнымъ населеніемъ. Такъ, однажды, когда они, утомленные, мучимые голодомъ и жаждой, приближались къ деревнѣ, рассчитывая заpastись тамъ хлѣбомъ, сыромъ и водой, — чѣмъ исчерпывалось, повидимому, обычное ихъ меню, — поселяне, настроенные противъ Комитета эмиссарами Дворца, вышли навстрѣчу вооруженные съ ногъ до головы, грозя открыть по отряду огонь. Позиція Ніази была крайне невыгодна, такъ какъ кромѣ враждебной деревни спереди онъ имѣлъ въ тылу, и притомъ на небольшомъ разстояніи, порядочный отрядъ войска, подѣ начальствомъ офицера-босняка, посланный отрѣзать ему путь; поэтому партизаны Ніази, голодные и еле держась на ногахъ отъ усталости, должны были для безопасности подняться на самый верхній скатъ горы. Ніази — человекъ крайне настойчивый. Онъ рѣшилъ или обратить эту деревню на сторону революціи, или строго проучить ее. Нѣсколько дней спустя онъ своими увѣщаніями добился того, что поселяне выразили раскаяніе по поводу своего образа дѣйствій и принесли присягу на вѣрность Комитету, причемъ снабдили отрядъ двухдневнымъ запасомъ хлѣба и сыра, отказываясь принять за него плату. Кромѣ того, офицеръ-боснякъ, узнавъ объ убійствѣ Шемши-папи въ Монастырѣ, прекратилъ свою погоню за Ніази и отправился вмѣстѣ со своимъ отрядомъ въ Охриду, чтобы прикнуть тамъ къ Комитету.

12 іюля Ніази, вызванный въ Охриду на совѣщаніе Комитета, смѣло вступилъ въ этотъ городъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ; власть правительства за это время до такой степени ослабѣла, что въ городѣ не было сдѣлано ни одной попытки къ задержанію возставшихъ повстанцевъ. Члены Комитета сообщили ему здѣсь свѣдѣнія о другихъ отрядахъ и посовѣтовали имѣть съ ними постоянное общеніе, такъ какъ близится время, когда можно будетъ начать общее движеніе. Ніази узналъ также, что

правительство послало въ Монастырь генерала Осман-пашу, въ качествѣ генераль-губернатора вилайета, на мѣсто убитаго Шемши-паши, и что Болгарскій Исполнительный Комитетъ разослалъ по всѣмъ болгарскимъ деревнямъ предложеніе принимать революціонныя мусульманскіе отряды гостепріимно и съ уваженіемъ, но безъ новаго распоряженія не оказывать имъ вооруженной поддержки. Сообщено было и объ убійствѣ, по приказанію Комитета, имама Мустафы-эффенди и другихъ опасныхъ агентовъ Дворца.

Покончивъ всѣ дѣла, отрядъ Ніази выступилъ изъ города и отправился по песчаному берегу большого Охридскаго озера, встрѣчая радушный пріемъ по деревнямъ рыболововъ—болгарь. Конечнымъ пунктомъ похода была Истарова, но отрядъ заходилъ по дорогѣ въ деревни, приводя къ присягѣ народъ, провозглашая низверженіе правительства, вводя выборное самоуправленіе и изгоняя тѣхъ сборщиковъ податей и прочихъ слугъ правительства, которые притѣсняли народъ или были черезчуръ послушны велѣніямъ Дворца. Когда ему однажды угрожалъ гнавшійся за нимъ отрядъ изъ четырехсотъ человекъ, то Ніази раздѣлилъ свой отрядъ на мелкія части и занялъ господствующія позиціи по вершинамъ скалистыхъ холмовъ, расположенныхъ по сторонамъ большой дороги. Но оказалось, что преслѣдовавшій отрядъ находился подъ командой капитана Зіа-бея, молодого офицера, сочувствовавшаго революціонерамъ. Зіа-бей и нѣсколько другихъ офицеровъ поднялись въ лагерь Ніази, выразили желаніе присоединиться къ нему, какъ только окажется въ нихъ нужда, и позаботились подалше увести свой отрядъ. Въ то же время преслѣдованіемъ занимался еще одинъ отрядъ, но его намѣренно направили въ противоположную сторону.

Ніази хотѣлъ на нѣкоторое время сдѣлать своей главной квартирой Истарову, центръ одного важнаго округа. Его отрядъ съ триумфомъ пересѣкъ этотъ округъ. Всѣ жители наперерывъ рвались присягнуть Комитету. Въ одной деревнѣ Ніази распорядился казнить сборщика податей, отличившагося своими особенно несправедливыми дѣйствіями (ему, впрочемъ, удалось бѣжать), стада его были подѣлены между членами отряда, устроившими себѣ необычно роскошный обѣдъ. Передъ тѣмъ какъ вступить

въ Истарову, Ніази написалъ письмо каймакаму, т. е. правителю казы, или округа, честному молодому человѣку, который пользовался своей властью со справедливостью, и о которомъ крестьяне округа рассказы вали Ніази много хорошаго. Въ этомъ характерномъ письмѣ Ніази, объяснивъ, что всѣ жители округа, какъ мусульмане, такъ и христіане, поклялись стоять за Комитетъ, говоритъ, что хотя онъ питаетъ большое уваженіе къ нему, каймакаму, какъ къ человѣку, справедливо относившемуся къ людямъ, однако, сожалѣетъ о томъ нерадѣніи, какое замѣчаетъ со стороны каймакама въ одной важной части: въ этомъ большомъ округѣ не было ни одной школы. „Въ бѣдствіяхъ родины“, продолжалъ Ніази, „виновато, главнымъ образомъ, невѣжество народа“, и настоятельно совѣтовалъ приложить всѣ усилія къ распространенію образованія.

16-го іюля отрядъ вступилъ въ Истарову, гдѣ партизаны получили желанный и необходимый отдыхъ: послѣ угощенія сигарами и кофе, предложеннаго имъ жителями города, они могли уснуть въ необычной безопасности, окруженные друзьями. Въ этомъ округѣ съ сотней деревень и тридцатитысячнымъ населеніемъ всѣ были на сторонѣ Комитета Единенія и Прогресса, а тѣ войска, которыя могли чѣмъ-нибудь повредить, были удалены на достаточное разстояніе по уговору съ сочувствовавшими движенію офицерами. Что касается Ніази, то онъ хлопоталъ о приведеніи жителей Истарова къ присягѣ и объ избраніи должностныхъ лицъ, а потому проповѣдывалъ въ мечети евангеліе конституціи и рекомендовалъ ново-избраннымъ властямъ строить школы, распространять въ народѣ образованіе и исправлять мечети; для этой цѣли онъ подписалъ, отъ имени своего отряда, сумму въ два фунта стерлинговъ. Самъ каймаканъ разыскалъ ночью Ніази, восхищался въ разговорѣ съ нимъ его храбростью и справедливостью, высказалъ увѣренность въ честности намѣреній Комитета и заявилъ, что готовъ повиноваться приказаніямъ Ніази. Такъ вліялъ Ніази на каждого человѣка, съ которымъ ему приходилось входить въ соприкосновеніе.

Весь слѣдующій день Ніази оставался въ Истаровѣ, имѣвшей чрезвычайно оживленный видъ, благодаря тому, что въ нее направлялись изъ окрестностей тысячи крестьянъ, горѣвшихъ желаніемъ принести присягу Коми-

тету; они шли туда вмѣстѣ со множествомъ солдатъ, которые дезертировали, захвативъ оружіе, изъ сосѣднихъ гарнизоновъ съ цѣлью присоединиться къ Ніази. Вождь этотъ имѣлъ теперь полное основаніе вѣрить въ успѣхъ движенія. Ресна, Охрида, Персепа, Дибра, Мализа, а теперь еще Истарова вошли въ революціонный союзъ благодаря дѣятельности его отряда. Теперь онъ зналъ, что въ нужный моментъ одного его слова будетъ достаточно, чтобы поднять для исполненія воли Комитета огромную вооруженную силу.

Теперь мы на время оставимъ горы и отряды храбрыхъ фидаевъ и вернемся въ душную атмосферу Ильдизъ-Кюска, чтобы прослѣдить послѣднія напрасныя усилія деспотизма погасить разгоравшійся революціонный пожаръ. Совѣтники султана хорошо понимали все грозное значеніе тревожныхъ донесеній, поступавшихъ изъ Македоніи, хотя газеты, инспирированныя изъ официальныхъ круговъ, продолжали небрежно говорить о „маловажныхъ проявленіяхъ недовольства въ нѣкоторыхъ гарнизонахъ“. Въ европейскихъ вилайетахъ нашлись высшіе правительственные чиновники, у которыхъ хватило смѣлости донести во Дворецъ о дѣйствительномъ положеніи вещей. Изъ нихъ особаго вниманія заслуживаетъ Монастырскій вали, который въ письмѣ великому визирю (датированномъ, кажется, 17 іюля), выяснялъ, насколько посмѣлъ, прямо, что революціонное движеніе слишкомъ сильно, что деспотизму съ нимъ не справиться, что всѣ дальнѣйшія репрессивныя мѣры обречены на неудачу и могутъ повести только къ напрасному пролітію крови, и что лучше всего было бы подчиниться народной волѣ и даровать конституцію. Послѣдняя мысль, конечно, была высказана въ формѣ отдаленнаго намека, такъ какъ въ то время никто не имѣлъ еще мужества напомнить слово „конституція“ султану. Вотъ переводъ этого письма, въ которомъ мы опускаемъ лишь нѣкоторыя повторенія и несущественныя детали.

„Императорскимъ ирадѣ былъ отданъ приказъ объ арестѣ Ніази-бея и его сообщниковъ. Существованіе могущественнаго Комитета Единенія и Прогресса доказывается тѣми суровыми мѣрами, какія онъ принимаетъ. Онъ не одинокъ, потому что, какъ сообщалось уже въ официальныхъ донесеніяхъ, офицеры арміи единодушны

въ рѣшеніи поддерживать требованія Комитета; вѣроятно, заодно съ Комитетомъ и населеніе. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о преслѣдованіи Ніази, я прошу замѣтить, что теперь никто не смѣетъ брать на себя обязанность производить розыски. Члены коммисіи, образованной подъ предѣдательствомъ Шукри-паши для производства слѣдствія, вынуждены были прекратить свою дѣятельность въ виду тѣхъ угрозъ, которыя они получили. Улемы, посланные правительствомъ ходить по деревнямъ и увѣщавать жителей, предупреждены Комитетомъ Единенія и Прогресса, что они будутъ убиты, если станутъ продолжать дѣлать это; всѣ они возвратились. Жизнь всѣхъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и моя собственная, въ опасности. Комитетъ показалъ, что располагаетъ силою для приведенія въ исполненіе своихъ угрозъ. Здѣсь, въ Монастырѣ, когда генераль Османъ Нидайетъ-паша собралъ своихъ офицеровъ, чтобы прочесть телеграмму, сообщавшую ирадѣ Его Величества Калифа, этотъ генераль былъ убитъ однимъ изъ своихъ офицеровъ, трижды выстрѣлившимъ въ него въ присутствіи остальныхъ; и этотъ офицеръ, тѣмъ не менѣе, не былъ задержанъ: оказалось даже невозможнымъ установить его имя. Чиновники полиціи и магистратуры готовы подать въ отставку, чтобы спасти свою жизнь, если имъ будетъ предложено Комитетомъ уйти отъ исполненія своихъ обязанностей. Что касается меня, вашего слуги, предки котораго сохраняли вѣрность четыре вѣка, и который самъ служилъ правительству въ разныхъ должностяхъ въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, то я считаю, что покинуть мой постъ въ этотъ трудный часъ было бы актомъ неблагодарности; поэтому, несмотря на опасность, которой подвергаюсь какъ я самъ, такъ и моя семья, я готовъ исполнить свой долгъ, то-есть указать мѣры для предупрежденія активнаго союза населенія съ офицерами арміи, хотя уже несомнѣнно, что взгляды послѣднихъ населеніемъ раздѣляются.

„Въ то же время я считаю, что подробнымъ сообщеніемъ вамъ о дѣйствительномъ положеніи вещей я исполняю свой долгъ и даю доказательство своей лояльности. Я долженъ доложить вамъ, что настроенія офицеровъ, о которыхъ я говорю, пріобрѣтаютъ все большую и большую власть и надъ рядовыми солдатами. Шесть батальо-

новъ, посланныхъ въ Ресну, пребываютъ тамъ въ полномъ бездѣйствіи, и ихъ командиры сознаются въ своемъ безсиліи. Въ случаѣ попытки захватить Ніази солдаты откажутся стрѣлять по немъ и по его отряду. Въ доказательство сказаннаго я могу напомнить о томъ, что когда здѣсь былъ убитъ генераль Шемши-паша, то его тѣлохранители-албанцы, жандармы и другіе солдаты, посланные въ погоню за преступникомъ, разрядили винтовки въ воздухъ и дали убійцѣ возможность бѣжать. По тѣмъ частнымъ свѣдѣніямъ, какія я собралъ, здѣсь всѣ увѣрены, что войска изъ Анатолиі по прибытіи сюда откажутся стрѣлять въ своихъ товарищей. Все сказанное мною о положеніи вещей здѣсь, приложимо также, какъ мнѣ сообщаютъ, къ Салоникскому и Косовскому вилайетамъ.

„Надѣюсь, что правительство надлежащимъ образомъ оцѣнить все сказанное и приметъ во вниманіе тотъ фактъ, что движеніе съ каждымъ днемъ выигрываетъ въ силѣ и распространяется съ необычайной быстротой. Я, побуждаемый своею преданностью Государю, осмѣливаюсь указать, что время какъ для уговоровъ и увѣщаній, такъ и для мѣръ подавленія посредствомъ силы и строгости прошло, и что для предотвращенія еще худшаго положенія вещей слѣдуетъ примѣнить другія мѣры, болѣе дѣйствительныя и болѣе согласныя съ духомъ времени. Я жду вашихъ распоряженій“.

Правительство рассчитывало усмирить мятежь огромными военными силами Анатолиі; но такъ какъ прямыя методы никогда сами по себѣ не удовлетворяли совѣтниковъ султана, то были пущены въ ходъ и средства подпольныя. Греческій элементъ въ Македоніи прежде всегда охотно подавалъ руку турецкому правительству въ дѣлѣ усмиренія мятежныхъ болгаръ; поэтому Муниръ-паша, нѣсколько лѣтъ бывший турецкимъ посланникомъ въ Парижѣ, отправился теперь въ Аѣины, получивъ порученіе позаботиться объ организаціи греческихъ четъ, которыя напали бы на мусульманскихъ и христіанскихъ сторонниковъ Комитета Единенія и Прогресса. Дворецъ пытался также, предлагая полное прощеніе, награды и чины, переманить къ себѣ офицеровъ арміи, участниковъ революціоннаго движенія, и такимъ образомъ дезорганизовать единомышленниковъ Комитета Единенія и Прогресса и

сдѣлать ихъ легкой добычей для тѣхъ войскъ, которыя должны были быть посланы противъ нихъ. Тридцать восемь офицеровъ, арестованныхъ въ Салоникахъ и содержащихся въ заключеніи въ столицѣ, получили свободу и прощеніе. Тысячи офицеровъ арміи и флота, къ своему удивленію, были повышены неожиданно въ чинахъ; знаки отличія раздавались направо и налево. Дворецъ все еще пребывалъ въ глупой увѣренности, что для каждаго человѣка есть своя цѣна, за какую его можно купить. Все это лицемѣрное благоволеніе не принесло ни крупницы пользы, послуживъ только къ тому, что всему міру стала ясна беспомощность и паника камарильи въ минуту опасности.

Рѣшено было вызвать изъ Анатолиі не менѣе сорока восьми батальоновъ и обрушиться ими на недовольную македонскую армію: сохрани эти азіатскія полчища вѣрность, и неминуемо произошло бы страшное кровопролитіе. Двадцать семь такихъ батальоновъ были переправлены моремъ изъ Смирны въ Салоники, гдѣ они и высадились 16-го іюля. Благодаря дѣятельности д-ра Назимъ-бея и другихъ агентовъ младотурецкой партіи, революціонные взгляды имѣли широкое распространеніе въ рядахъ и этихъ войскъ еще до отправленія ихъ изъ Малой Азіи, а съ момента посадки ихъ въ Смирнѣ эмиссары Комитета энергично работали въ ихъ средѣ, бесѣдуя съ офицерами, съ цѣлью установить, кто изъ нихъ сочувственно относится къ революціи, и убѣждая нижнихъ чиновъ. По прибытію въ Салоники нѣкоторыя части отказались слѣдовать въ Монастырь и были изолированы отъ другихъ. Остальные отправились по назначенію; ихъ сопровождали офицеры, приверженцы тайнаго общества, переодѣтые продавцами шербета, муллами и т. д. Дорогой они вербовали все новыхъ и новыхъ сторонниковъ движенія. Вскорѣ выяснилось, что главная масса офицеровъ и солдатъ этихъ полковъ сочувствуетъ тѣмъ войскамъ, сражающимся съ которыми ихъ послали, и что они ни въ какомъ случаѣ не будутъ стрѣлять по своимъ товарищамъ изъ третьяго армейскаго корпуса. Батальоны, вступившіе въ монастырь, скоро согласились принести присягу на вѣрность Комитету Единенія и Прогресса.

Въ нѣсколькихъ словахъ положеніе вещей въ теченіе

этой третьей недѣли іюля мѣсяца можно охарактеризовать такъ: правительство номинально все еще господствуетъ и распоряжается тремя вилайетами: Монастырскимъ, Салоникскимъ и Косовскимъ, но фактически оно уже не имѣетъ власти и совершенно безсильно. Въ главномъ военномъ центрѣ, Монастырѣ, войсками командовалъ генераль Османъ-паша, но онъ, зная настроеніе солдатъ, колебался примѣнить рѣшительныя мѣры къ подавленію возстанія. Второй и третій армейскіе корпуса, какъ и полки, привезенные изъ Анатолиі, состояли или изъ единомышленниковъ Комитета или, по крайней мѣрѣ, изъ людей, вѣрность которыхъ правительству сомнительна. По всей вѣроятности, лишь ничтожная часть войскъ согласилась бы выступить на защиту правительства съ оружіемъ въ рукахъ. Мусульманскіе и болгарскіе крестьяне, которымъ Комитетъ Единенія и Прогресса раздалъ много оружія, ждали только приказанія, чтобы принять участіе въ общемъ возстаніи. Десять тысячъ албанцевъ были готовы сражаться, страстно желая ударить на слугъ деспота. Единственнымъ сомнительнымъ элементомъ населенія являлись греки. Повидимому, Дворецъ не ограничился тѣмъ, что послалъ въ Аѣины Муниръ-пашу съ порученіемъ добиться помощи интригановъ-подданныхъ короля Георга, занимавшихся снаряженіемъ разбойничьихъ шаекъ,—этого проклятія Македоніи,—а еще и отдалъ генералу Осману-пашѣ въ Монастырѣ распоряженіе убійдить греческія четы его округа, путемъ, я уже не знаю какихъ, подачекъ и обѣщаній, пуститься въ погоню за Ніази и схватить его и другихъ вождей мятежа. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что греческія четы, усиленные наемниками-мусульманами, обнаружили въ этотъ періодъ большую дѣятельность, и что греческое духовенство предприняло болѣе энергичное чѣмъ прежде гоненіе на болгаръ-экзархистовъ. Комитетъ Единенія и Прогресса принялъ рѣшительныя мѣры, чтобы обезвредить этотъ единственный непокойный элементъ въ странѣ, въ другихъ отношеніяхъ мирной и единопдушной. Съ этою цѣлью Комитетъ захватилъ греческаго епископа Водены, какъ заложника, и объявилъ, что епископъ черезъ три дня умретъ, если за это время не будутъ распущены всѣ четы въ окрестностяхъ.

22 іюля, въ тотъ день, когда, какъ я покажу повднѣе,

младотурецкіе вожди открыто выступили съ требованіями отреченія султана или конституціи, Монастырское отдѣленіе Комитета Единенія и Прогресса выпустило воззваніе, экземпляры котораго были посланы Греческому Комитету въ Афинахъ, главѣ духовной греческой общины въ Монастырь и начальникамъ разныхъ греческихъ четъ въ окрестностяхъ.

Въ этомъ воззваніи устанавливалось сначала, что „Ильдизъ, вопреки волѣ народа, пытался произвести диверсію противъ младотурецкаго движенія, домогаясь союза съ элменами и патриархатомъ, и съ этой цѣлью послалъ Муниръ-пашу возстановить общественное мнѣніе Греціи противъ Комитета, причемъ предпріятіе это имѣло нѣкоторый успѣхъ“; затѣмъ воззваніе гласило слѣдующее: „вамъ извѣстно, что нашъ Комитетъ Единенія и Прогресса, долго и тайно работавшій на благо всѣхъ народовъ и религій въ Турціи, выступилъ теперь открыто и во всеуслышаніе заявилъ о своей цѣли—добиться свободы для народа. Тираническое правительство сѣяло сѣмена вражды и вызывало кровавыя столкновенія между людьми различныхъ племенъ и религій въ странѣ. Такъ какъ всѣ мы—братья и всѣ стремимся къ счастью родины, то мы просимъ васъ, нашихъ грековъ-соотечественниковъ, не пользоваться далѣе различіемъ въ происхожденіи и религіи, какъ мотивомъ для кровопролитія. Если вы дѣйствительно хотите добиться равенства, благосостоянія и свободы, то будьте заодно съ нами и не ищите помощи извнѣ; будьте похожи на нашихъ братьевъ-болгаръ, которые доказали свое сочувствіе нашимъ высокимъ цѣлямъ своей искренностью и своими дѣлами. Если же вы не желаете присоединиться къ намъ, то мы просимъ васъ, по крайней мѣрѣ, оставаться нейтральными, и просимъ васъ, во имя гуманности, прекратить кровопролитіе. Мы предупреждаемъ васъ объ опасностяхъ эллинской агитаціи. Если вы, греки, не положите ей конецъ въ Монастырскомъ вилайетѣ, то ваши собратья-греки въ Анатолиі, гораздо болѣе многочисленные, чѣмъ вы, будутъ страдать такъ же, какъ вы сами. Тайныя сношенія между Ильдизомъ и патриархатомъ поведутъ не къ вашему счастью, а къ вашему ущербу и даже гибели. Мы совѣтуемъ нашимъ братьямъ-грекамъ не поддаваться тѣмъ бѣзстыднымъ уловкамъ, какія часто практиковалъ

Ильдизъ. Мы просимъ, чтобы греческія четы не проливали болѣе крови въ своемъ ошибочномъ племенномъ и религіозномъ рвеніи. Пусть эллины, участники четъ, вернутся домой въ Грецію. Распустите эти четы! Мы не можемъ помириться также и съ тѣмъ, что въ этихъ четахъ служатъ на жалованьи и совершаютъ всевозможныя жестокости низкіе мусульмане. Мы сумѣемъ найти и казнить этихъ мусульманъ, если они не покинутъ немедленно греческія четы. Мы предлагаемъ вамъ прогнать этихъ мусульманъ, иначе на васъ падеть отвѣтственность за могущее произойти кровопролитіе, и васъ осудитъ весь цивилизованный міръ. Мы горячо призываемъ нашихъ соотечественниковъ-грековъ присоединиться къ намъ и помочь намъ въ достиженіи главной нашей цѣли—возстановленіи конституціи и установленіи полного равенства для всѣхъ народовъ Турціи. Мы не допускаемъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Богъ, создавшій всѣхъ насъ, только тѣмъ даруетъ успѣхъ, кто борется за гуманность и цивилизацію“.

XIII.

Ніази вызываютъ въ Охриду.—Важная миссія.—Комитетъ рѣшаетъ начать открытую борьбу.—Сборъ фидаевъ.—Походъ двухъ тысячъ въ Охриду.—Счастливое предзнаменованіе.—Монастырь неожиданно захваченъ ночью.—Безкровная побѣда.—Генераль Османъ-паша—плѣнникъ Комитета.

Близился часъ, когда Ніази призвали совершить то, что обезпечило успѣхъ возстанія и положило конецъ деспотизму, разсыпавшемуся, какъ карточный домикъ. Покинувъ Истарову 17 іюля, Ніази и его фидаи направились въ Ресну. Послѣ утомительнаго перехода черезъ горы (въ продолженіе котораго въ нѣкоторыхъ дружественныхъ мусульманскихъ и христіанскихъ деревняхъ была введена временная администрація, и пришлось сдѣлать нѣсколько обходовъ, чтобы избѣжать столкновенія съ батальономъ стрѣлковъ, офицера и солдаты котораго, чужіе въ этой странѣ и не члены Комитета, могли быть опасными), отрядъ вступилъ въ Лабчу, ту первую деревню, какъ помнитъ читатель, которую Ніази посвятилъ и

организовалъ въ день своего отправленія изъ Ресны. Здѣсь, какъ и въ Истаровѣ, фидан находился среди преданныхъ друзей и могли спать спокойно. Имъ не надо было ни высылать патрулей, ни разставлять часовыхъ, такъ какъ эти обязанности взяли на себя поселяне, гордые тѣмъ, что они оберегаютъ отдыхъ спасителей націи. Деревню защищала также отрядъ войскъ, который, подобно другимъ маленькимъ гарнизонамъ во всѣхъ трехъ вилайетахъ, взбунтовался и принесъ присягу, ставъ членами Комитета.

На слѣдующій день, т. е. 19 іюля, въ Лабчу собралось огромное количество людей; дикіе горцы, пастухи, дезертиры изъ арміи и другіе пришли взглянуть на Ніази и его отрядъ и заявить о своей готовности обнажить оружіе за дѣло Комитета. Ніази обратился къ народу съ рѣчью, въ которой указалъ, какимъ успѣхомъ увѣнчалась дѣятельность его собственнаго и другихъ отрядовъ, и увѣрялъ, что близокъ день, когда падетъ деспотизмъ, и восторжествуетъ свобода. Этотъ радостный день оказался еще ближе, чѣмъ предполагалъ Ніази. Вечеромъ въ деревню явился, съ письмомъ для Ніази, посланецъ Охридскаго отдѣленія Комитета Единенія и Прогресса. Въ этомъ письмѣ отдѣленіе извѣщаго его, что изъ Монастыря получены вѣсти чрезвычайной важности, и предписывало ему немедленно направиться въ Охридъ. Онъ долженъ оставить свой отрядъ за городомъ и войти туда одинъ для совѣщанія съ Комитетомъ, гдѣ и получить дальнѣйшія инструкціи.

Какъ только Ніази получилъ это письмо, онъ тотчасъ собралъ своихъ партизановъ и совершилъ форсированнымъ маршемъ ночной переходъ: всѣ горѣли желаніемъ поскорѣе узнать, какого рода дѣло хотятъ на нихъ возложить. Предмѣстья Охриды были достигнуты еще до разсвѣта 20 іюля, и Ніази, оставивъ отрядъ, отправился въ городъ, въ домъ своего брата, гдѣ его уже ожидали члены Комитета. Здѣсь ему объяснили, что онъ и Эйюбъ-бей должны собрать въ Реснійскомъ и Охридскомъ округахъ двѣ тысячи человекъ, сформировать изъ нихъ два отряда и безъ всякаго промедленія двинуться въ Монастырь. Детальныя инструкціи о томъ, что ему предстоитъ дѣлать тамъ, будутъ доставлены ему прежде, чѣмъ онъ достигнетъ этого города.

Какъ Ніази узналъ нѣсколько позднѣе, Комитетъ Единенія и Прогресса рѣшилъ, что настала, наконецъ, пора совершить великій переворотъ. Для этого было рѣшено одновременное провозглашеніе конституціи въ Монастырѣ и посылка ультиматума султану, которому предоставлялось выбрать между конституціоннымъ образомъ правленія, отреченіемъ отъ престола и кровавой междуусобной войной. Прежде всего Комитету необходимо было обезпечить обладаніе Монастыремъ, центромъ правительственныхъ военныхъ силъ въ Македоніи; во главѣ монастырскихъ властей все еще находился генераль Османъ-паша, способный офицеръ, имѣвшій большее нравственное вліяніе на свои войска, чѣмъ его предшественникъ Шемши-паша. Большинство войскъ въ Македоніи было на сторонѣ Комитета, но имѣлись также и такія, которыя готовы были повиноваться приказаніямъ генерала. Было ясно, что если удалить Османа-пашу, то всѣ приверженцы правительства будутъ деморализованы, и власть перейдетъ къ Комитету безъ кровопролитія. Братоубійственная рѣзня между турецкими солдатами-мусульманами являлась бѣдствіемъ, которое надо было во что бы то ни стало предотвратить; поэтому было рѣшено возложить на Ніази-бея и Эйюбъ-бея порученіе удалить Османа-пашу изъ Монастыря, по мѣрѣ возможности неожиданно и безъ шума, такъ, чтобы не дать времени для подготовки сопротивленія.

Собрать необходимыя двѣ тысячи людей было не трудно. Прежде всего рѣшено было воспользоваться тѣми самыми войсками, которыя пустились въ погоню за Ніази и его отрядомъ немедленно послѣ того, какъ Ніази поднялъ въ Реснѣ знамя возстанія. Это былъ батальонъ редифовъ Охридскаго округа, распущенный послѣ своего неудачнаго преслѣдованія вождя революціонеровъ, такъ какъ власти правильно заподозрили, что большинство этихъ редифовъ сочувствуетъ Комитету Единенія и Прогресса. По окрестнымъ деревнямъ немедленно посланы были гонцы, чтобы предложить раскассированнымъ солдатамъ, которые не вернули, однако, своего оружія правительству, собраться въ назначенное мѣсто недалеко отъ Охриды. Ніази вмѣстѣ со своимъ отрядомъ направился къ себѣ, въ свои родныя мѣста, чтобы собрать людей изъ Ресны, Персецы и Лабчи. Въ теченіе ночи на

21-ое число и дня 21-го онъ пересѣкалъ горную область, приче́мъ отрядъ его непрестанно увеличивался новыми добровольцами, приходившими обыкновенно по-трое и по-четверо, но иногда и группами отъ сорока до пятидесяти человекъ. Всякій разъ, когда отрядъ проходилъ черезъ деревню, его встрѣчали съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ; поселяне приносили подарки въ видѣ хлѣба и сыра до тѣхъ поръ, пока каждый партизанъ не былъ снабженъ двухдневнымъ раціономъ; такой запасъ Ніази считалъ необходимымъ.

Утромъ 21-го іюля Эйюбъ-эффенди со своимъ Охридскимъ отрядомъ изъ раскассированныхъ редифовъ и другихъ, всего численностью въ тысячу человекъ, соединился въ Лабчѣ съ отрядомъ Ніази; образованная изъ этихъ двухъ отрядовъ колонна двинулась по направленію къ Монастырю. Послѣ наступленія темноты, когда отрядъ уже приближался къ мѣсту, назначенному для ночного привала, произошелъ инцидентъ, интересный для иллюстраціи нравовъ и обычаевъ дикихъ албанскихъ горцевъ. Ночная тишина внезапно была нарушена звукомъ донесшагося съ горъ надъ дорогой выстрѣла. Ніази выслалъ развѣдчиковъ, чтобы узнать, что случилось. Оказалось, что два албанскихъ рода, Фараги и Квапры, между которыми давно существовала смертельная вражда, отправили по сотнѣ людей, которые должны были присоединиться къ отряду Эйюбъ-бея; эти двѣ сотни встрѣтились въ горахъ, и то, что случилось, самъ Ніази описываетъ такъ: „это было дѣйствительно достойное вниманія зрѣлище—встрѣча людей двухъ родовъ, такъ ненавидѣвшихъ другъ друга, теперь они были объединены общимъ желаніемъ умереть за одинъ и тотъ же идеалъ. Эти родовичи, которые въ продолженіе двухъ столѣтій не могли спокойно видѣть лица и слышать голоса другъ друга, которые при всякомъ удобномъ случаѣ стрѣляли другъ въ друга, теперь при этой встрѣчѣ въ горахъ обмѣнивались пріветственными выстрѣлами и страстно желали бокъ-о-бокъ, какъ товарищи, пустить въ ходъ свои винтовки противъ измѣнниковъ и враговъ отечества“.

Колонна провела ночь въ деревнѣ Гаучаръ, гдѣ къ батальонамъ Ніази и Эйюбъ-бея присоединилось много добровольцевъ изъ окрестностей, такъ что численность колонны превосходила теперь двѣ тысячи человекъ. Всю

ночь, наводняя улицы, изъ окрестныхъ деревень соби-
рался народъ, чтобы привѣтствовать фидаевъ и подкрѣ-
пить ихъ силы разными незамысловатыми угощеніями.
Всѣ, казалось, были готовы рискнуть чѣмъ угодно въ
гражданской войнѣ, близкое начало, которой они считали
неизбѣжнымъ. Слѣдующимъ утромъ, т. е. 22 іюля, при
прекрасной солнечной погодѣ, колонна, двинулась въ путь
по крутой зигзагообразной тропинкѣ, пересѣкающей обры-
вистый кряжъ Пелисскихъ горъ. Въ десять часовъ былъ
сдѣланъ привалъ, послѣ котораго „Національный батальонъ
изъ Охриды“ съ Эйюбъ-беемъ во главѣ и „Національный
батальонъ изъ Ресны“ подъ начальствомъ Ніази-бея были,
послѣ переключки, раздѣлены на части. Всего образовалось
20 ротъ подъ начальствомъ двадцати командировъ, въ
число которыхъ вошелъ одинъ полковникъ, нѣсколько
майоровъ и капитановъ, одинъ докторъ медицины и нѣ-
сколько беевъ, принадлежавшихъ къ македонскому и
албанскому землевладѣльческому классу. Вплоть до этого
момента національныя войска не были освѣдомлены ни о
томъ, куда они идутъ, ни о цѣли ихъ похода. Тутъ Эйюбъ-
бей изложилъ сущность дѣла своему батальону, а Ніази
тѣмъ временемъ обратился съ рѣчью къ партизанамъ
своего отряда. Ніази разсказалъ, какъ первоначальные участ-
ники его отряда, желая послужить благодѣтельному Ко-
митету, работавшему на благо родины, радостно покинули
удобства жизни, своихъ женъ и дѣтей и готовы были по-
жертвовать своею жизнью. „Но теперь, продолжалъ онъ,
всѣ эти лишенія и труды скоро будутъ дѣломъ прошлаго;
мы хорошо сдѣлали свое дѣло. Надѣясь на успѣхъ, то-
торый подаетъ Богъ, и на помощь Пророка мы идемъ,
теперь къ главному городу монастырскаго вилайета, чтобы
привести въ исполненіе чрезвычайно важное распоряже-
ніе Комитета. Черезъ нѣсколько часовъ мы, въ случаѣ
успѣха, положимъ конецъ злосключеніямъ нашей родины.
Намъ предстоитъ взять мумира (фельдмаршала) Османа-
пашу изъ его резиденціи — причемъ не долженъ упасть
ни одинъ волосъ съ его головы—чтобы, такимъ образомъ,
предупредить тѣ несчастья, которыя онъ намѣренъ на-
влечь на Комитетъ и на отечество. Пусть Богъ поможетъ
исполнить намъ нашъ долгъ съ полнымъ успѣхомъ. Не-
обходимо, чтобы вы, товарищи, слѣпо и буквально испол-
няли всѣ приказанія, какія вы получите. Долженъ под-
держиваться строжайшій порядокъ и дисциплина“.

Партизаны съ радостью выслушали о томъ, что сдѣлать они призваны, и, несмотря на усталость, получивъ приказаніе возобновить походъ, они бодро, парами, двинулись впередъ по скверной дорогѣ, горя желаніемъ какъ можно скорѣе достигъ Монастыря. Когда колонна двинулась своей дорогой, ей явилось чрезвычайно благопріятное предзнаменованіе въ образѣ молодой косули. Она сопровождала подюжины, или около того, баши-бузуковъ, имѣвшихъ съ собою письмо отъ Монастырскаго отдѣленія Комитета, предписывающее принять ихъ въ отрядъ Ніази. Люди эти нашли косулю въ горахъ, а такъ какъ всѣ турки, даже дивіе — баши-бузукъ, любятъ животныхъ и всегда ласковы съ ними, то они приласкали это твореніе и приобрѣли его довѣріе до такой степени, что оно направилось за ними по дорогѣ. Эта косуля сдѣлалась любимицей всей колонны и шествовала во главѣ ея, исполняя, какъ говоритъ Ніази, обязанности проводника, „такъ какъ по какому-то инстинкту она всегда шла въ томъ направленіи, въ какомъ должны были идти мы“. Описаніе Ніази этого инцидента хорошо иллюстрируетъ мягкую и религіозную натуру турка. „Солдаты, говоритъ онъ, ласкали косулю, благословляли ее и благодарили Бога, пославшаго намъ это прекрасное животное, очаровавшее всѣхъ насъ своею граціей. Мы считали ее присутствіе благопріятнымъ знаменіемъ, а ее самое — божественной вѣстницей одобренія нашего предпріятія“.

Къ вечеру, послѣ чрезвычайно форсированнаго марша, колонна достигла деревни, находящейся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Монастыря. Тутъ сдѣланъ былъ привалъ, чтобы люди могли поѣсть и отдохнуть; сюда же, какъ было условлено прежде, пріѣхалъ поручикъ Османъ-эффенди съ полусотней людей и привезъ Ніази запечатанное письмо отъ Комитета, содержащее подробныя инструкціи относительно исполненія плана. Ніази еще разъ указалъ своимъ партизанамъ на необходимость тишины, стойкости и повиновенія; отданъ былъ приказъ выступать, и нетерпѣливые фидаи быстро двинулись по дорогѣ, парами, не производя почти никакого шума своими обутыми въ сандалии ногами; тѣ нѣсколько миль, которыя лежали между ними и цѣлью ихъ движенія, были пройдены въ весьма короткое время. Когда колонна вошла въ предмѣстье Монастыря, было около одиннадцати часовъ вечера,

и на улицахъ попадались лишь рѣдкіе прохожіе. Большая часть отряда осталась здѣсь, а восемьсотъ человекъ, раздѣленные на нѣсколько командъ и предводительствуемые членами монастырскаго Комитета, вошли въ городъ различными путями; быстро и тихо окружили они группу здацій, содержащихъ присутственныя мѣста, квартиру главнокомандующаго и официальную резиденцію генерала Османа-паши. Въ то же самое время агенты Комитета перерѣзали телеграфныя проволоки, и генераль, такимъ образомъ, не имѣлъ возможности слестись ни съ Ильдивомъ, ни со своимъ собственнымъ штабомъ. Часовые, охранявшіе резиденцію генерала, были быстро обезоружены, причѣмъ только одинъ оказалъ сопротивленіе; но и тотъ былъ связанъ, прежде чѣмъ успѣлъ разрядить винтовку и поднять тревогу. Затѣмъ два офицера и нѣсколько партизановъ изъ отряда Ніази бросились въ комнату, гдѣ на кровати спалъ генераль; онъ проснулся и, — понятно, страшно взбѣшенный — увидѣлъ себя плѣнникомъ революціонеровъ. Тѣмъ временемъ другія группы нашли и арестовали начальника штаба, начальника округа и нѣсколько другихъ офицеровъ, не принадлежавшихъ, какъ было извѣстно, къ числу друзей Комитета Единенія и Прогресса.

Взятаго въ плѣнъ Османа-пашу увѣрили, что его жизни не грозитъ никакая опасность, но, какъ ему въ то же время объяснили, оказывая ему все знаки почтенія, на какіе онъ по своему чину имѣлъ право, инструкціи революціонеровъ гласили, что его должно препроводить въ Ресну, гдѣ онъ останется на короткое время въ качествѣ заложника Комитета Единенія и Прогресса. Затѣмъ ему вручили письмо отъ Комитета, начинавшееся почтительными церемоніальными привѣтствіями: „Во имя всеблагаго и всемилосерднаго Бога. Его Превосходительству Мишуру Осману-пашѣ. Миръ и милость Бога да будетъ съ Вами. Да руководить Богъ нами и Вами“. Далѣе въ письмѣ говорилось — въ такихъ учтивыхъ и даже льстивыхъ выраженіяхъ, что могла явиться мысль, не издѣвается ли Комитетъ — что храбростью и талантами, которыми Богъ одарилъ Его Превосходительство, слѣдовало пользоваться для руководства арміей въ войнахъ съ врагами отечества, а не употреблять ихъ противъ самой націи, но что, къ несчастью, официальное положеніе Его Превосходительства,

вмѣстѣ съ обширными полномочіями и инструкціями, полученными имъ изъ Ильдиза, могутъ повести къ тому, что онъ—несомнѣнно вопреки велѣніямъ своей собственной совѣсти—совершитъ дѣянія, которыя окажутся вредными для его отечества и вызовутъ повтореніе такихъ, достойныхъ всякаго сожалѣнія, событій, какія были въ Эрзерумѣ (армянская рѣзня). Жизнь Его Превосходительства, говорилось дальше въ письмѣ, драгоценна для страны; когда деспотизмъ будетъ замѣненъ конституціоннымъ образомъ правленія, услуги генерала могутъ понадобиться для реформы и реорганизации арміи. Вслѣдствіе всего этого Комитетъ предполагаетъ помочь Его Превосходительству выйти изъ его настоящаго непріятнаго положенія и осмѣливается просить у него согласія стать почетнымъ заложникомъ Комитета; Комитетъ надѣется, что Его Превосходительство не увидитъ въ этомъ ничего оскорбительнаго или позорящаго, и ручается, что всѣ усилія будутъ приложены къ тому, чтобы охранить его достоинство и окружить его полнымъ комфортомъ. За этимъ слѣдовало напоминаніе, что сопротивленіе волѣ Комитета бесполезно, такъ какъ домъ его окруженъ, всѣ офицеры, на повиновеніе которыхъ онъ можетъ разчитывать, арестованы, а находящіеся въ городѣ войска и всѣ жители находятся на сторонѣ Комитета.

Османъ-паша прочелъ этотъ документъ, не произнося ни единого звука и не сказавъ ничего относительно его содержанія, и спросилъ затѣмъ, можетъ ли онъ пойти въ сосѣднюю комнату, чтобы одѣться; но два офицера, опасаясь съ его стороны покушенія на самоубійство, не отходили отъ него и въ то время, когда онъ одѣвался. Потомъ генералъ оставилъ свой домъ и, сѣвъ на лошадь, отправился подъ конвоемъ Ніази и его Національнаго Батальона изъ тысячи человекъ въ Ресну, куда прибылъ слѣдующей ночью и былъ помѣщенъ въ качествѣ почетнаго плѣнника въ домѣ одного изъ знатныхъ горожанъ.

Въ этотъ день, 23-го іюля, Македонія и Албанія сбросили иго деспотизма. Партизаны Ніази, направлявшіеся въ Ресну со своимъ плѣнникомъ, уже слышали далеко за собой пушечные выстрѣлы, которыми въ Монастырѣ салютовали конституція. Ніази и его фидай поклялись не возвращаться домой до тѣхъ поръ, пока родина ихъ не будетъ освобождена: теперь, точно выпол-

нивъ свой обѣтъ, онъ и многіе изъ его партизановъ снова увидѣли въ Реснѣ своихъ ликующихъ женъ и дѣтей. Въ теченіе слѣдующаго дня, т. е. 24-го іюля, Ресна, подобно каждому турецкому городу и деревнѣ, представляла собой необыкновенное зрѣлище. Люди, казалось, обезумѣли отъ энтузіазма и восторга. Турки, болгары, греки, сербы и валлахи—всѣ были какъ братья. Нѣсколько болгарскихъ и греческихъ четъ (одной изъ болгарскихъ предводительствовалъ самъ страшный Черчисъ) пришли въ Ресну, чтобы принять участіе въ этой всеобщей радости и ликованіи. Безчисленныя знамена съ девизомъ „свобода, равенство, братство, справедливость“ и національные флаги развѣвались отъ легкаго вѣтерка; весь день люди до хрипоты кричали: „Да здравствуетъ нація!“ „Да здравствуетъ армія!“ „Да здравствуетъ Комитетъ!“.

Послѣ 24-хъ-часового отдыха въ Реснѣ, Ніази, который провелъ этотъ день принимая вождей христіанскихъ четъ, приводя ихъ къ присягѣ и отдавая распоряженіе на случай народнаго *levée en masse* (такъ какъ было еще неизвѣстно, покорится ли султанъ или обречетъ родину на гражданскую войну), отправился, согласно предписанію Комитета, обратно въ Монастырь съ двумя сотнями первоначальныхъ фидаевъ своего отряда въ сопровожденіи Черчиса и другихъ вождей христіанскихъ четъ. На этомъ миссія Ніази кончилась, и онъ сошелъ съ передняго плана сцены. Я подробно разсказалъ о его странствіяхъ, желая какъ можно яснѣе представить характеръ того дѣла, какое дѣлалось по всей странѣ тѣми, задачей которыхъ было приобрѣсть сочувствіе къ революціи гражданскаго населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мнѣ кажется, я показалъ, что турки-мусульмане въ высокой степени одарены тѣми качествами—патріотизмомъ и готовностью пожертвовать собой ради высокаго идеала—безъ которыхъ ни одинъ народъ не можетъ быть великъ и достоинъ уваженія. Ніази—первый молодой офицеръ, бѣжавшій въ горы, и на его долю достались наиболѣе важныя предпріятія; но безъ многихъ другихъ, подобныхъ ему, возстаніе не могло бы быть такимъ всеобщимъ, какимъ въ дѣйствительности оно явилось. Энверъ-бей и десятки другихъ молодыхъ офицеровъ, дѣлали то же самое и съ такимъ же успѣхомъ въ другихъ частяхъ страны. Мѣстные Комитеты, повидямому, были удивительно хорошо организо-

ваны и состояли изъ искреннихъ, самоотверженныхъ весьма способныхъ патриотовъ, которые всегда державъ въ тѣни; имена ихъ не были извѣстны, и сами они, когда побѣда была одержана, не принимали участія въ нарядномъ ликованіи. Комитеты въ Ускюбѣ и Янинѣ въ дѣятельную и увѣнчавшуюся полнымъ успѣхомъ проганду, первый среди сѣверныхъ, второй среди южныхъ албанцевъ въ то самое время, когда Ніази вербовалъ сторонниковъ среди албанцевъ западныхъ. Ніази прежде всего солдатъ, безхитростный, прямолинейный солдатъ не политикъ; поэтому теперь, блестяще выполнивъ миссію, возложенную на него въ часъ національной опасности, онъ вернулся къ своему собственному дѣлу, спокойной службѣ среди войскъ, которыя готовы бы идти за нимъ хотя въ пекло, какъ сказали бы на англійскіе солдаты.

XIV.

Монастырь во власти Комитета.—Провозглашеніе конституціи въ Монастырѣ.—Ультиматумъ Комитета султану.—Хидивъ паша докладываетъ во Дворецъ о создавшемся положеніи.—Увольненіе великаго визиря.—Послѣднее засѣданіе Государственнаго Совѣта при старомъ режимѣ.—Султанъ возвращаетъ Турціи ея конституцію.

Въ ночь на 23 іюля, немедленно послѣ того, какъ Османъ паша сталъ плѣнникомъ Комитета Единенія и Прогресса, руководители движенія успѣли взять въ свои руки власть надъ городомъ и обезпечить за собой позицію, приобретѣнную благодаря удачѣ Ніази. Прежде всего Комитетъ отправилъ телеграмму самому султану (Его Священному Величеству Калифу), умоляя его повелѣть о приведеніи въ дѣйствіе Основныхъ Законовъ (конституціи 1876 г.) и сохранить, такимъ образомъ, непоколебимой вѣрностью и преданностью себя своихъ подданныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ телеграммѣ указывалось, что если въ слѣдующее воскресенье, т. е. 26-го іюля, не будетъ издано ирада съ повелѣніемъ созвать Палату Депутатовъ, то могутъ произойти событія „нежелательныя и непріятныя для Величества“. Телеграмма заканчивалась такими словами: „Гражданскія власти, офицеры арміи, солдаты, улемы“

шейхи, знатные и незнатные люди всёхъ религій, всё жители Монастырскаго вилайета, объединенные рѣшеніемъ бороться за одно общее дѣло и связанные клятвой, данной ими во имя Единого Бога, ожидаютъ Вашихъ приказаній“. Другая телеграмма была отправлена въ главную квартиру Комитета, въ Салоники, съ увѣдомленіемъ объ успѣшномъ захватѣ Османа-паши. Ночью молодые офицеры раскленли по улицамъ Салоникъ воззваніе къ народу, приглашавшее его притти на помощь Комитету и свергнуть деспотизмъ.

Утромъ 23-го іюля граждане Монастыря, проснувшись, увидѣли, что всё слѣды правительственной власти исчезли, и что Комитетъ сталъ единственнымъ и безспорнымъ хозяиномъ вилайета. Это былъ день безумнаго восторга. Пятьдесятъ тысячъ жителей города и много тысячъ людей изъ окрестностей наполнили улицы, ликуя и распѣвая пѣсни свободы. Иногда густая толпа немного разступалась, чтобы пропустить отряды анатолійскихъ войскъ, радостно направлявшіеся въ какое-нибудь назначенное имъ мѣсто, гдѣ они должны были во имя Единого Бога принести присягу на вѣрность Комитету, или группу горожанъ, которые на своихъ плечахъ и рукахъ несли офицеровъ, этихъ героевъ дня, членовъ, спасшихъ Турцію, мусульманскихъ отрядовъ.

Все снова и снова раздавались крики: „Да здравствуетъ Комитетъ!“ Люди бѣгали туда и сюда, разыскивая членовъ этого Комитета, горя желаніемъ высказать имъ свое уваженіе и устроить имъ такую же овацію, какъ фидаямъ. Но таинственный Комитетъ—Комитетъ-невидимка—не отыскивался нигдѣ. Жгучее любопытство овладѣло народомъ. Кто же это тѣ люди,—спрашивали они себя,—которые исполняли велѣнія Комитета? Гдѣ тѣ тайные руководители, которые выпускали воззванія и отдавали распоряженія, которые съ такимъ искусствомъ и отвагой организовали движеніе? Но получить отвѣтъ на эти вопросы было въ то время невозможно. Лишь черезъ нѣсколько дней, послѣ того, какъ султанъ призналъ конституцію, самому Ніази были сообщены имена тѣхъ, кто составлялъ Монастырскій Исполнительный Комитетъ. И онъ увидѣлъ, что среди нихъ было нѣсколько самыхъ близкихъ его друзей.

Но въ этотъ удивительный день 23-го іюля Комитетъ

былъ слишкомъ занять дѣлами первостепенной важности, чтобы открыто выступить и принять заслуженныя поздравленія; предстояло сдѣлать еще многое. Комитетъ рѣшилъ не дожидаться отвѣта султана на свою просьбу и немедленно, въ этотъ же самый день, провозгласить конституцію въ Монастырѣ. Было рѣшено, что самымъ подходящимъ лицомъ для объявленія о ней народу былъ бы самъ губернаторъ, или вали монастырскаго вилайета, Хифци-паша. Этотъ вали, какъ мы видѣли, имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы нѣсколькими днями раньше сообщить во Дворецъ всю истину о положеніи вещей въ Македоніи. Въ отвѣтъ на это, великій визирь сдѣлалъ ему по телеграфу выговоръ за недостатокъ усердія и далъ нѣкоторыя инструкціи. Тогда вали тотчасъ заявилъ великому визирю о томъ, что оставляетъ службу Его Величества, такъ какъ не можетъ взять на себя отвѣтственность за кровопролитіе, которое должно послѣдовать при выполненіи его послѣднихъ распоряженій. Комитету хорошо было извѣстно, что вали справедливый и честный человѣкъ, симпатіи котораго лежатъ скорѣе на сторонѣ друзей свободы, чѣмъ на сторонѣ того деспотизма, которому онъ служилъ.

Утромъ 23-го вали открыто присоединился къ революціонной партіи; онъ отправилъ телеграммы султану и великому визирю, увѣдомляя ихъ о захватѣ Османа-паши и сообщая, что всѣ военныя силы въ Монастырѣ и три тысячи пятьсотъ гражданъ приняли присягу на вѣрность Комитету. Послѣ полудня вали прочелъ составленное Комитетомъ провозглашеніе конституціи въ присутствіи монастырскаго гарнизона и десятковъ тысячъ ликующихъ мусульманъ и христіанъ; затѣмъ раздался пушечный салютъ, разнесшій далеко по окрестности вѣсть о томъ, что Турція, наконецъ, стала свободной.

Въ тотъ же день Центральный Комитетъ въ Салоникахъ и отдѣленія Комитета въ другихъ городахъ приняли мѣры къ тому, чтобы ясно показать народу, что господство Дворца миновало. Конституція была провозглашена въ Реснѣ, Дибрѣ и другихъ городахъ Македоніи и Албаніи, въ тотъ самый часъ, когда ее провозгласили въ Монастырѣ. Салоникскій Центральный Комитетъ, который также имѣлъ гарнизонъ на своей сторонѣ, а представителей правительства въ своей власти, рѣшилъ, что

въ интересахъ революціоннаго дѣла слѣдуетъ, насколько возможно, сократить періодъ неизвѣстности, будетъ ли гражданская война или миръ; врагамъ свободы нельзя было дать времени собраться съ силами или пустить въ ходъ интриги. Поэтому рано утромъ 23-го іюля, Комитетъ передалъ султану по телеграфу свой ультиматумъ, увѣдомляя Его Величество, что если черезъ 24 часа не будетъ дарована конституція, то второй и третій армейскіе корпуса двинутся на Константинополь.

Слѣдующимъ шагомъ Комитета было обращеніе къ намѣстнику Хильмъ-пашѣ (назначенному въ февралѣ 1909 года великимъ визиремъ): Комитетъ предложилъ ему, какъ высшему правительственному чиновнику въ Македоніи, объявить народу конституцію, Хильми былъ вѣрнымъ слугою султана, но въ глубинѣ сердца онъ ненавидѣлъ порочный Дворецъ и его приемы и признавалъ правоту младотурецкаго движенія, которое онъ, по долгу службы, преслѣдовалъ, но преслѣдовалъ такъ не энергично, что навлекъ на себя порицаніе великаго визиря, Фериды-паши. Теперь Хильми занялъ благородную и мужественную позицію. Онъ заявилъ Комитету, что хотя его симпатіи на сторонѣ младотурокъ, но онъ все же слуга султана и поэтому не можетъ объявить конституціи до тѣхъ поръ, пока не получитъ на это приказанія отъ государя. Тогда Комитетъ сообщилъ ему, что если онъ черезъ 24 часа не провозгласитъ конституціи, то понесетъ наказаніе; телеграфныя линіи въ его распоряженіи, и ему надлежитъ не теряя времени убѣдить султана; Его Величество можетъ сохранить свой тронъ только немедленнымъ возстановленіемъ конституціи.

Хильми-паша посылалъ теперь во Дворецъ телеграмму за телеграммой, докладывая о наступившемъ положеніи. Онъ доносилъ объ абсолютной безнадежности дѣла стараго режима: два паши, которые, какъ надѣялся султанъ, должны были уничтожить Комитетъ Единенія и Прогресса, Хильми и Османъ, находятся въ рукахъ Комитета; анатолійскія войска, долженствовавшія раздавить мятежь, примкнули къ Комитету и принесли ему присягу; второй и третій армейскіе корпуса образуютъ теперь армію Комитета; изъ перваго армейскаго корпуса въ Константинополь можно положиться только на дворцовую гвардію; возбудить фанатизмъ арабовъ и другихъ

азіатовъ—поздно; поведеніе привезенныхъ въ Салоники анатолійскихъ полковъ показываетъ, что армейскіе корпуса въ Малой Азіи тоже обращены на сторону реформаторовъ; наконецъ, со всѣхъ концовъ имперіи идутъ вѣсти, что вали провинцій и другіе мелкіе чиновники покидаютъ дворцовую камарилью и примыкаютъ къ конституціонной партіи.

Весь этотъ день турецкій народъ провелъ въ ликованіи, радуясь вновь обрѣтенной свободѣ, но эти же двадцать четыре часа были часами неизвѣстности и тревоги для всѣхъ тѣхъ, кто зналъ, что отъ произвола одного стараго человѣка зависитъ, будетъ ли миръ или междуусобная война. Ультиматумъ Комитета и телеграммы Хильми-паши были переданы султану его перепуганными придворными; но въ залѣ совѣта въ Ильдизѣ почти до самаго послѣдняго момента царила нерѣшимость и борьба мнѣній относительно того, какой курсъ должно взять правительство. Среди камарильи раздавались, конечно, голоса (въ томъ числѣ голосъ Изветъ-паши), предлагавшіе сопротивленіе требованіямъ Комитета во что бы то ни стало; эти люди, сознавая, сколько зла они причинили, знали, что конституція означаетъ для нихъ паденіе, изгнаніе и, быть можетъ, даже смерть.

Но султанъ тѣмъ временемъ уволилъ въ отставку своего великаго визиря, Ферида-пашу, и вызвалъ во Дворецъ Саида-пашу и Кіамяля-пашу, двухъ старѣйшихъ, самыхъ опытныхъ и честныхъ государственныхъ дѣятелей своего царствованія; оба паши, несмотря на то, что они не раздѣляли многихъ взглядовъ султана, были въ свое время великими визирями, и оба же впали затѣмъ въ немилость, угрожавшую даже ихъ жизни, благодаря капризу монарха и зависти порочныхъ придворныхъ. Султанъ назначилъ теперь великимъ визиремъ, вмѣсто Ферида-паши, Саида-пашу. Весь день страхъ въ Ильдизѣ смѣнялся гнѣвомъ, гнѣвъ смѣнялся колебаніями, но къ вечеру двадцать третьяго всѣ министры были вызваны во Дворецъ, и состоялось знаменитое послѣднее при старомъ режимѣ засѣданіе совѣта министровъ. Пренія затянулись и велись съ явной тревогой; отъ совѣта въ султану все время ходилъ оберъ-камергеръ и другіе, сообщая Его Величеству о ходѣ дебатовъ,—простая формальность, предписываемая придворнымъ этикетомъ, потому

что, какъ каждому было извѣстно, султанъ находился въ смежной комнатѣ, сидя по другую сторону занавѣса, который одинъ отдѣлялъ его отъ совѣщавшихся министровъ, и ему слышно было каждое слово.

Миновала ночь, приближалось утро, а министры еще спорили. Саидъ и Кіамиль настаивали на необходимости уступокъ; было и еще нѣсколько человекъ, поддерживавшихъ ихъ, но Абдуль-Гамидъ внушалъ своимъ совѣтникамъ прежній страхъ, и каждый изъ нихъ зналъ, на что способенъ въ припадкѣ ярости этотъ человекъ, который все сейчасъ слышитъ, а потому боялся первымъ произнести запретное слово: „конституція“; вопросъ обсуждался тѣмъ двусмысленнымъ, полнымъ обиняковъ и недомолвокъ языкомъ, которымъ такъ хорошо умѣютъ пользоваться люди Востока. Въ концѣ-концовъ въ залу совѣта былъ принесенъ на носилкахъ больной и старый придворный астрологъ арабъ Абуль-Гауда (онъ недавно умеръ). Онъ смѣло и прямо сказалъ о томъ, что было въ умахъ у всѣхъ. Тогда Саидъ-паша спросилъ министровъ, не рѣшатъ ли они на томъ, что надо посовѣтовать султану даровать конституцію. Министры молчали и одинъ за другимъ опускали глаза подъ его испытующимъ взоромъ. Послѣ паузы Саидъ-паша привелъ турецкую поговорку, значащую то же, что наша „молчаніе—знакъ согласія“. Султанъ сейчасъ же былъ увѣдомленъ о рѣшеніи министровъ и къ великому облегченію всѣхъ немедленно согласился возстановить конституцію: хитрый и проникательный монархъ хорошо понималъ свое положеніе и уже пришелъ къ опредѣленному рѣшенію.

Утромъ 24-го іюля телеграфъ разнесъ важныя новости во всѣ углы имперіи, вездѣ вызывавшія варывъ народнаго восторга. Въ Константинополѣ громадныя толпы, состоявшія изъ мусульманъ, христіанъ и евреевъ, стекались къ Ильдизу и съ криками привѣтствовали султана. На широкой набережной Салоникъ Хильми-паша, которому рѣшеніе султана принесло избавленіе отъ прозвѣвшей смерти, читалъ правительственное сообщеніе о возстановленіи конституціи десяткамъ тысячъ ликующихъ гражданъ.

Султанъ обѣщалъ конституцію, и ему теперь оставалось только обнародовать ирадѣ, которое подтвердило бы только обѣщаніе и содержало бы присягу на вѣрность

конституціи. Прошло нѣсколько дней, а его Величество не предпринимало ничего для выполненія этой необходимой формальности. Неизмѣнно бдительный Комитетъ Единенія и Прогресса рѣшилъ, что больше ждать не слѣдуетъ, и отдалъ свои распоряженія. Часть македонскихъ войскъ поспѣшно двинулась въ столицу и окружила Ильдязъ, а на Босфорѣ, около Дворца, появился военный корабль и направилъ на него свои пушки. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ, принадлежащихъ къ Комитету, испросили затѣмъ аудіенцію у султана и объяснили ему, что онъ долженъ немедленно подписать ирада, иначе македонскія войска обезоружатъ дворцовую гвардію и захватятъ особу Его Величества. Султанъ уступилъ, ирада было подписано, и вскорѣ послѣ этого шейхъ-уль-исламъ привелъ Абдуль-Гамида къ присягѣ, которой онъ обязался возстановить и точно соблюдать конституцію, нарушенную имъ тридцать лѣтъ тому назадъ.

XV.

Послѣ революціи.—Возвращеніе изгнанниковъ.—Демонстрація и всеобщее примиреніе.—Прекращеніе четничества въ Македоніи.—Двери тюремъ раскрываются.—Повиновеніе народа Комитету.—Прекращеніе стачки угольщиковъ.—Бойкотъ австрійскихъ товаровъ.—Отношеніе христіанскаго населенія.

Побѣда была одержана: младотурецкая партія праздновала свой триумфъ; Оттоманскій народъ пріобрѣлъ свободу.—Установилась полная неприкосновенность личности и полная свобода печати; не было больше ни шпіоновъ, ни домашнихъ обысковъ, ни притѣвленій. Однимъ словомъ турки, десятки лѣтъ стонавшіе подъ гнетомъ жесточайшаго изъ восточныхъ деспотизмовъ, въ одинъ день стали такими же свободными, какъ англичане, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, даже свободнѣе. Миръ неожиданно снизошелъ на эту истерванную страну, такъ долго представлявшую собой ужасную арену расовой ненависти; всѣ чувствовали себя въ полной безопасности, и крестьяне могли засѣвать свои нивы, зная, что они, а не кто другой, пожнутъ урожай. Эта революція не походитъ на всѣ остальные; въ самомъ дѣлѣ, хотя въ

странѣ нѣкоторое время не было ни закона, ни власти, въ ней не наступила анархія, не было случаевъ кровавой мести, не было никакихъ эксцессовъ; поведеніе всего населенія способно вызвать удивленіе и восхищеніе.

Турецкіе революціонеры, въ отличіе отъ революціонеровъ нѣкоторыхъ другихъ странъ, не посильшили немедленно послѣ освобожденія отъ одного деспотизма наложить на страну еще болѣе тяжелыя цѣли демократической тиранніи. Революцію совершилъ турецкій образованный классъ, лучшіе люди страны, и это самая консервативная революція, какую видѣлъ міръ. Въ этомъ движеніи не было ничего родственнаго анархіи или социализму. У младотурокъ, какъ я уже указывалъ, нѣтъ никакихъ плановъ общественнаго переустройства; они не строятъ проектовъ облагодѣтельствовать одинъ классъ населенія путемъ ограбленія другого; они не думаютъ, что каждый человѣкъ ничѣмъ не лучше любого изъ остальныхъ, и не вѣрятъ, что всеобщее избирательное право принесетъ съ собою земной рай. Эта революція, подобно нашей англійской 1688 года, пришла не снизу, а сверху. Если невѣжественныя массы не узурпировали руководства движеніемъ и, дискредитировавъ его, не расчистили пути къ реставраціи деспотической власти, то это въ значительной мѣрѣ обязано тому, что къ счастью для Турціи ея революція произошла прежде, чѣмъ она достигла той степени экономическаго и промышленнаго развитія, когда такъ называемые трудящіеся классы начинаютъ измышлять свои политическія и социальныя теоріи или, вѣрнѣе, воспринимать возрѣнія злонамѣрныхъ демагоговъ, увлекающихъ ихъ на ложный путь. Въ Турціи нѣтъ классовой ненависти, какъ нѣтъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, которыя плодили бы въ большихъ городахъ полчища недовольныхъ рабочихъ, нѣтъ и аграрнаго вопроса, который смущалъ бы умы простодушныхъ набожныхъ турецкихъ крестьянъ.

Въ числѣ семидесяти тысячъ изгнанниковъ и эмигрантовъ, возвратившихся въ Турцію послѣ провозглашенія конституціи изъ Европы и Америки, были, конечно, и такіе, которые познакомились съ русскими анархистами и другими крайними элементами и набрались ихъ теорій; но такихъ было ничтожное меньшинство, и вліяніе ихъ казалось совершенно незамѣтнымъ. То же самое можно

сказать и о тѣхъ эмигрантахъ, [которые, флансировавши цѣлыми годами по Парижу, утратили нѣкоторые мусульманскія добродѣтели, а по возвращеніи стали дилетантствующими политиками, частью примкнувъ къ партіи, предлагающей послѣдовательно проведеніе принципа автономіи для всѣхъ народностей Турціи—т. е. такую программу, которая ненавистна болѣе серьезнымъ младотуркамъ, хорошо сознающимъ, что подобная политика привела бы къ вѣрному распаденію имперіи.

Но въ этой главѣ я хочу говорить не объ этихъ политикахъ, а о самомъ народѣ. Когда оттоманы всѣхъ племенъ и религій неожиданно почувствовали себя свободными, они преисполнились чрезвычайной радостью, небывалой братской любовью другъ къ другу и глубокой благодарностью къ спасителю страны, Комитету Единенія и Прогресса, благодарностью, которая вылилась въ форму безпрекословнаго повиновенія распоряженіямъ Комитета, такъ что ему нетрудно было поддержать порядокъ. Вся страна ликовала, радостный видъ восторженныхъ толпъ трогалъ каждого иностранца, свидѣтеля такихъ сценъ, вызывая сочувствіе даже во врагахъ движенія. На улицахъ, въ кафе и трамвайныхъ вагонахъ столицы, всюду, гдѣ люди привыкли молчать при встрѣчахъ, подозрѣвая другъ друга, теперь свободно и любезно разговаривали незнакомые, которыхъ сроднила общая радость.

Наступило царство всеобщей благожелательности, и казалось, что все, что есть лучшаго въ человѣкѣ, выступило наружу. Европейцы-очевидцы описывали наступленіе удивительно хорошихъ отношеній между людьми всѣхъ племенъ и религій, рассказывали о томъ, какъ турки, армяне, болгары и евреи ораторствовали среди сочувственно слушавшей толпы на улицахъ столицы, проповѣдая людямъ миръ и любовь, въ самомъ Бейрутѣ, прославившемся при старомъ режимѣ избіеніями христіанъ, муллы въ тюрбанахъ и христіанскіе священники обнимались на глазахъ толпы мусульманъ и армянъ; въ томъ же городѣ турецкій главнокомандующій вмѣстѣ со своими офицерами и нижними чинами присутствовалъ на богослуженіи въ армянской церкви, чтобы почтить память своихъ христіанскихъ соотечественниковъ, павшихъ жертвою рѣзни; и какъ съ той же цѣлью, толпы мусуль-

манъ пошли въ Стамбулъ на армянское кладбище, гдѣ помолились и возложили вѣнки на могилы тѣхъ, кто погибъ по приказанію Дворца. То же произошло и въ Іерусалимѣ, гдѣ различныя христіанскія секты—которымъ до сихъ поръ только штыки турецкихъ солдатъ мѣшали перервать глотки другъ у друга—стали теперь друзьями и смѣшались въ процессіяхъ съ мусульманами и евреями.

Въ Салоникахъ, этомъ опорномъ пунктѣ революціи, происходили сцены необычайнаго національнаго восторга, приводившія въ удивленіе зрителей-европейцевъ. Вожди болгарскихъ, греческихъ и другихъ четъ, атаманы албанскихъ разбойничьихъ шаекъ и вся ихъ свита изъ свирѣпыхъ преступниковъ съ горъ, за головы которыхъ назначена была премія, люди различнаго происхожденія, съ дѣтства занимавшіеся поджогами деревень и убійствами женщинъ,—всѣ они стекались въ городъ, чтобы изъявить покорность Комитету, примириться другъ съ другомъ и стать друзьями турокъ - мусульманъ. Явился самъ Санданскій „король горъ“, самый страшный изъ вождей болгарскихъ четъ; онъ краснорѣчиво говорилъ толпѣ о свободѣ, братствѣ и справедливости, и былъ принятъ съ величайшимъ энтузіазмомъ. Всѣ эти воинственные люди, распространявшіе ужасъ по Македоніи и Албаніи, въ живописныхъ костюмахъ самыхъ дикихъ и наименѣе извѣстныхъ областей Европы, забыли междоусобную войну и кровавыя распри, примирились другъ съ другомъ и турецкими солдатами, расхаживали по улицамъ, распѣвая пѣсни свободы, чокались въ кафѣ чашками кофе, а иногда и рюмками раки, обнимались и клялись быть братьями.

Я былъ въ Салоникахъ черезъ четыре мѣсяца послѣ того, какъ Турція получила свободу; національное ликованіе еще не улеглось, и все свидѣтельствовало о радости и добрыхъ отношеніяхъ. Здѣсь, въ этомъ многоплеменномъ городѣ, я почувствовалъ себя въ освѣжающей атмосферѣ радостнаго удоенія недавно обрѣтенной свободы. Изъ окна моего отеля открывался видъ на оживленную набережную и синее море, протянувшееся до самыхъ снѣговъ Олимпа. На этой набережной протекаетъ главная часть жизни города; предо мной то и дѣло случалось что-нибудь такое, что напоминало мнѣ о революціи и подъемѣ народнаго чувства. То появлялась процессія изъ мусульманъ и христіанъ, общавшихъ другъ другу вѣчную

дружбу и расцѣвавшихъ патриотическія пѣсни по дорогѣ къ станціи, гдѣ должны были произойти торжественные проводы вновь избраннаго депутата, который уѣзжалъ въ Константинополь; то показывался отрядъ македонскихъ войскъ, маршировавшій среди толпы, которая встрѣчала своихъ освободителей восторженными кликами, то на набережной происходила смотръ какому-нибудь батальону, отправлявшемуся въ Константинополь (въ это время младотурки стягивали въ столицу все больше и больше вѣрныхъ себѣ войскъ, чтобы быть наготовѣ на тотъ случай, если зашевелятся реакціонныя силы); то общее вниманіе привлекалъ какой-нибудь изгнанникъ, жертва деспотизма, возвратившійся теперь изъ-за моря къ своимъ друзьямъ и роднымъ, которые много лѣтъ не видали его. Такъ, однажды утромъ, я увидалъ украшенный флагами катеръ, который шелъ отъ только что прибывшаго парохода, и изъ котораго на пристань, какъ разъ противъ меня, высадился албанскій генераль Мехмедъ-паша, только что получившій свободу послѣ продолжительной ссылки въ Багдадъ; его встрѣтили привѣтственные клики и рукоплесканія огромной толпы албанцевъ и другихъ народовъ, сопровождавшіе пашу до самаго дома.

Вообще въ эти первые дни свободнаго режима можно было видѣть много самыхъ трогательныхъ сценъ. Послѣ постановленія объ освобожденіи всѣхъ политическихъ заключенныхъ двери тюремъ широко распахнулись, и изъ нихъ вышли тысячи плѣнниковъ деспотизма, встрѣченные сочувственно настроенными и глубоко растроганными толпами людей. Многие изъ этихъ несчастныхъ провели долгіе годы въ кельяхъ въ двѣнадцать квадратныхъ футовъ и вышли на свѣжій воздухъ и на солнечный свѣтъ съ помутившимся разсудкомъ, подобно узнику въ Бастиліи въ извѣстномъ романѣ Диккенса; ихъ отводили домой родственники и друзья. Тутъ, около тюремныхъ воротъ, можно было видѣть мужа и жену, обнимавшихъ другъ друга со слезами радости послѣ многолѣтней разлуки; можно было видѣть и несчастнаго, лишившагося послѣ пытокъ разума; онъ ходилъ взадъ и впередъ и горько плакалъ, потому что ни одинъ изъ дорогихъ ему людей не пришелъ встрѣчать его, и онъ понималъ, что всѣ они умерли въ то время, когда онъ былъ въ заключеніи.

Пріятно было наблюдать, какъ довѣряло населеніе младотурецкимъ дѣятелямъ, и какъ оно гордилось ими, приносило такъ много жертвъ ради свободы и справедливости. Патріотизмъ жителей Салоникъ проявлялся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Собирались крупныя суммы, чтобы скрасить сколько-нибудь жизнь тѣхъ войскъ, которыя должны были идти зимою на сѣверную границу и охранять ее отъ нападенія со стороны враговъ Турціи; въ городѣ начиналось также движеніе, которое въ случаѣ достаточно широкаго распространенія могло избавить правительство отъ нѣкоторыхъ непріятностей. Офицеры гарнизона и гражданскіе чиновники всѣхъ ранговъ, прочитавъ о плачевномъ состояніи казначейства и тяжеломъ бремени неконсолидированнаго долга, отказались отъ своихъ требованій о выдачѣ недоданнаго жалованья, потому что, какъ они говорили, деньги нужны родинѣ. Депутаты также отказывались брать деньги въ возмѣщеніе своихъ путевыхъ издержекъ.

Для человѣка, знавшаго Турцію при старомъ режимѣ, чрезвычайно интересно было наблюдать, на примѣръ, въ Константинополѣ, видѣніе знаки той великой перемѣны, какая произошла въ странѣ, и смотрѣть, какъ держитъ себя народъ, неожиданно увидѣвшій себя въ условіяхъ самой широкой свободы. Въ большинствѣ другихъ странъ принесенная революціей свобода оупьяняла народъ, демоны безпорядка вырывались на волю, и въ странѣ на нѣкоторое время наступало положеніе, близкое къ анархіи. Но Константинополь не похожъ на прочія европейскія столицы; онъ разумно принялъ свою революцію. Всѣ прежнія ограниченія были уничтожены, но свобода не превратилась въ своеволіе. Хотя надъ печатнымъ словомъ не было больше никакой цензуры, однако турецкая пресса соблюдала благородную умѣренность тона.

Юмористическіе журналы впервые получили возможность помѣщать политическія каррикатуры, которыя изображали лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія; но какъ можно судить по тому, что было выставлено въ витринахъ книжныхъ магазиновъ, въ этихъ, правда, нѣсколько топорныхъ рисункахъ не было ничего оскорбительнаго. На политическихъ митингахъ въ столицѣ присутствовала масса народу, но никогда не случалось никакого нарушенія порядка, и не было никакой нужды въ присут-

ствіи полиціи или войскъ, за исключеніемъ тѣхъ чаевъ, когда греки—у которыхъ душа не бываетъ мѣстѣ, если нѣтъ какой-нибудь дѣйствительной или воображаемой обиды, чтобы шумѣть изъ-за нея—устраиваютъ демонстраціи во время выборовъ. Народу предоставлено было теперь право объединиться въ союзы, но не было ни слуха объ анархическихъ обществахъ; кажется, главнымъ результатомъ этой привилегіи было то, что туркіе проповѣдники воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ воспользовались ею, чтобы учредить въ Цезарейскій трезвости.

Но какъ и слѣдовало ожидать, люди темные и неграмотные до нѣкоторой степени воспользовались тѣмъ временемъ, которое прошло съ момента паденія стараго режима съ его суровымъ уголовнымъ кодексомъ и арестантами, до реорганизации младотурками полиціи и другихъ отраслей управленія. Въ началѣ революціи всѣ заключенные, со включеніемъ уголовныхъ преступниковъ, были выпущены изъ тюремъ—отчасти потому, что многихъ случаевъ невозможно было установить, за политическое ли преступленіе сидитъ человѣкъ, или за какое другое. Всѣ ограниченія въ правѣ покупки огнестрѣльнаго оружія были также отменены, вслѣдствіе чего въ городѣ были ввезены и немедленно распроданы десятки тысячъ револьверовъ. Большая часть населенія носила револьверы и пускала ихъ въ ходъ, практикуясь въ стрѣльбѣ изъ нихъ на улицахъ; нерѣдко были несчастные случаи. Въ нѣкоторыхъ городскихъ квартирахъ, особенно въ наиболѣе бѣдныхъ греческихъ, можно было слышать въ ночное время настоящую канонаду, обыкновенно по поводу какого-нибудь торжественнаго событія или же съ цѣлью подать вѣсть о пожарѣ. Случаи грабежа съ насилиемъ на улицахъ послѣ революціи, дѣйствительно, стали чаще. Но, несмотря на все это, врядъ ли справедливо было бы сказать, что Константинополь является въ какой-нибудь часъ дня или ночи мѣстомъ, опаснымъ для пѣшехода; въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, сколько автомобилей и машинниковъ со всѣхъ концовъ свѣта стекается въ этотъ городъ съ болѣе, чѣмъ миллиономъ жителей, то удивительнымъ покажется, какъ это живнѣе и имущество находятся тамъ въ такой безопасности.

Естественно также, что туркамъ болѣе бѣднаго и бо

лѣе невѣжественнаго класса должно было придти въ голову, что эта новая конституціонная свобода означаетъ, что каждый человѣкъ воленъ дѣлать все, что ему захочется, — обычное заблужденіе, которое правленіе младотурокъ давно уже искоренило изъ умовъ этихъ отъ природы законопослушныхъ людей. Такъ многіе думали, что конституція освобождаетъ отъ обязанности платить всѣ частныя долги, сдѣланные до революціи. По деревнямъ крестьяне пришли къ убѣжденію, что никто не будетъ больше требовать отъ нихъ уплаты податей; въ городахъ контрабандисты открыто продавали тайкомъ привезенный табакъ; въ самомъ Константинополѣ народное представленіе о свободѣ повело кой-гдѣ къ забавнымъ недоразумѣніямъ. Продавцы дровъ спокойно располагались иногда среди оживленной улицы и кололи дрова; разносчики нерѣдко загораживали троттуаръ своими товарами, и другіе подобнымъ же образомъ публично занимались своими дѣлами, такъ что узкія, кипащія народомъ, улицы и мостъ въ Галату, гдѣ довольно трудно было пробраться и въ дни стараго режима, стали почти непроходимыми. Но этимъ и исчерпываются тѣневныя стороны періода безвластія; ихъ удивительно мало, и всѣ онѣ кажутся совершенными пустяками, если припомнить, какой огромный совершился переворотъ.

Конечно, младотуркамъ трудно было реорганизовать полицію и произвести административныя реформы до парламента, потому что временные министры не имѣли охоты брать на себя слишкомъ много отвѣтственности. Но хотя Комитетъ и смотрѣлъ сквозь пальцы на разныя мелочи, народу, однако, ясно было дано понять, что никакіе безпорядки допущены не будутъ. Это обнаружилось во время стачки угольщиковъ въ Галатѣ, немного спустя послѣ провозглашенія конституціи. Эти рабочіе, забастовавъ однажды и добившись удовлетворенія своихъ требованій, пришли къ заключенію, что при новой конституціи они могутъ сколько угодно заниматься вымогательствами; поэтому они забастовали снова, требуя такой высокой платы, которая прекратила бы всю торговлю въ порту. Это было критическое время. Для младотурокъ оно было временемъ испытанія; враги представили ихъ движеніе, какъ анархическое; дѣло ихъ было бы проиграно, если бы имъ не удалось сохранить порядка среди

черни. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь вопросъ былъ не только въ стачкѣ, но и въ вѣроятномъ бунтѣ, настолько серьезномъ, что онъ могъ вызвать европейское вмѣшательство; рабочіе въ Галатѣ, грузящіе на суда уголь, состоятъ изъ тѣхъ курдовъ и другихъ мусульманъ низшаго класса, которые всегда готовы по приказанію изъ Дворца устроить избиеніе армянъ и другихъ христіанъ.

Младотуркамъ, слѣдовательно, надлежало показать, что они могутъ править людьми, и они это показали. Два молодыхъ офицера, безъ всякой охраны, смѣло прискакали въ середину враждебно настроенной толпы стачечниковъ и своимъ рѣшительнымъ видомъ заставили ихъ выслушать себя. Сначала они попробовали повліять на стачечниковъ путемъ убѣжденій, объясняя имъ, что своимъ образомъ дѣйствій они компрометируютъ дѣло свободы, которую они такъ громко привѣтствовали нѣсколькими днями раньше. Но рабочихъ это не убѣдило, и они продолжали отказываться вернуться къ своему дѣлу. Тогда офицеры измѣнили свою тактику; одинъ, выхвативъ револьверъ, напомнилъ толпѣ, что при старомъ режимѣ къ нимъ были бы посланы солдаты, чтобы утопить ихъ въ морѣ или кинуть въ тюрьму: „а такъ какъ вы ведете себя, какъ друзья стараго порядка, то съ вами такъ и будутъ обращаться. Я приѣду сюда завтра утромъ и еще разъ предложу вамъ немедленно и всѣмъ стать на работу. Я собственноручно убью перваго, кто посмѣетъ отказать, а остальные попадутъ или въ воду или въ тюрьму“. На слѣдующее утро на набережной показались оба офицера, ѣдущіе верхомъ въ сопровожденіи отряда кавалеріи. Стачечники увидѣли, что угроза будетъ приведена въ исполненіе, и спокойно пошли на работу; съ тѣхъ поръ въ этомъ опасномъ элементѣ населенія не происходило никакого броженія.

Дѣйствительно, Комитетъ, благодаря своей твердости и справедливости, пользовался любовью народа, который въ концѣ концовъ сталъ безпрекословно повиноваться его распоряженіямъ. Такъ, когда Комитетъ предписалъ строжайшій бойкотъ австрійской торговлѣ, запретивъ въ то же время черни беспокоить или оскорблять австрійскихъ подданныхъ, наступило удивительное положеніе. Австрійцы могли въ полной безопасности ходить по улицамъ; австрійскія лавки оставались открытыми, но никто

не хотѣлъ ничего въ нихъ покупать, какъ бы дешево ни предлагались въ нихъ товары. Грубые, невѣжественные курды, которые служатъ угольщиками или работаютъ въ Галатѣ въ качествѣ грузчиковъ или носильщиковъ, а также бѣдные евреи, занимающіеся тѣмъ же въ Салоникахъ, всѣ до единого присоединились къ бойкоту, хотя онъ означалъ для нихъ значительное уменьшеніе ихъ скудной заработной платы и, слѣдовательно, недоѣданіе ихъ самихъ и ихъ семействъ. Такъ, ни одинъ константинопольскій лодочникъ не соглашался свезти пассажира на австрійскій пароходъ или переправить его съ парохода на берегъ. Эти пароходы вынуждены были употреблять свои собственные шлюпки для перевозки своихъ пассажировъ на берегъ и съ берега; лица, пріѣхавшія на такихъ бойкотируемыхъ судахъ, оказывались въ очень непріятномъ положеніи и послѣ того, какъ они высаживались на турецкую набережную, потому что ни одинъ носильщикъ не брался нести ихъ багажъ. Но въ февралѣ 1909 года, когда турецкое и австрійское правительства поладили, Комитетъ Единенія и Прогресса отдалъ приказъ прекратить бойкотъ, и меньше чѣмъ черезъ часъ онъ дѣйствительно прекратился: лодочники, носильщики, грузчики и доковые рабочіе въ каждомъ турецкомъ порту вышли какъ, одинъ человекъ, и снова принялись за работу на австрійцевъ.

Какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ все, казалось, шло какъ нельзя лучше для младотурокъ; но иностранцы, наблюдавшіе это блестящее начало новаго режима и наступившее невиданное братство людей различнаго происхожденія и разныхъ религій, до сихъ поръ ненавидѣвшихъ другъ друга, спрашивали себя, — сколько времени продлится это царство всеобщаго мира, и обязаны ли эти взаимныя обѣщанія турокъ, болгаръ, армянъ и другихъ своимъ происхожденіемъ какому-нибудь другому чувству, болѣе глубокому, чѣмъ радостное опьяненіе непривычнымъ виномъ свободы? Подобно остальнымъ англичанамъ въ Турціи, я въ то время пришелъ къ убѣжденію, что младотурки вполнѣ искренни, что они желаютъ честно покончить съ внутренними распрями, дать равенство всѣмъ элементамъ населенія и жить въ мирѣ и дружбѣ со своими соотечественниками немусульманами. Армяне и евреи доказали свою искренность совмѣстною

дѣятельностью съ младотурками во время парламентскихъ выборовъ и послѣ того. Главной части македонскихъ христіанъ наскучили кровопролитія и междуусобныя столкновенія, не приносящія населенію ничего, кромѣ страданій и разоренія; поэтому не было никакого лицемѣрія въ тѣхъ дружественныхъ отношеніяхъ, какія вдругъ установились между смѣлыми вождями болгарскихъ четъ и ихъ недавними врагами, турецкими офицерами: они уважали другъ друга. Гражданская война въ Македоніи намѣренно поддерживалась интригами дворцовой клики, для которой принципъ „divide et impera“ являлся верховъ государственной мудрости, а также проясками Болгаріи, Сербіи и Греціи. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что эти македонскія народности, предоставленныя самимъ себѣ, не уживутся другъ съ другомъ въ мирѣ. Немного времени тому назадъ одинъ мула, обращаясь къ народу, сказалъ: „До Абдуль-Гамида матери мусульманки и христіанки кормили грудью дѣтей другъ друга“. Но будутъ ли эти македонскіе народы оставлены въ покоѣ агентами Дворца, замышляющаго реакцію; тѣми великими державами, интересы которыхъ противоположны созданію сильной и независимой Турціи, и мелкими, но не менѣе сильными, сосѣдними государствами?

Конечно, было бы слишкомъ смѣло надѣяться, что введеніе конституціоннаго образа правленія положитъ конецъ религіознымъ и племеннымъ распрямъ въ Македоніи. Туземцы-греки уже показали всю необоснованность такихъ надеждъ. Греки, не отставая отъ другихъ, привѣтствовали конституцію и заявляли о своей братской любви къ своимъ соотечественникамъ-оттоманамъ. Захваченные общимъ энтузіазмомъ они, быть можетъ, были искренни въ своихъ изъявленіяхъ дружбы, но позволительно подозрѣвать, что въ глубинѣ души они все время таили особые планы. Если кто и питаль о нихъ вначалѣ ложную иллюзію, то ихъ образъ дѣйствій и признанія ихъ прессы головой выдали ихъ. Въ національное ликование они внесли единственную негармонирующую ноту. Первымъ употребленіемъ, которое они сдѣлали изъ свободы, добытой для нихъ младотурками, былъ бойкотъ болгаръ въ Салоникахъ, сопровождавшійся многочисленными оскорбленіями; пришли также вѣсти о томъ, что греческіе священники въ глубинѣ страны еще съ боль-

шимъ рвеніемъ преслѣдуютъ болгаръ-екзархистовъ, составляютъ проскрипціонные списки вліятельныхъ болгаръ, желая добиться ихъ смерти. Греческій элементъ населенія, какъ и слѣдовало ожидать, первый выразилъ неудовольствіе политикой и администраціей младотурокъ. Неприемимый и часто злонамѣренный греческій патріархатъ въ Константинополѣ, отвергавшій право болгаръ употреблять ихъ родной языкъ, поддерживалъ грековъ въ ихъ шумныхъ притязаніяхъ на то, на что они не имѣли права. Ихъ понятіе объ оттоманскомъ гражданствѣ, поскольку это послѣднее ихъ касалось, состояло въ томъ, чтобы освободить себя по возможности отъ всѣхъ обязанностей гражданина, пользуясь въ то же время всѣми его правами и сохраняя въ неприкосновенности всѣ свои особыя привилегіи. Они, повидимому, думали, что управленіе Турціей должно быть въ ихъ рукахъ. Въ теченіе выборовъ они, и только они, устраивали бунты, а въ Смирнѣ вооруженная греческая чернь произвела даже серьезные безпорядки.

VXI.

Мѣры Комитета для упроченія конституціи.—Армія, магометанское духовенство и пресса на сторонѣ Комитета.—Конецъ камарильи.—Оставленіе англо-русскаго плана.—Сохраненіе старыхъ чиновниковъ.—Саидъ-паша и Кіамиль-паша, какъ великіе визири.—Назначеніе Хильми-паши великимъ визиремъ.—Дружественное отношеніе къ европейцамъ.

Въ продолженіе четырехмѣсячнаго періода безвластія, отъ момента дарованія конституціи до созыва парламента, Комитетъ Единенія и Прогресса былъ всѣми признаннымъ хозяиномъ Турціи. Онъ диктовалъ монарху содержаніе декретовъ, онъ передвигалъ арміи, онъ удалялъ и назначалъ министровъ, губернаторовъ провинцій и прочихъ высшихъ чиновниковъ. Эти неопытные молодые люди, изъ которыхъ состоялъ Комитетъ, вводя новый порядокъ и защищая свою родину отъ многочисленныхъ опасностей угрожавшихъ погубить только что добытую свободу, обнаружили столько благоразумія, такта, умѣренности, провицательности и предусмотрительности, что всѣ европейцы, слѣдившіе за ходомъ событій въ Турціи, были

поражены. Младотурки поддерживали порядокъ съ твердостью, причемъ большую помощь оказала имъ въ этомъ удивительная само-дисциплина и патриотизмъ самого народа. Хотя они, подобно тысячамъ другихъ, много перенесли отъ жителей и хищнической политики деспота и его паразитовъ-помощниковъ, они, однако, не позволяли себѣ мстить, наказавъ лишь наиболѣе виновныхъ и удаливъ со службы только тѣхъ лицъ, чья дѣятельность показывала, что они опасны для конституціи; остальныхъ они великодушно простили. Младотурки проявили истинную государственную мудрость, тактично, умѣло и рѣшительно руководя иностранной политикой Турціи. Промарховъ съ ихъ стороны было на рѣдкость мало.

Съ самаго начала они показали, что способны править страной. Младотурки не скрывали, что хотятъ низложить султана, и, предлагая ему выборъ между конституціей и отреченіемъ, они мало надѣялись, что онъ согласится на ихъ условія. Но когда хитрый султанъ съ готовностью подчинился, заявляя, что онъ сторонникъ конституціоннаго образа правленія, и дѣлая видъ, что не революціонныя партіи, а онъ осчастливилъ своихъ подданныхъ свободой, то младотурки, показавъ, что они дѣйствительно стоятъ на высотѣ призванія, съ неменѣе любезнымъ видомъ приняли создавшееся положеніе и сдѣлались еще разъ вѣрноподданными конституціоннаго монарха, ловкость и дипломатическій опытъ котораго — если онъ захочетъ искренне воспользоваться ими — могутъ принести много пользы странѣ и народу. Для милліоновъ мусульманъ султанъ есть Повелитель Правовѣрныхъ, и если бы Комитетъ попытался низложить его въ этотъ критическій моментъ, могла бы произойти продолжительная междоусобная война. Поэтому Абдуль-Гамидъ былъ оставленъ на тронѣ Османа, номинально управляя страной и — какъ казалось со стороны — пользуясь популярностью въ народѣ, который съ энтузіазмомъ встрѣчалъ его всякій разъ, когда онъ публично показывался. Но младотурки не забыли, что въ 1878 году Абдуль-Гамидъ, поклявшись быть вѣрнымъ конституціи, отмѣнилъ ее; помня это, стоявшая за трономъ сила — Комитетъ Единенія и Прогресса — оставалась постоянно насторожѣ, охраняя народную свободу.

Теперь я вкратцѣ подведу итоги энергичной дѣятельности Комитета въ теченіе первыхъ недѣль послѣ про-

возглашенія конституціи. Прежде всего ему предстояло сдѣлать себя насколько возможно сильнѣе, чтобы покончить съ реакціонными интригами, стремившимися къ возвращенію деспотизма. Поэтому онъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы подчинить своей власти армию, чтобы получить санкцію отъ мусульманской религіи и довести до конца умиротвореніе Македоніи. Ради предосторожности, изъ второго и третьяго армейскихъ корпусовъ были удалены всѣ офицеры, заподозрѣнные въ реакціонныхъ убѣжденіяхъ, а войска, вѣрныя конституціи, были стянуты къ Адрианополу, на достаточно близкое разстояніе отъ столицы; среди войскъ все еще значительная часть перваго армейскаго корпуса и преторіанская гвардія султана ожидали только приказа Дворца, чтобы стать послушными орудіями въ рукахъ реакціонеровъ. Позднѣ Комитету удалось добиться удаленія изъ Константинополя батальоновъ императорской гвардіи и замѣны ихъ войсками изъ Салоникъ, черезъ что Комитетъ обезпечилъ свою власть въ самой столицѣ.

Что касается религіи, то дѣло младотурокъ было облегчено шейхъ-уль-исламомъ, который, немедленно послѣ приведенія султана къ присягѣ, когда Гамидъ поклялся никогда не посягать на конституцію, — объявилъ право-вѣрнымъ, что конституціонное правленіе не только не противорѣчитъ, но находится въ полномъ согласіи съ ученіемъ Корана; онъ порицалъ фанатиковъ, проповѣдывавшихъ противъ реформъ, какъ противныхъ вѣры, и смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы мечетями не пользовались въ цѣляхъ реакціонной агитаціи и интригъ. Реакціонеры, дѣйствительно, не дремали; какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Турціи агенты ихъ—часто эксъ-шпіоны правительства, переодѣтые улемами или ходжами—старались разбудить мусульманскій фанатизмъ, объявляя конституцію изобрѣтеніемъ самого злого духа. Для противодѣйствія этой вредной пропагандѣ Комитетъ разослалъ по всей странѣ своихъ собственныхъ пропагандистовъ, людей, свѣдущихъ въ священномъ законѣ, которые просвѣщали народъ, подкрѣпляя свои аргументы цитатами изъ Корана и часто произнося проповѣди, написанныя для этой цѣли самимъ шейхъ-уль-исламомъ. Немалую помощь младотуркамъ оказало и то обстоятельство, что почти вся турецкая пресса поддерживала Комитетъ. Дѣйствительно, не-

много читателей имѣла бы газета, которая вздумала бы защищать непопулярныя оппозиціонныя воззрѣнія въ первые мѣсяцы новаго режима!

Комитетъ, имѣя на своей сторонѣ армію, духовенство и прессу, былъ достаточно силенъ, чтобы командовать Дворцомъ. Ирадэ за ирадэ подписывалось султаномъ по требованію Комитета, а если нужный императорскій декретъ запаздывалъ своимъ выходомъ, то угроза, что адрианопольское войско явится въ Константинополь черезъ двадцать четыре часа, всегда производила желанное дѣйствіе. Такъ, черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія конституціи, Абдуль-Гамидъ вынужденъ былъ подписать рядъ ирадэ, которыми даровалъ всеобщую амнистію, освобожденіе всѣхъ политическихъ заключенныхъ, уничтоженіе системы шпіонства, неприкосновенность жилища, свободу печатнаго слова, уничтоженіе цензуры, право свободного выѣзда за границу — короче, всѣ привилегіи, какими пользуются граждане свободныхъ странъ.

Далѣе султана заставили удалить отъ себя своихъ фаворитовъ и главныхъ совѣтниковъ, включая сюда и ненавистнаго всѣмъ личнаго секретаря султана, Изеть-пашу, стараго араба-астролога, Абдула-Ганду, Ташинъ-пашу и Измаила-пашу, основателя отвратительной системы военнаго шпіонства. Камарилья, едва не погубившая Турцію, была теперь сломлена и разсѣяна. Изеть и еще нѣсколько лицъ, приобрѣвшихъ такую же печальную извѣстность, бѣжали въ Англію и другія мѣста, къ счастью для себя, такъ какъ, оставшись, они были бы, вѣроятно, разорваны на куски обезумѣвшей чернью и раздѣлили бы, такимъ образомъ, судьбу гнуснаго Фехима-паши. Но младотурки, какъ я уже указывалъ, несмотря на горячую ненависть, которую многіе изъ нихъ должны были питать къ жестокимъ мучителямъ и измѣнникамъ, дѣйствовавшимъ, какъ послушныя орудія въ рукахъ деспота, воздержались, тѣмъ не менѣе, отъ мести; возмездіе миновало этихъ людей. Наказанія налагались только въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовало благо страны. Нѣсколько худшихъ министровъ временъ тиранніи были частью заключены въ Военномъ Управленіи, частью подвергнуты домашнему аресту на островѣ Принкино (въ Мраморномъ морѣ), гдѣ находятся лѣтнія резиденціи многихъ богатыхъ турокъ. Кой-кто попалъ подъ судъ и присужденъ былъ къ

уплатѣ украденныхъ казенныхъ суммъ. Всѣ остальные получили полное прощеніе, и когда константинопольская чернь начала заниматься ловлей людей, признанныхъ бывшими шпионами правительства, и отводить ихъ въ тюрьму при Военномъ Управленіи, то Комитетъ, слову котораго всѣ повиновались, поспѣшилъ запретить такія проявленія чрезмѣрнаго усердія. Съ другой стороны, всякаго, кто хотѣлъ пользоваться этою мягкостью для того, чтобы строить реакціонныя козни, постигала суровая кара. Напримѣръ, Измаилъ-паша, тотъ самый, который ввелъ систему военнаго шпионства, по очень вѣскимъ основаніямъ былъ застрѣленъ въ декабрѣ 1908 г. на улицѣ Константинополя молодымъ офицеромъ.

Комитетъ призналъ, что одной изъ первыхъ его задачъ является окончательное умиротвореніе Македоніи. Въ весьма короткій промежутокъ времени онъ успѣшно и безъ кровопролитій совершилъ это. Нѣкоторую трудность представляли одни греки, но греческіе епископы, священники и вожди четь поняли въ концѣ концовъ, что младотурки не потерпятъ никакихъ глупостей съ ихъ стороны, и что симпатіи Европы будутъ не съ ними, если они станутъ противодѣйствовать новому режиму. Поэтому уже черезъ короткое время послѣднія греческія четы сложили оружіе, и въ первый разъ за столько лѣтъ въ Македоніи наступилъ миръ. Британское правительство, признавая, что эта страна не нуждается больше въ европейскомъ вмѣшательствѣ, отказалось отъ соглашенія съ Россіей, послѣдовавшаго за свиданіемъ въ Ревелѣ, оказавъ, такимъ образомъ, младотуркамъ довѣріе, за которое они были чрезвычайно признательны. Младотурки высоко цѣнили симпатію, которую проявили къ нимъ англичане. Для англичанина, путешествовавшаго по Турціи въ то время, пріятно и лестно было видѣть искреннее дружественное отношеніе къ себѣ турецкаго населенія.

Одно дѣло — произвести революцію, но совершенно другое — попробовать править страной и успокоить ее послѣ того, какъ успѣшная революція смела прочь старый порядокъ. Младотурки показали, что они достаточно умны для того, чтобы видѣть свои слабыя стороны. Среди нихъ мало людей, сколько-нибудь свѣдущихъ въ дѣлѣ управленія, въ государственныхъ финансахъ и въ дипломатіи, поэтому они рѣшили использовать прежній правитель-

ственный механизмъ. Они удалили самыхъ обезславленныхъ высшихъ чиновниковъ, но удержали всѣхъ болѣе способныхъ и честныхъ министровъ, провинціальныхъ губернаторовъ и прочихъ чиновниковъ, даже если это были наши старой школы, фанатики-мусульмане, ненавидѣвшіе все европейское, косившіеся на свободу и съ ужасомъ смотрѣвшіе на проектъ предоставленія одинаковыхъ правъ мусульманамъ и христіанамъ. Но за этими старыми слугами государства былъ установленъ бдительный надзоръ, и ихъ немедля изгоняли, какъ только они начинали пользоваться своею властью не согласно съ предписаніями Комитета или переставали честно держаться въ сторонѣ отъ реакціонныхъ интригъ. Такъ какъ большинство этихъ чиновниковъ искренно любили родину, хотя не всегда правильно понимали ея благо, то компромиссъ между ними и новымъ правительствомъ держался достаточно хорошо, пока не выработалась новая школа администраторовъ, принадлежащихъ къ младотурецкой партіи.

На высшій постъ управленія, т. е. на постъ великаго визиря назначались люди съ большимъ административнымъ опытомъ. Непосредственно послѣ подчиненія султана народной волѣ, тогдашній великій визирь Феридъ-паша и его министры, слишкомъ тѣсно связанные съ системою Гаида, должны были уйти. Но тремя великими визирями, послѣдовательно занимавшими постъ Фериды, были такіе люди, какъ Саидъ-паша, Кіамиль-паша и Хильми-паша—игравшіе въ свое время видную роль въ качествѣ слугъ государства при старомъ режимѣ, причемъ Саидъ и Кіамиль были уже нѣсколько разъ великими визирями. Саидъ-паша, первый великій визирь при новомъ режимѣ, былъ другомъ и совѣтникомъ султана—впадая отъ времени до времени въ немилость, какъ и всѣ прочіе—съ самаго начала его царствованія. Впервые онъ отличился, когда, будучи секретаремъ султана, помогъ своему господину свести на нѣтъ конституцію Мидхада-паша и лишить всякой власти Высокую Порту. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, уже въ качествѣ великаго визиря, онъ поощрялъ панъ-исламистскіе планы султана и содѣйствовалъ ему въ его стараніяхъ отобрать отъ турецкихъ христіанъ ихъ старыя привилегіи. Онъ показалъ себя прямымъ и энергичнымъ челоѣкомъ, а

придя въ преклонный возрастъ—измѣнилъ свои взгляды и призналъ недостатки той деспотической системы, въ созиданіи которой онъ самъ принималъ дѣятельное участіе, но онъ все-таки не подходилъ къ роли перваго министра конституціоннаго правительства, и неудивительно, что срокъ пребыванія его въ должности великаго визиря длился всего нѣсколько дней. Первый промахъ онъ совершилъ, исполняя императорское ирадѣ объ освобожденіи политическихъ заключенныхъ. Онъ рѣшилъ освободить всѣхъ заключенныхъ безъ различія и выпустилъ въ столицу въ это критическое время, сотни убійць и грабителей. Неизмѣнно бдительный Комитетъ, помня карьеру Саида, заподозрилъ, что онъ дѣйствуетъ такъ съ цѣлью вызвать въ городѣ беспорядки и такимъ образомъ повредить дѣлу младотурецкой партіи въ интересахъ реакціонеровъ. Недѣлю спустя было сдѣлано открытіе, ускорившее кризисъ. Саидъ, редактируя проектъ главныхъ пунктовъ конституціи, который султанъ, въ знакъ своего согласія, долженъ былъ подписать, измѣнилъ одинъ параграфъ такъ, что назначеніе военнаго и морского министровъ стало зависѣть отъ султана, а не отъ великаго визиря, какъ гласила конституція Мидхада. Оставить власть надъ арміей въ рукахъ султана, значило довѣрять его слову больше, чѣмъ это считалось возможнымъ младотурками. Поэтому Комитетъ, какъ стражъ съ такимъ трудомъ добытой свободы народа, отдалъ приказаніе, которому надо было повиноваться. Саидъ подалъ въ отставку, а его военный и морской министры, въ видѣ предупредительной мѣры, были тотчасъ же посажены подъ арестъ.

6-го августа 1908 года Кіамиль-паша былъ назначенъ великимъ визиремъ и получилъ разрѣшеніе самому выбрать себѣ министровъ. Изъ членовъ министерства Саида онъ удержалъ только двухъ: шейхъ-уль-ислама и министра иностранныхъ дѣлъ. Назначеніе Кіамиля-паши встрѣтило всеобщее одобреніе. Способный, твердый и патриотъ, съ безупречнымъ прошлымъ, онъ былъ persona grata для людей всякой вѣры и всякаго происхожденія; это былъ самый популярный государственный дѣятель Турціи. Онъ всегда былъ стойкимъ другомъ Англій и имѣлъ въ той странѣ многочисленныхъ друзей. Любезная поздравительная телеграмма, посланная королемъ Эдуардомъ VII по случаю назначенія Кіамиля, произвела силь-

ный эффектъ и много способствовала упрочненію дружественныхъ отношеній между обѣими странами.

Кіамиллю теперь около восьмидесяти семи лѣтъ. Въ продолженіе своей долгой карьеры этотъ умный старикъ показалъ себя недоступнымъ подкупу и ненавистникомъ всего продажнаго и безнравственнаго, защитникомъ справедливости, сторонникомъ реформъ, но умѣренныхъ: онъ не желалъ навязывать народу радикальныхъ перемѣнъ, до которыхъ этотъ послѣдній еще не дозрѣлъ; это человѣкъ обширныхъ познаній, свободный отъ фанатизма и дружественно относящійся къ европейцамъ, несмотря на свою готовность защищать родину отъ непрошеннаго вмѣшательства въ ея внутренній дѣла, котораго съ такимъ эгоизмомъ помогались нѣкоторыя державы, преслѣдуя исключительно свои интересы и стараясь погубить Турцію.

За шесть мѣсяцевъ до революціоннаго взрыва Кіамиль занималъ важный постъ вали въ провинціи Андлнъ, главный городъ которой, Смирна, является коммерческимъ центромъ Леванта. За тринадцать лѣтъ своего управленія Кіамиль приобрѣлъ довѣріе и уваженіе людей всѣхъ классовъ своей справедливостью и плодотворной дѣятельностью. Но камарилья всегда ненавидѣла каждаго справедливаго и честнаго человѣка, и во Дворцѣ начались противъ него интриги. Его ложно обвинили въ сношеніяхъ съ малоазіатскими разбойниками; было отдано тайное распоряженіе объ его арестѣ, и въ Смирну отправился особый пароходъ, чтобы отвезти его въ ссылку на Родосъ. Во времена деспотизма изгнанники долго не жили; капитанъ фонъ Гербертъ, помѣстившій въ *Fortnightly Review* описаніе всего инцидента (изъ этого описанія я кое-что заимствовалъ), самъ видѣлъ порусинный мѣшокъ, въ которомъ собиравался выбросить Кіамили за бортъ во время путешествія—официальный отчетъ, несомнѣнно, объявилъ бы всему міру, что Кіамиль умеръ отъ морской болѣзни. Но Кіамиль, къ счастью, узналъ о готовящемся арестѣ, послѣдшилъ 12-го января въ Британское Консульство Смирны и укрылся тамъ подъ защитой британскаго флага. Консулъ охотно взялъ его подъ свое покровительство и снесся по телеграфу съ Лондономъ. Сэръ Эдуардъ Грей распорядился оказать пашѣ защиту, потому что онъ, какъ уроженецъ Кипра, имѣлъ право

требовать ея отъ британскаго правительства. Консульство окружила полиція и шпіоны, а за всѣми пароходами въ порту установлено было тщательное наблюденіе, но, несмотря на всѣ принятые мѣры, Кіамиллю удалось проскользнуть на паровой катеръ, принадлежавшій одной извѣстной банкирской фирмѣ, и благополучно попасть на бортъ нѣмецкаго парохода, отправлявшагося въ Стамбуль.

Пароходъ прибылъ въ свое время на мѣсто назначенія, британскій посланникъ поручился, что Кіамиль получить аудіенцію у султана, на которой не будетъ никого изъ придворной камарильи. Паша высадился въ столицѣ, отдавая себя, такимъ образомъ, во власть деспота—для этого надо было имѣть много мужества: пусть читатель вспомнитъ судьбу Мидхада и другихъ. Кіамиль дѣйствительно получилъ частную аудіенцію у султана, смѣло высказалъ свой взглядъ на недостатки его правленія и нарисовалъ картину той гибели, которая угрожаетъ Оттоманской имперіи, а также низость и испорченность окружавшихъ Повелителя лицъ. Камарилья, однако, до самаго конца сохранила свое зловерное вліяніе, хотя, повидимому, не рѣшалась развязаться съ человѣкомъ, номинально находившимся подъ покровительствомъ Англіи. Кіамиль не исчезъ таинственнымъ образомъ. Онъ держался вдали отъ общественныхъ дѣлъ и спокойно жилъ въ своемъ константинопольскомъ домѣ—несомнѣнно, подъ бдительнымъ надзоромъ шпіоновъ—до тѣхъ поръ, пока увѣнчавшаяся успѣхомъ революція не поставила его снова во главѣ управленія.

Въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ новаго режима, въ продолженіе того критическаго періода, когда конституція извнѣ и изнутри угрожала враги, и когда даже независимость имперіи находилась въ опасности—турецкій государственный корабль благополучно обходилъ всѣ опасныя мѣста подъ управленіемъ Кіамиля, великаго визиря, дальновидная и осторожная политика котораго значительно укрѣпила положеніе Турціи. Его министрами—въ числѣ ихъ находился одинъ армянинъ и одинъ грекъ—были люди, стоявшіе по своимъ личнымъ качествамъ вполне на высотѣ призванія; они положили много труда на реформы своихъ отраслей управленія. Кіамиль оказалъ своей родинѣ большія услуги, и Турція имѣетъ полное основаніе быть ему признательной; но и онъ послѣ

шестимѣсячнаго пребыванія на посту великаго визиря долженъ былъ по предписанію Комитета подать въ отставку, правда, не бросившей никакой тѣни на его доброе имя; здѣсь, какъ и съ его предшественникомъ Саидъ-пашой, непосредственной причиной кабинетскаго кризиса былъ вопросъ о назначеніи военнаго и морскаго министровъ — вопросъ, къ которому я еще вернусь въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Хильми-паша, преемникъ Кіамиля по должности великаго визиря, тоже дѣятель стараго режима. Я уже говорилъ о томъ, какъ онъ держалъ себя въ Салоникахъ въ послѣдніе дни деспотизма, когда Комитетъ грозилъ предать его смерти. Когда никому еще и въ голову не приходило, что Хильми можетъ сдѣлаться великимъ визиремъ, о немъ мнѣ оворили какъ о честномъ и способномъ человѣкѣ съ сильнымъ характеромъ и незапятнаннымъ именемъ, нѣсколько фанатичномъ и мало сочувствующимъ христіанскимъ элементамъ населенія. Находясь передъ революціей въ Салоникахъ въ качествѣ намѣстника, онъ слѣдовалъ инструкціямъ, даннымъ ему Дворцомъ, и сколько могъ противился реформамъ въ Македоніи, введенія которыхъ требовали великія державы, хотя обязанностью его было, очевидно, наблюденіе за ихъ выполненіемъ. Но противодѣйствіе иностранному вмѣшательству отнюдь не являлось въ глазахъ младотурокъ тяжкимъ преступленіемъ. Хотя Хильми былъ на службѣ у деспотизма, его симпатіи, однако, лежали на сторонѣ реформаторовъ, которые оказали ему довѣріе.

Итакъ, вначалѣ младотурки поставили во главѣ управленія не передовыхъ реформаторовъ, не честолюбивыхъ людей изъ своей собственной среды, но опытныхъ дѣятелей стараго режима, которые, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, служили достаточно хорошо, а при случаѣ умѣли даже не допускать поспѣшныхъ необдуманныхъ перемѣнъ. И въ другихъ отношеніяхъ младотурки обнаружили свою умѣренность и благоразумный оппортунизмъ. Для нихъ нѣтъ ничего болѣе ненавистнаго и страшнаго, чѣмъ иностранное вмѣшательство, такъ какъ оно приносило имперіи только одно зло, но они совершенно свободны отъ всякихъ анти-европейскихъ тенденцій, и, всѣми силами стараясь сбросить гнетъ равныхъ капитуляцій и другихъ путъ, наложенныхъ державами

на оттоманскую независимость, они въ то же время радужно встрѣчаютъ помощь европейцевъ, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла. Такъ, по просьбѣ турецкаго правительства, Франція командировала въ Турцію знатока финансоваго дѣла г. Лорана (M. Laurent), чтобы оказать содѣйствіе въ реорганизациі государственнхъ финансовъ и въ установленіи менѣе разорительныхъ способовъ взиманія податей, а изъ Англии туда же отправился г. Крофордъ (Mr. Crawford), чтобы руководить реорганизаціей таможенныхъ сборовъ. Турція просила также — и эта ея просьба была исполнена — о командированіи одного англійскаго генерала и нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ, которые помогли бы ей возсоздать флотъ, пришедшій въ полный упадокъ при Гамидѣ; баронъ фонъ-деръ-Гольцъ (Golz), который уже прежде принесъ турецкой арміи столько пользы, облеченъ въ настоящее время полномочіями, которыя ему дадутъ возможность довести ее до высокой степени совершенства. Младотурки, заботясь о развитіи богатыхъ естественныхъ силъ страны, пригласили изъ Франціи отличныхъ инженеровъ, чтобы руководить веденіемъ работъ по орошенію и выполненію другихъ полезныхъ проектовъ.

Въ то время какъ высшіе чиновники все еще вербуются изъ лучшихъ дѣятелей стараго режима, почти всѣ люди, принадлежащіе къ чиновничеству и занимающіе низшія ступени административной лѣстницы, сдѣлались, какъ я уже указывалъ, сторонниками Комитета Единенія и Прогресса еще за нѣкоторое время до революціоннаго взрыва. Большинство ихъ, при господствовавшей тогда системѣ управленія, вынуждены были дополнять свое жалкое жалованье, которое, къ тому же, рѣдко выдавалось во-время и сполна, беря бакшишъ и разными способами обкрадывая государство. Этотъ общій грѣхъ всего чиновничества былъ ненавистенъ многимъ изъ тѣхъ, кто вынужденъ былъ слѣдовать установившемуся обычаю, чтобы доставить пропитаніе себѣ и своимъ семьямъ. Каждый чиновникъ зналъ, что далеко не все, взятое съ народа въ формѣ податей, тратится на благо страны, но что бѣольшую часть этихъ денегъ забираетъ себѣ дворцовая клика; вполне поэтому естественно, что никто не упускалъ случая принять участіе въ дѣлежѣ. Но въ частныхъ своихъ дѣлахъ турки являются однимъ изъ са-

мыхъ честныхъ народовъ въ свѣтъ, а взглядъ общества на испорченность правительственныхъ служащихъ подвергся со времени революціи замѣчательному измѣненію. Газеты проповѣдывали честность въ общественныхъ дѣлахъ, а служащіе государства начали понимать, что впредь злоупотребленія казенными суммами не будутъ уже бить по карману дворцовую клику, какъ это было до сихъ поръ, а стануть опустошать казначейство любимой родины, которая крайне нуждается въ деньгахъ, чтобы возродиться и усилить свою защиту отъ страшныхъ враговъ, угрожавшихъ ей цѣлости. Я уже говорилъ о патріотахъ-чиновникахъ Салоникъ, которые рѣшили не требовать выдачи недоданнаго жалованья въ виду затруднительнаго положенія страны. Я убѣдился, что такого же рода гражданская доблесть повела къ удивительному сокращенію взяточничества въ различныхъ отрасляхъ управленія. Мнѣ приходилось слышать утвержденія, что турки не могутъ измѣнить своей природы, и что турецкіе чиновники какъ были всегда взяточниками, такъ вѣчно ими и останутся, все равно, будетъ ли образъ правленія деспотическимъ или конституціоннымъ. Но вѣдь это же можно бы было съ такой же степенью основательности утверждать и о нашей, англійской администраціи въ Индіи, или даже объ администраціи самыхъ Британскихъ острововъ всего нѣсколько поколѣній тому назадъ. Народъ, который состоитъ изъ людей, горячо любящихъ родину и, какъ частныя лица, честныхъ, имѣетъ все шансы придти къ надлежащей моральной оцѣнкѣ поступковъ, нарушающихъ общественные интересы. Японцы, которые, будучи патріотами не меньше турокъ, не отличаются торговой честностью, считаютъ, что залузить руку въ казенныя деньги гораздо хуже, чѣмъ обмануть частнаго человѣка; но Японія — единственная страна, достигшая этого высокаго этическаго уровня.

XVII.

Результаты австрійской аннексіи. — Интриги реакціонеровъ. — Паника въ столицѣ. — Бунтъ дворцовой гвардіи. — Селямликъ. — Главная квартира Комитета въ Константинополѣ. — Нѣкоторые члены Комитета.

Въ планъ настоящаго сочиненія не входитъ разсмотрѣніе тѣхъ международныхъ осложненій, какія послѣдо-

вали за революціей. Достаточно будетъ сказать, что произведенная Австріей въ началѣ октября аннексія Босніи и Герцеговины едва не нанесла смертельный ударъ турецкой партіи реформъ. Повторилась старая исторія: властолюбивая христіанская держава, опасаясь, какъ бы реформированная Турція не оказалась сильной Турціей, коварно вставляла ей палки въ колеса и старалась помѣшать вступить на путь прогресса. Дѣйствія Австріи подали реакціонерамъ надежду возвратить прежній порядокъ вещей, и они не упустили удобнаго случая. „Эти младотурки“, говорили они теперь народу, — „взбунтовались противъ падишаха, выставляя своимъ лозунгомъ сохраненіе цѣлостности имперіи, а теперь — посмотрите! Послѣ того, какъ они захватили власть, первымъ дѣломъ произошло полное отторженіе отъ Турціи Босніи и Герцеговины, затѣмъ болгары провозгласили себя независимыми, и наконецъ, началось сепаратистское движеніе на Критѣ!“ Эти доводы производили большое впечатлѣніе на невѣжественныхъ людей, виновшихъ за все случившееся реформаторовъ и требовавшихъ другихъ правителей, достаточно сильныхъ, чтобы защитить Турцію отъ ея внѣшнихъ враговъ.

Реакціонеры не останавливались ни передъ чѣмъ и готовы были вовлечь свою родину въ бѣдственную войну, если этимъ можно было вернуть деспотизмъ. Эксъ-шиюны и другіе реакціонеры устраивали демонстраціи въ пользу войны съ Австріей въ нѣкоторыхъ столичныхъ мечетяхъ; они ночью расклеивали по улицамъ воззванія, побуждавшія мусульманъ къ нападенію на христіанское населеніе; вездѣ, гдѣ только можно, они старались вызвать беспорядки, чтобы дискредитировать власть младотурокъ, какъ ведущую къ анархіи. Но младотурки знали, что сохраненіе мира съ сосѣдями и полного порядка внутри страны является для нихъ вопросомъ жизненной необходимости, и проявили твердость, которая въ скоромъ времени сдѣлала ихъ положеніе еще болѣе прочнымъ, чѣмъ прежде.

Первымъ долгомъ, желая держать въ страхѣ реакціонную партію и ненадежныхъ солдатъ Ильдиза, они ввели въ столицу внушительное количество македонскихъ войскъ, вѣрныхъ конституціи, на которыхъ можно было положиться, что они сурово подавятъ всякій мятежь.

Это же войско употреблялось для охраны города и поддержания порядка на улицах; всѣ собранія реакціонеровъ разгонялись, а агитаторы попадали въ заключеніе.

Старанія реакціонеровъ произвели, все-таки, нѣкоторое дѣйствіе. Въ теченіе довольно продолжительнаго періода времени въ Константинополѣ царило нервное, напряженное настроеніе, а разные инциденты заставляли жителей-христіанъ трепетать въ ожиданіи какой-то грядущей опасности. Этихъ грековъ, армянъ, левантинцевъ и другихъ христіанъ, которыхъ многовѣковой гнетъ сдѣлалъ боязливыми по природѣ, охватила прямо эпидемія паники, разражавшейся ежедневно по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Такъ, однажды, когда я проходилъ по Большому Базару Стамбула, мнѣ пришлось стать свидѣтелемъ слѣдующаго инцидента, показавшаго, до какой степени встревожено все населеніе: неожиданно появился человекъ съ револьверомъ въ рукѣ, убѣгавшій отъ гнавшейся за нимъ полиціи, и понесся во весь духъ по кишашимъ пародомъ переулкамъ Базара. Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать панику. Съ быстротою молніи разнеслась вѣсть, что мусульманская чернь, подстрекаемая софтами, начала, наконецъ, христіанскую рѣзню. Зрѣлище, дѣйствительно, было необыкновенное. Мужчины и женщины блѣднѣли, ломали себѣ руки, рыдали и причитали, и всѣ въ ужасѣ спѣшили укрыться въ домахъ. Люди бѣжали въ свои и чужія лавки, запирали двери, закрывали ставнями окна, и въ нѣсколько мгновеній оживленный рынокъ сталъ пустъ и тихъ, какъ городъ мертвыхъ; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока ни пріѣхалъ Сами-паша, министръ полиціи, и не успокоилъ перепуганныхъ торговцевъ-грековъ и армянъ. Выяснилось, что причиной этой общей паники было намѣреніе одного продавца контрабанднаго табаку убѣжать отъ солдатъ, посланныхъ арестовать его.

Слѣдующимъ утромъ изъ одного конца города въ другой пронесся ужасный слухъ о томъ, что вторая дивизія императорской гвардіи, квартировавшая недалеко отъ Ильдиза, устроила по наущенію и подъ руководствомъ реакціонеровъ бунтъ и ведетъ сейчасъ кровопролитный бой съ конституціонными войсками изъ Салоникъ. Факты были сильно преувеличены, но инцидентъ самъ по себѣ имѣлъ огромное значеніе. Вторая дивизія император-

ской гвардіи, численностью въ семь тысячъ человѣкъ, включая сюда преданныхъ государю тѣлохранителей-албанцевъ, занимала караулы по сосѣдству съ Ильдизомъ. Эти войска, предводительствуемыя офицерами, вышедшими изъ ихъ же рядовъ, и оберегавшія особу султана, всегда были въ особой милости и сильно избалованы; ихъ была дисциплина слаба, а вѣрность конституціи сомнительна. Вслѣдствіе этого, военный министръ, уполномоченный недавнимъ праде въ ближайшемъ будущемъ отправить избалованную часть войскъ въ какую-нибудь часть имперіи, рѣшилъ постепенно удалить изъ Константинополя нѣсколько батальоновъ этой дивизіи и замѣнить ихъ лойяльными, хорошо дисциплинированными войсками изъ Салоникъ. Въ первую голову пошли два батальона гвардіи Ильдиза, которымъ, къ большому неудовольствію солдатъ, приказано было отправиться въ далекую Аравію, не сулившую ничего хорошаго, въ Геджась и Іемень, гдѣ они были бы безсильны сдѣлать что-нибудь въ ущербъ младотуркамъ. Восемьдесятъ-восемь солдатъ, которымъ оставалось служить подъ знаменами всего на всего три мѣсяца, потребовали себѣ немедленнаго увольненія и отпуска на родину. Не получивъ удовлетворенія, они рѣшили устроить бунтъ и, выйдя изъ казармъ, открыли огонь по салоницкимъ войскамъ, которыя пришли замѣнить ихъ. Тѣ отвѣчали выстрѣлами же, убили трехъ сержантовъ изъ числа бунтовщиковъ и ранили нѣсколькихъ рядовыхъ. Остальные сдались и были обезоружены. Командиръ гвардейскаго корпуса вызвалъ тогда нѣсколько гвардейскихъ полковъ, построилъ ихъ четырехугольникомъ, обратился къ нимъ съ краткой рѣчью, гдѣ заявилъ, что правительство, вознамѣрившись улучшить положеніе всѣхъ турецкихъ солдатъ, будетъ, однако, строго наказывать за каждое нарушеніе дисциплины. Затѣмъ внутрь четырехугольника были введены бунтовщики, изъ которыхъ многіе просили уже помилованія, крича, что ихъ сбили съ пути другіе; имъ командиръ сказалъ, что ихъ будутъ судить военнымъ судомъ. Впослѣдствіи зачинщики бунта были разстрѣляны. Императорская гвардія и раньше неоднократно уже обнаруживала такой же непокорный духъ, но трусливое начальство всегда сквозъ пальцы смотрѣло на самыя вопіющія нарушенія дисциплины и уступало тре-

бованіямъ солдатъ. Быстрыя и рѣшительныя мѣры, принятія на этотъ разъ военнымъ министромъ, прекратили въ самомъ началѣ то, что могло разростись въ серьезный мятежъ, и принесли успокоеніе напуганному гражданскому населенію. Всѣ сознавали, что людямъ, облеченымъ властью, не время обнаруживать слабость.

Дворцовымъ войскамъ данъ былъ, такимъ образомъ, хорошій урокъ, а Комитетъ Единенія и Прогресса для большаго упроченія своего положенія позаботился разбить императорскую гвардію на мелкія части и разсѣять ихъ по разнымъ концамъ имперіи. Сверхъ того, онъ принудилъ удалиться изъ арміи генерала, командовавшаго второю дивизіей, личнаго друга султана; команда же была передана офицеру, въ вѣрности котораго конституціи Комитетъ былъ увѣренъ. Приняты были мѣры также къ тому, чтобы и въ остальные полки Ильдиза ввести болѣе подходящихъ офицеровъ. Комитетъ выказалъ твердое намѣреніе быть верховнымъ распорядителемъ. Онъ послалъ въ тюрьму генерала, командовавшаго кавалерійскою гвардейскою дивизіей, и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ за агитацію противъ предполагавшейся замѣны тѣхъ офицеровъ, которые выслужились изъ нижнихъ чиновъ, такими, которые окончили военную академію; другіе офицеры изъ гарнизона Ильдиза были сурово наказаны за попытку вызвать неудовольствіе солдатъ въ интересахъ реакціонной партіи. Комитетъ снискалъ удивленіе и довѣріе всѣхъ здравомыслящихъ людей, разумно, умѣло и на благо страны пользуясь своей огромной властью.

Любопытно было побывать въ Константинополѣ въ это критическое время, наблюдать замѣну стараго порядка вещей новымъ, видѣть, какъ конституціонный образъ правленія съ каждымъ днемъ развивается на вашихъ глазахъ. Здѣсь въ нѣсколько дней совершились перемѣны, потребовавшія въ другихъ странахъ цѣлыхъ столѣтій. Каждый могъ созерцать старое и новое, стоящее другъ противъ друга въ рѣзкомъ контрастѣ; можно было, какъ это я сдѣлалъ въ первую пятницу послѣ военнаго бунта, присутствовать утромъ на селямликѣ, а послѣ обѣда посѣтить главную квартиру Комитета Единенія и Прогресса; сдѣлать это значитъ перенестись, точно на машинѣ времени Уэльса, изъ среднихъ вѣковъ въ XX столѣтіе.

Каждый туристъ, посѣтившій Константинополь, при-

сугтвсвалъ на селямликѣ, этой торжественной процессіи, проходящей каждую пятницу, когда султанъ ѣдетъ изъ Ильдиза въ мечеть Гамидіе; церемонію эту много разъ описывали. Въ ту пятницу эта церемонія представляла особенный интересъ и могла навести на нѣкоторыя размышленія. Я присоединился къ толпѣ иностранцевъ, стоявшей у воротъ Ильдиза и ожидавшей появленія процессіи. Отсюда, съ вершины высокаго холма, открывался прекрасный видъ, образуя великолѣпный фонъ для предстоящей торжественной церемоніи. На переднемъ планѣ, на разстояніи двухсотъ ярдовъ или около того, находится сама бѣлая мечеть; направо тянутся возвышенности, на которыхъ расположена Цера, ниже лежитъ сверкающій Босфоръ, а за нимъ вырисовываются окутанныя туманомъ горы Азіи,—отлично гармонирующіе со всѣмъ остальнымъ задній планъ сцены.

Ожидая появленія султана, можно было видѣть много любопытнаго: все растущую толпу мусульманъ въ живописныхъ костюмахъ, послѣдовательное прибытіе полковъ съ колеблемыми вѣтромъ знаменами, скопленіе войскъ вдоль узкой ленты дороги и далѣе на открытомъ пространствѣ. Этотъ разъ было выведено количество войскъ больше чѣмъ обыкновенно: около восьми тысячъ человекъ. Послѣ церемоніи, во время парада, они продефилировали мимо дворца, у окна котораго стоялъ султанъ и принималъ ихъ салюты. Я видѣлъ, какъ ко дворцу двигались войска всѣхъ родовъ оружія: грозно смотрѣвшая пѣхота въ красныхъ фескахъ и синихъ мундирахъ; артиллерія, кавалерія, моряки и саперы. Здѣсь были воска со всѣхъ концовъ Оттоманской имперіи, включая сюда гордыхъ и преданныхъ албанцевъ преторіанской гвардіи, одѣтыхъ въ бѣлые мундиры по образцу ихъ національнаго костюма съ повѣшенными у талии внушительными ятаганами, и арабскія войска, въ ихъ оригинальныхъ мундирахъ и зеленыхъ тюрбанахъ; всѣ они казались тѣмъ, чѣмъ въ дѣйствительности являются—столь же грознымъ войскомъ, какъ и всякое другое войско міра, надлежащимъ образомъ обученное и руководимое. Какъ знаменіе времени, первый полковой оркестръ по прибытіи своемъ началъ играть не національный гимнъ, а „Маршъ Свобода“, сложенный специально для войскъ новаго режима; звуки этого марша врядъ ли могли придтись по вкусу кой-кому въ стѣнахъ Дворца.

Наконецъ, муэдзинъ съ минарета мечети протяжно прокричалъ призывъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, и процессія, выйдя изъ дворцовыхъ воротъ, медленно двинулась внизъ по дорогѣ, между двумя рядами войскъ, ко входу въ мечеть; приближеніе султана возвѣщалось звуками трубъ и крикомъ солдатъ: „Подишахимъ чокъ яма!“ (да здравствуетъ императоръ!). Я не буду описывать эту хорошо извѣстную сцену. Тамъ были, по обыкновенію, офицеры въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, высшіе правительственные и дворцовые чиновники, среди которыхъ можно было видѣть нѣсколькихъ, уцѣлѣвшихъ со времени стараго режима, но ни одного изъ тѣхъ недостойныхъ орудій угнетенія и жестокостей, ни одного изъ порочныхъ совѣтниковъ, разорившихъ свою родину (которые, къ счастью, всѣ исчезли, частью бѣжавъ отъ народнаго гнѣва въ Англію, частью находясь подъ строгимъ надзоромъ на островѣ Принкипо, и частью попавъ подъ арестъ въ е-раскиратъ *); медленно выступали осѣдланныя лошади, въ закрытыхъ экипажахъ ѣхали закутанныя въ бѣлое дамы Дворца, со скрещенными руками шли непріятные черные евнухи, но не такіе наглые, какъ прежде, и несомнѣнно трепетавшіе за свое будущее при новомъ режимѣ, который уничтожилъ ихъ зловредное вліяніе. Наконецъ, сопровождаемый конными гвардейцами, въ открытой коляскѣ, съ великимъ визиремъ противъ себя, показался глава мусульманскаго міра, номинальный владыка Оттоманской имперіи, самъ султанъ Абдуль-Гамидъ, съ невозмутимымъ лицомъ принимавшій салюты и стройные привѣтственные возгласы своихъ полковъ. Каждый зритель зналъ, что въ этой процессіи онъ видитъ лишь тѣнь того, отъ чего только что освободилась Турція; каждый чувствовалъ, что вся эта пышность есть не что иное, какъ просто внѣшняя оболочка того, что уже умерло.

Въ тотъ же день послѣ полудня я посѣтилъ главную квартиру младотурецкой партіи въ Стамбулѣ. Пересѣкнувъ Золотой Рогъ по Галатскому мосту и оставивъ за собой занутаные переулки Большого Базара, я направился по тихой улицѣ, имѣвшей неособенно изящную внѣшность, и вошелъ въ обыкновенный ничѣмъ особымъ не отличавшійся домъ, почти лишенный внутри всякаго убранства;— это и было то мѣсто, гдѣ временно собирался Комитетъ

*) Т. е. зданію военнаго министерства.

Единенія и Прогресса, дѣйствительный правитель Оттоманской имперіи. Здѣсь не было и слѣдовъ ни пышности, ни церемоній; можно было подумать, что находишься въ конторѣ какого-нибудь бойкаго архитектора третьеразряднаго лондонскаго предмѣстья. Въ одной комнатѣ непринужденно собирались члены организаци, обсуждали дѣла и дѣлали тѣ предложенія, которымъ послѣ должны были повиноваться министры. Въ другихъ комнатахъ множество людей ожидало своей очереди быть принятыми членами Комитета; были также комнаты, гдѣ можно было вести продолжительныя бесѣды, какъ это бывало со мной нѣсколько разъ, съ учтивыми младотурками, охотно дававшими всякаго рода свѣдѣнія объ этомъ удивительномъ движеніи, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, разглашать которыя считалось неудобнымъ.

Я убѣдился, что эти молодые мусульмане, освободители Турціи, совершенно не соотвѣтствуютъ обычному представленію о заговорщикахъ и революціонерахъ. Все это были хорошо воспитанные и разсудительные люди, проницательные и энергичные, съ огонькомъ рѣшительности и большихъ надеждъ въ глазахъ, обнаруживавшихъ ихъ энтузіазмъ, выбивавшійся изъ-подъ ихъ турецкой сдержанности и флегмы. Чѣмъ ближе знакомился я съ младотурками, тѣмъ большее впечатлѣніе производилъ на меня ихъ патріотизмъ, ихъ благородство и искренность. Въ партіи имѣются, конечно, и черезчуръ самоувѣренныя шовинисты, но она состоитъ главнымъ образомъ изъ людей, богато одаренныхъ здравымъ смысломъ, какъ это показала міру ихъ умѣренность послѣ побѣды, ихъ полное такта руководство правительствомъ дезорганизованной страны и умѣніе сохранить порядокъ во всѣхъ частяхъ имперіи при наличности огромныхъ трудностей всякаго рода.

Всѣ члены Комитета Единенія и Прогресса, съ которыми мнѣ случалось приходиться въ соприкосновеніе, какъ въ столицѣ, такъ и въ Салоникахъ, какъ военные, такъ и штатскіе,—всѣ представляютъ собой людей просвѣщенныхъ, большинство которыхъ путешествовали по Западной Европѣ, учились тамъ и восприняли все, что есть лучшаго въ западной культурѣ. Среди штатскихъ членовъ Комитета находятся люди, которые выдвинулись бы во всякой странѣ; таковы Ахметъ-Риза, много лѣтъ глав-

ный парижскій организаторъ младотурецкаго движенія и теперешнїй предсѣдатель палаты; далѣе профессоръ Джавидъ-бей, затѣмъ Аассимъ-бей, энергичный редакторъ „Шура-и-Умметъ“, официальной органа Комитета, игравшїй крупную роль въ дѣлѣ подготовки революціи, въ Салоникахъ; Рами-бей, зажиточный житель Салоникъ, долго бывшїй въ изгнаніи; онъ потомокъ воинственныхъ сарацинъ, отнявшихъ Фессалонику отъ римлянъ пять вѣковъ тому назадъ. Военные члены Комитета, офицеры штаба, частью окончили военныя школы въ Турціи, частью получили образованіе во Франціи и Германіи; большинство, такъ же какъ и штатскіе члены, говорятъ на иностранныхъ языкахъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ люди вродѣ полковника Фанкъ-бея и Энверъ-бея, теперь турецкаго народнаго героя. Въ Комитетъ входитъ также способнѣйшїй артиллерійскїй офицеръ Турціи, генераль Гассанъ-Риза-паша, нѣкоторымъ образомъ мой старый прїятель, потому что, какъ я узналъ, разговорившись съ нимъ, во время греческой войны онъ находился въ эпирской арміи, и это были его пушки, подъ неособенно прїятнымъ огнемъ которыхъ я былъ при оригинальной, но довольно безобидной греческой арміи на высотахъ Арты, и однажды едва не былъ убитъ одной изъ его гранатъ.

XVIII.

Комитетъ приготовляетъ страну къ самоуправленію.— Конгрессъ Комитета въ Салоникахъ.— Соображенія въ пользу сохраненія Комитета.— Избраніе тайнаго Центральнаго Комитета.— Идеаль грековъ.— Важность верховенства мусульманъ.— Избирательная кампанія Комитета.— Пропаганда посредствомъ театра.

Въ періодъ междуцарствія наиболѣе важной задачей лежавшей передъ Комитетомъ Единенія и Прогресса и заставившей его сильно безпокоиться довольно долгое время, являлась подготовка страны къ предстоящимъ общимъ выборамъ членовъ новаго турецкаго парламента. Такъ внезапно дать представительныя учрежденія невѣжественнымъ оттоманскимъ массамъ, тридцать лѣтъ страдавшимъ подъ гнетомъ худшаго изъ деспотизмовъ, было,

конечно, довольно таки опаснымъ экспериментомъ. Конечно, понадобилось бы много времени, чтобъ растолковать крестьянамъ, что при новомъ порядкѣ податное обложеніе будетъ уже не тѣмъ, чѣмъ было при старомъ, что доставляемые народомъ деньги пойдутъ на реорганизацію и развитіе страны, т. е. на его же благо. До сихъ поръ народъ зналъ о податяхъ лишь то, что ихъ выколачиваютъ изъ него для обогащенія правящей клики, что Константинополь поглащаетъ огромныя суммы, собираемыя со всѣхъ частей имперіи, и что для народа дѣлается страшно мало. Поэтому представляло значительныя трудности убѣдить населеніе, что обложеніе можетъ быть введено для его же собственной пользы. Вотъ нѣсколько строкъ изъ статьи, появившейся въ то время въ одной константинопольской газетѣ: „Убѣжденія здѣсь ничему не помогутъ: разговорамъ должны предшествовать дѣла. Пусть будутъ немедленно начаты общепользныя работы: постройка шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ, сооруженіе гаваней, проведеніе оросительныхъ каналовъ и т. д. Пусть организуютъ полицію. Пусть войска въ провинціяхъ получаютъ свое жалованье, и пусть они будутъ такъ же хорошо одѣты и экипированы, какъ въ столицѣ“. Когда народъ увидитъ всѣ эти перемѣны, такъ для него выгодныя, то у него, несомнѣнно, мало-по-малу исчезнетъ его глубокое недовѣріе ко всему, связанному съ управленіемъ государствомъ, и онъ убѣдится, что возможенъ такой порядкокъ вещей, когда все, отцанное имъ въ уплату податей, вернется къ нему, во много разъ увеличившись, въ формѣ разнаго рода полезныхъ нововведеній. Послѣ того какъ выборы совершились, было установлено, что очень много болѣе бѣдныхъ и болѣе невѣжественныхъ крестьянъ, несмотря на то, что они, какъ плательщики податей, имѣли право голоса, воздержались, однако, отъ осуществленія своего права, такъ какъ заподозрили, что требуемая регистрація какимъ-нибудь образомъ связана со взиманіемъ новыхъ податей.

Такимъ образомъ, люди, съ предвзятымъ недовѣріемъ относившіеся ко всякой формѣ правленія и полные невѣжды въ элементарныхъ экономическихъ представленіяхъ неожиданно увидѣли себя въ положеніи свободныхъ избирателей представительнаго учрежденія. Многіе ожидали предстоящаго открытія парламента съ серьезными опасеніями.

Выказывать такого рода соображенія теперь—непозволительная ересь, но осенью 1908 года, когда результаты выборовъ были еще сомнительны, трудно было удержаться отъ мысли о томъ, что лучше бы было, пожалуй, оставить управление страной еще на нѣкоторое время въ рукахъ министерства, назначеннаго младотурецкой олигархіей, и не предоставлять самоуправленія народу до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ до нѣкоторой степени надлежащимъ образомъ воспитанъ предлагаемыми ему предметными уроками хорошаго управления—уничтоженіемъ взяточничества, реформами государственныхъ учреждений, благоденствіемъ, принесеннымъ разореннымъ областямъ и мудрыми затратами на общественно полезныя сооруженія.

Но было рѣшено, что парламентъ соберется въ возможно близкомъ будущемъ. Комитетъ Единенія и Прогресса энергично принялся обучать избирателей обязанностямъ гражданина, объяснять имъ, что представляетъ собою конституціонный образъ правленія и пользоваться своей широко раскинутой организаціей въ цѣляхъ обезпеченія такого сильнаго представительства своихъ кандидатовъ въ нижней палатѣ, чтобы контроль за дѣйствіями правительства снова перешелъ въ руки Комитета. Младотурки были слишкомъ умны, чтобы переоцѣнивать свои силы и не видѣть лежавшихъ передъ ними трудностей и опасностей. Они знали, что реакціонеры ведутъ свои интриги повсемѣстно и не упустятъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, если такой имъ представится. Младотурки оставались настороже, рѣшивъ не допустить, чтобы съ такимъ трудомъ завоеванная свобода была отнята у Турціи подобно тому, какъ это случилось въ 1878 году, и полагали, что даже если турецкій парламентъ совершенно не оправдаетъ возлагающихся на него надеждъ, то и это не должно повести за собою возвращенія деспотизма.

Было также признано, что младотурецкая организація не только не потеряетъ съ открытіемъ парламента *raison d'être*, но, напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо прежде будетъ необходима для охраны страны, и что ее потому надо сохранить на неопредѣленно долгое время, оставивъ въ ея рукахъ власть надъ арміей. Въ октябрѣ Комитетъ Единенія и Прогресса созвалъ въ Салоникахъ конгрессъ,

на которомъ были приняты мѣры къ усиленію и болѣе тѣсному внутреннему объединенію младотурецкой партіи. Конгрессъ постановилъ, что всѣ депутаты турецкаго парламента, избранные какъ кандидаты Комитета, должны обязаться поддерживать предложенную Комитетомъ программу во всѣхъ пунктахъ. Приняты были также предложенія относительно установленія болѣе тѣсной связи между Комитетомъ и арміей. На этомъ же конгрессѣ состоялось переизбраніе тайнаго Центрального Комитета, имена членовъ котораго не извѣстны никому за пределами организаціи; было рѣшено, что онъ не долженъ болѣе имѣть свою главную квартиру въ Салоникахъ, и засѣданія его не должны происходить въ Константинополь. Онъ не будетъ имѣть никакого опредѣленнаго или извѣстнаго мѣста. Повидимому, младотурки считали болѣе чѣмъ прежде необходимымъ соблюденіе строжайшей тайны относительно того, кто является дѣйствительными ихъ руководителями. За это время число членовъ Комитета значительно возрасло—присягу на вѣрность ему принесли около семи десятковъ тысячъ человекъ, семидесяти тысячъ лучшихъ представителей зрѣлаго возраста Оттоманской имперіи.

Въ результатъ избирательной кампаніи, предпринятой Комитетомъ Единенія и Прогресса, его кандидаты въ подавляющемъ большинствѣ вошли въ турецкую палату общинъ, вотируя, какъ одинъ человекъ, во всѣхъ болѣе важныхъ вопросахъ. Конституція предусматриваетъ образованіе сената или верхней палаты, состоящей изъ сановниковъ по назначенію султана. Комитетъ принялъ мѣры и къ тому, чтобы сенатъ не сдѣлался гнѣздомъ реакціи. Онъ представилъ султану списокъ лицъ, которыхъ Его Величеству пришлось соблаговолить назначить сенаторами. Конечно, парламентъ, главную массу членовъ котораго составляютъ люди, поклявшіеся повиноваться приказаніямъ тайнаго общества, невозможно считать идеальной формой управленія, но, несомнѣнно, это была лучшая изъ всѣхъ формъ для Турціи въ началѣ новаго режима, когда для самаго существованія имперіи необходимо было, чтобы сильная и патріотическая партія имѣла власть въ палатѣ общинъ и сомкнутымъ строемъ боролась съ врагами за границей и реакціонерами дома. Теперь не время, справедливо полагали патріоты, ни для

парламентскихъ преній, ни для возбужденія щекотливыхъ вопросовъ относительно будущаго положенія различныхъ народностей, съ ихъ враждебными другъ другу стремленіями, или для обсужденія проектовъ полной децентрализаціи, предлагаемой фангазерами-теоретиками, которые желали дать автономію всѣмъ народностямъ разноплеменной Турціи.

Турки были настоящими новичками въ политическихъ комбинаціяхъ, греки же имѣли уже достаточный навыкъ во всякаго рода избирательныхъ махинаціяхъ и твердо рѣшили получить, насколько возможно, большее избирательное представительство въ парламентѣ. Греки несомнѣнно держались того мнѣнія, что, являясь по преимуществу учеными и коммерсантами Турціи, они призваны занять въ ней первое мѣсто и стать въ управленіи страной выше всѣхъ другихъ элементовъ населенія. Комитетъ Единенія и Прогресса этого мнѣнія не раздѣлялъ; поэтому, подъ его руководствомъ, голоса мусульманъ, которыхъ поддержали армяне и евреи, обезпечили большинство въ парламентѣ за господствующей народностью.

Для Турціи большое счастье, что народъ, завоевавшій страну, сохраняетъ свое политическое верховенство и при конституціи. Положеніе было бы дѣйствительно опаснымъ, если бы голоса грековъ перевѣсили на выборахъ голоса мусульманъ. По всей вѣроятности, тогда послѣдовала бы новая революція, по уже не такая безкровная, какъ первая. Очевидно, что милліоны фанатически-настроенныхъ мусульманскихъ подданныхъ Порты въ Азіи, которые и безъ того съ большимъ подозрѣніемъ смотрятъ на конституцію, не потерпѣли бы, чтобы Калифъ, глава мусульманской церкви, долженъ былъ слушаться христіанскаго правительства. Нелѣпо также предположить, что младотурецкая партія и мусульманская турецкая армія свергли деспотизмъ для того лишь, чтобы вручить власть надъ страной тому племени, которое нѣсколько вѣковъ покорно склонялось передъ турками. Турки стоятъ на той непослѣдовательной, но вполне законной точкѣ зрѣнія, что всѣ оттоманы, къ какой бы народности они ни принадлежали и какую бы вѣру ни исповѣдывали, должны имѣть одинаковыя права, но должно въ то же время быть сохранено верховенство турокъ-мусульманъ. Это, быть

можетъ, нелогично, но съ этимъ согласится всякій здраво-мыслящій человѣкъ.

Соображенія и опасенія младотурокъ относительно исхода выборовъ слѣдующимъ образомъ выражены въ статьѣ, появившейся въ одномъ изъ ихъ столичныхъ органовъ. „Мусульманскій элементъ въ населеніи—единственный, которому дорога безопасность и цѣлостность имперіи. Остальные элементы преслѣдуютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, другія цѣли. Если мы теперь передадимъ управленіе въ руки не-мусульманъ, то можно ли предполагать, что они будутъ заботиться объ оттоманскихъ интересахъ, какъ о своихъ собственныхъ? Очевидно, слѣдовательно, что при настоящемъ положеніи вещей, если мы хотимъ сохранить наше національное существованіе, то должны удержать управленіе въ своихъ рукахъ и остерегаться, какъ бы другіе элементы не вырвали его у насъ. Изъ только что сказаннаго, однако, не слѣдуетъ выводиться, что мы намѣреваемся отказаться поставить другіе элементы въ одинаковое правовое съ мусульманами положеніе, т. е. что мы желаемъ лишить ихъ политическихъ правъ. Обезпечить за собою парламентское большинство есть для турокъ вопросъ жизни и смерти. Намъ не годится принимать за достовѣрное, что большинство въ парламентѣ обезпечено за турками по той причинѣ, что они составляютъ большинство населенія. Приходится съ сожалѣніемъ констатировать, что значительная часть мусульманъ, не сознавая всей важности выборовъ, не дала себѣ труда принять участіе въ голосованіи, и что тѣ, кто въ немъ участвовалъ, не пришли къ предварительному соглашенію другъ съ другомъ, а потому не могли послать въ парламентъ соразмѣрнаго числа депутатовъ. Интересно знать, что будемъ мы дѣлать, если депутаты—не-мусульмане составятъ въ Палатѣ большинство. Законы, принятые такой палатой, врядъ ли будутъ благопріятны для господствующаго элемента. Положимъ, на примѣръ, что греки имѣютъ въ оттоманскомъ парламентѣ значительное большинство, и что обсуждается вопросъ о присоединеніи Крита къ Греціи. Сколько греческихъ депутатовъ высказалось бы противъ такого присоединенія? А если бы большинство имѣли болгары, то что случилось бы съ Македоніей? Турки, завоевавшіе страну цѣною большихъ жертвъ, доказали, что по отношенію къ остальнымъ эле-

ментамъ они руководствуются принципами равенства, справедливости и свободы, но они не потерпятъ образованія государства въ государствѣ. Пусть наши соотечественники—немусульмане, желающіе жить съ нами въ мирѣ, какъ братья, спокойно и безпристрастно спросятъ свое сердце и свою совѣсть. Пусть у нихъ хватитъ духа выкинуть изъ головы все помыслы—если таковыя имѣются—клопяющіеся къ ущербу для турецкой власти, и пусть они безъ страха бросятся въ наши объятія. Имъ нечего бояться съ нашей стороны; отъ нихъ требуютъ лишь одного—дать намъ возможность вѣрить въ ихъ искренность. Но что бы ни говорилось, въ нашей странѣ турки всегда были и всегда будутъ господствующимъ элементомъ“.

Поэтому Комитетъ дѣятельно принялся за работу, съ цѣлью обезпечить перевѣсъ въ парламентѣ за своими единомышленниками. Своими кандидатами онъ избралъ лучшихъ людей, какихъ только могъ найти, пользующихся уваженіемъ населенія, большею частью интеллигентовъ-горожанъ и землевладѣльцевъ-помѣщиковъ; были приняты мѣры къ агитаціи среди избирателей, которымъ впервые предстояло осуществить свое новое право. По всей странѣ были разсланы пропагандисты, проповѣдывавшіе дѣло конституціи и опровергавшіе аргументы агентовъ реакціи. Комитетъ открылъ по деревнямъ особыя школы, гдѣ сообщались нужныя политическія свѣдѣнія. Особые ораторы говорили рѣчи внимательнымъ толпамъ на городскихъ улицахъ. Для распространенія политическихъ доктринъ пользовались даже и сценой; какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Салоникахъ я видѣлъ пьесы, написанныя со спеціальной цѣлью показать ужасы деспотизма и прелести свободы при конституціонномъ управленіи.

Однажды вечеромъ я зашелъ въ турецкій театръ въ Перѣ, гдѣ труппа любителей-младотурокъ, среди которыхъ было нѣсколько офицеровъ, а остальные либо недавно вышли изъ заключенія, либо вернулись изъ ссылки, представили патріотическую пьесу, озаглавленную „Пробужденіе Турціи“. Почти все дѣйствующія лица этой замѣчательной пьесы изображали собою хорошо извѣстныхъ людей—на программѣ стояли вымышленныя имена—креатуръ Дворца, реформаторовъ и другихъ; когда актеръ показывался на сценѣ, публика немедленно

узнавала его и принимала его или бурными аплодисментами, или криками и возгласами отвращения, смотря по тому, кого онъ изображалъ. Пьесу начинало нѣчто вродѣ пролога: „Сонъ паши“. Занавѣсъ поднялся и открылъ комнату, гдѣ на креслѣ сидѣлъ и спалъ сѣдобородый старикъ. Публика тотчасъ узнала въ немъ одну хорошо извѣстную жертву деспотизма. Паша спитъ и видитъ яркій сонъ, который развертывается теперь передъ нами. Задняя стѣна исчезла, и мы увидѣли внутренность роскошно обставленной комнаты въ Ильдизѣ. Въ пѣмой пантомимѣ были показаны нѣкоторыя злодѣянія разогнанной теперь камарильи. Здѣсь мы видѣли необыкновенно похожаго ненавистнаго всѣмъ секретаря султана, Иззеть-пашу, и если судить по приему, оказанному ему публикой, онъ въ своемъ домѣ въ Англии находится въ несравненно большей безопасности, чѣмъ въ Константинополѣ. Былъ тутъ и престарѣлый астрологъ султана, Абдуль-Гауда, и прочіе придворные фавориты. Приходили шпіоны со списками заподозрѣнныхъ реформаторовъ, отдавались распоряженія о казни или убіиетѣ. Но вотъ тираны, въ промежутокъ между однимъ кровавымъ дѣланіемъ и другимъ, захотѣли развлечься, и приказали отвратительнымъ, чернымъ и раболѣпнымъ евнухамъ привести красивыхъ армянскихъ танцовщицъ. Затѣмъ ввели молодого турка въ цѣняхъ и пытали его, тщетно добиваясь выдачи имъ своихъ сообщниковъ —потомъ онъ тутъ же былъ умерщвленъ придворнымъ палачемъ, на глазахъ своей жены, которая на колѣняхъ молила о помилованіи и обезумѣла отъ отчаянія, въ то время какъ безчувственные придворные фавориты, мелькомъ взглянувъ на кровавое зрѣлище, продолжали жадными глазами любоваться пляской рабынь-танцовщицъ.

Потомъ явился гонецъ съ какимъ-то извѣстіемъ, по видимому, очень важнымъ. Онъ открылъ ящикъ, который принесъ съ собою, и къ восторгу придворныхъ вынулъ изъ него окровавленную голову Мидхада-паши.

Затѣмъ видѣніе исчезло, кошмаръ паши кончился, и онъ проснулся. Глубоко взволнованный сномъ, онъ въ длинной рѣчи заявляетъ о своемъ намѣреніи бѣжать изъ Турціи въ Парижъ, чтобы принять тамъ участіе въ подготовкѣ революціи, которая должна спасти Турцію. Вошелъ его сынъ, съ радостью услышалъ о рѣшеніи паши

и согласился сопровождать его. Мѣстомъ дѣйствія самой пьесы является Парижъ. Мы видимъ, какъ въ турецкомъ посольствѣ французской столицы шпіоны составляютъ заговоръ, и какъ ихъ одурачиваетъ атташе посольства, тайный единомышленникъ младотурецкой партіи. Мы присутствуемъ при кончинѣ наши, который покинулъ жену и богатство ради блага родины, и который въ длинномъ монологѣ уговариваетъ сына неуклонно продолжать доброе дѣло. Затѣмъ насъ вели на мусульманское кладбище, гдѣ надъ останками погибшаго патріота произносилсь горячія рѣчи, и мы видѣли апоѳеозъ, когда ангелы несутъ его вверхъ, въ рай. Заключительная сцена изображаетъ какой-то торжественный обѣдъ въ турецкомъ посольствѣ, на которомъ пили много шампанскаго. Вдругъ вбѣгаетъ газетчикъ и подаетъ телеграмму, возвѣщающую о провозглашеніи конституціи. Въ этотъ моментъ падаетъ занавѣсъ и закрываетъ группу только-что пировавшихъ шпіоновъ, удрученныхъ теперь страхомъ и уныніемъ.

Это была тяжелая пьеса, состоящая преимущественно изъ длинныхъ и серьезныхъ монологовъ, пересыщенныхъ иногда вспышками мрачнаго юмора, но дѣйствіе на зрителей она произвела необыкновенное. Актеры, представлявшіе друзей свободы, произносили съ большимъ ораторскимъ талантомъ краснорѣчивыя рѣчи, въ которыхъ говорили о правотѣ своего дѣла, о прелестяхъ самопожертвованія за отечество. Они дѣлали со слушателями все, что хотѣли, потому что это были не просто искусные актеры, прочувствовавшіе свои роли, но люди, которые сами въ дѣйствительной жизни дѣлали и продолжали дѣлать то, что изображали на подмосткахъ. Публика ловила ихъ слова, горячо аплодировала патріотическимъ рѣчамъ и высказывала свое отвращеніе къ тиранамъ и жалость къ мученикамъ. На глазахъ многихъ изъ присутствовавшихъ дрожали слезы: имъ пьеса навѣяла, вѣроятно, печальныя воспоминанія. Публика почти исключительно состояла изъ турокъ-мусульманъ: солдатъ, студентовъ-богослововъ, ходжей въ тюбанахъ и другихъ. На болѣе дорогихъ мѣстахъ сидѣли офицеры арміи и флота, а въ ложахъ находились два близкихъ родственника султана.

XIX.

Программа младотурецкой партіи.—Необходимость сильной арміи.—Развитіе естественныхъ богатствъ Турціи.—Налоги.—Политическая программа Комитета Единенія и Прогресса.—Турецкій избирательный законъ.—Выборы.—Позиція грековъ.

За нѣкоторое время до начала выборовъ въ турецкій парламентъ, Комитетъ Единенія и Прогресса привился усиленно разъяснять свою программу народу, стараясь достигъ наиболѣе возможной полноты и понятности. На основаніи статей, появившихся въ партійныхъ газетахъ, а также бесѣдъ съ членами Комитета, всегда охотно на нихъ соглашавшихся, можно было составить довольно полное представленіе о цѣляхъ реформаторовъ. Названіе Комитета—„Единеніе и Прогрессъ“—хорошо эти цѣли характеризуетъ. Турцію надо сдѣлать сильной, свободной и уважаемой другими націями, во-первыхъ, посредствомъ *единенія*—единенія всѣхъ уроженцевъ Турціи, къ какому бы племени и къ какой бы религіи они ни принадлежали. Всѣ они должны получить равныя права. Ни одна вѣра не должна имѣть никакого преимущества. Младотурки заявили, что эта терпимость не будетъ имѣть чисто пассивнаго характера, но что тамъ, гдѣ у христіанскаго населенія нѣтъ церквей или школъ, тамъ они ихъ получаютъ за счетъ государства; въ этихъ школахъ будетъ допущено преподаваніе такихъ національныхъ языковъ, какъ албанскій и сербскій. Далѣе Турція обнаружитъ сильный *прогрессъ*—возрожденіе народа, энергію котораго подавилъ многолѣтній гнетъ, и возвращеніе благосостоянія обнищавшему населенію.

Распространится образованіе, и просвѣщенный народъ сумѣетъ использовать огромныя естественныя богатства страны.

Вмѣсто того, чтобы заниматься мечтаніями о неосуществимыхъ общественныхъ реформахъ, младотурки преслѣдуютъ самыя практическія цѣли. Они понимаютъ, что для существованія Турціи прежде всего необходимо, чтобы у ней была сильная армія, потому что иначе самый прогрессъ можетъ принести ей гибель, такъ какъ возбудитъ алчность тѣхъ ея сосѣдей, которые подѣлили уже между собою столько богатыхъ земель ея. Поэтому Тур-

ція, не имѣя ни малѣйшей охоты сѣять такъ, чтобы урожаи собирали другіе, твердо рѣшила создать армію, которая не уступала бы по мощи арміи любой изъ великихъ военныхъ державъ. Ради созиданія такой арміи турки готовы пойти на крупныя жертвы. Тѣ изытія отъ воинской повинности, которыми пользуются нѣкоторые города и области, будутъ постепенно уничтожены. Мусульманское населеніе не будетъ впредь одно вести на себѣ все бремя наборовъ, такъ какъ христіане тоже должны будутъ служить въ арміи. Одинъ турецкій генералъ, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать, высказалъ мнѣніе, что образованіе особыхъ христіанскихъ и особыхъ мусульманскихъ полковъ быть не должно, но въ каждомъ полку должны служить люди различныхъ религій. Греки, требующіе себѣ всѣхъ правъ оттоманскихъ гражданъ, но не желающіе брать на себя ихъ обязанности, горячо протестуютъ противъ проекта привлеченія ихъ къ военной службѣ.

Но Турція не можетъ содержать большую армію безъ денегъ, деньги же можетъ она получить только путемъ привлеченія иностраннаго капитала къ разработкѣ своихъ плодородныхъ земель и ихъ богатыхъ пѣдръ. При старомъ режимѣ придворныя интриги дѣлали ненадежнымъ всякое промышленное предпріятіе, и иностранцы капиталисты не желали рисковать своими деньгами въ странѣ, гдѣ право собственности такъ не обозначено. Но младотурки, вводя отвѣчающее своему назначенію управленіе, надѣются приобрѣсти тѣмъ самымъ довѣріе заграничныхъ предпринимателей. Они понимаютъ, что—такъ говорилось въ одной константинопольской газетѣ — „Турція не получитъ реформъ безъ денегъ, а денегъ безъ реформъ; для того, чтобы реформы произвести, ей необходимъ иностранный капиталъ, но иностранный капиталъ не пойдетъ въ нее до тѣхъ поръ, пока не будетъ достаточно гарантій тому, что реформы дѣйствительно будутъ выполнены, и что затраченныя деньги пойдутъ на дѣло, а не будутъ раскрадены и не пропадутъ непроизводительно, какъ это бывало при старомъ режимѣ“.

Въ теченіе избирательной кампаніи прессы младотурецкой партіи довольно детально изложила программу предполагаемыхъ наиболѣе необходимыхъ реформъ; конечно, особенно подчеркивалось уничтоженіе старой пи-

куда негодной системы управленія, при которой чиновники государственной службы, получая совершенно недостаточное вознагражденіе—часто задерживаемое цѣлыми годами—поневолю прибѣгали къ взяткамъ и бакшишу. Наиболѣе важными проектами младотурецкой партіи являются слѣдующіе: 1) сооруженіе нѣсколькихъ тысячъ миль шоссеиныхъ дорогъ; въ настоящее время нѣкоторыя желѣзнодорожныя линіи приносятъ мало пользы по той причинѣ, что нѣтъ дорогъ, по которымъ продукты производства окрестныхъ мѣстъ подвозились бы къ нимъ за недорогую плату; 2) сооруженіе четырехъ тысячъ километровъ желѣзнодорожнаго пути; ощущается настоящая нужда въ нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ, такъ какъ безъ нихъ не возможна разработка при помощи иностраннаго капитала огромныхъ минеральныхъ богатствъ страны; транспортныя затрудненія препятствуютъ развитію горной промышленности въ округахъ съ самыми богатыми подземными залежами; 3) приведеніе въ культурное состояніе тѣхъ округовъ въ вилайетахъ Салоницкомъ, Смирнскомъ и другихъ, которые раньше воздѣлывались и приносили урожаи; 4) сооруженіе коммерческихъ портовъ въ Дедѣ-агачѣ, Самсунѣ, Мерсинѣ и другихъ; 5) оросительныя работы въ Месопотаміи и другихъ мѣстахъ; въ Турціи есть тысячи квадратныхъ миль невоздѣланной земли, которой не достаетъ только искусственнаго орошенія, чтобы стать чрезвычайно производительной; 6) приглашеніе французскихъ инженеровъ, чтобы слѣлать судоходными Вардаръ, Марицу, Бояну и Кизиль-Ирмакъ; 7) учрежденіе инженернаго института, причемъ получившіе дипломы студенты должны посылаться въ Европу для пріобрѣтенія практическихъ знаній; 8) основаніе пароходныхъ, торговыхъ и промышленныхъ обществъ съ цѣлью содѣйствія обогащенію страны.

Въ планъ этой книги не входитъ разсмотрѣніе запутаннаго финансоваго положенія Турціи, которое, по словамъ людей компетентныхъ, все же не такъ неудовлетворительно, какъ можно предположить вначалѣ, но, конечно, должны быть превзойдены огромныя трудности, прежде чѣмъ Турція дѣйствительно вступить на путь прогресса. Старый режимъ оставилъ ей тяжелое бремя всякихъ обязательствъ, которыя мѣшаютъ теперь каждой

попыткѣ реформъ; эти препятствія можно удалить лишь при содѣйствии заинтересованныхъ державъ. Всякій разъ, когда предполагается принять какую-нибудь мѣру на благо Турціи, на сцену неизмѣнно появляется и налагаетъ запретъ та или иная капитуляція, та или иная привилегія какой-нибудь державы. Напримѣръ, Багдадская желѣзная дорога, съ ея километровой гарантіей, точно мельничный жерновъ виситъ на шеѣ у Турціи.

Младотурки видѣли, что для того, чтобы страна могла дѣйствительно возродиться и занять подобающее мѣсто въ средѣ державъ, необходимо значительно повысить государственные доходы, и притомъ какъ можно скорѣе. Что касается средствъ къ достиженію такого повышения, то въ дальнѣйшемъ читатель найдетъ сжатый обзоръ мнѣній, которыя я слышалъ отъ младотурокъ и другихъ людей, чье сужденіе имѣетъ вѣст. Прежде всего въ виду настроенія болѣе невѣжественныхъ избирателей, полагавшихъ, что при конституціи съ нихъ не будутъ требовать никакихъ податей, всякое увеличеніе прямыхъ налоговъ было крайне нежелательнымъ. Тѣмъ не менѣе, населеніе должно платить тѣ прямые налоги, какіе теперь существуютъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ введена какая-нибудь другая, лучшая система обложенія, причемъ необходимо заставить вносить налоги наравнѣ съ другими и лицъ, которымъ дониндѣ удавалось уклоняться отъ уплаты податей благодаря разнымъ незаконнымъ вліяніямъ и другими способами, — а уклонялись такимъ образомъ многіе.

Но если прямые налоги должны быть оставлены безъ измѣненія, причемъ реформа коснется только способовъ взиманія ихъ, то является необходимость искать новыхъ источниковъ доходовъ въ косвенномъ обложеніи. Прежде всего, ни одинъ предметъ, обложенный въ настоящее время косвеннымъ налогомъ, не долженъ отъ него освободиться, между тѣмъ какъ доходъ отъ нихъ значительно повысится благодаря административнымъ реформамъ. Было, напримѣръ, вычислено, что реорганизація турецкихъ таможенъ при содѣйствии англійскаго спеціалиста мистера Крофорда увеличитъ доходъ отъ таможенъ на двадцать пять процентовъ. Разсудительные люди въ Турціи рекомендуютъ не только сохранить всѣ существующіе таможенные тарифы и другіе косвенные налоги, но даже временно

увеличить ставки налоговъ этого рода, до тѣхъ поръ, пока Турція не выйдетъ изъ своего нынѣшняго труднаго финансоваго положенія; они высказываются вмѣстѣ съ тѣмъ въ пользу введенія нѣсколькихъ новыхъ монополій, чему, разумѣется, должны предшествовать улучшенія въ положеніи существующихъ табачной, соляной и другихъ монополій.

Многихъ экономистовъ одно упоминаніе о монополіяхъ приведетъ, вѣроятно, въ негодованіе, но политическая экономія не принадлежитъ еще къ числу наукъ точныхъ, и даже для самыхъ общепринятыхъ ея принциповъ существуетъ много исключеній. Турціи нужны деньги. Иностранный капиталъ, необходимый для развитія ея естественныхъ ресурсовъ, колеблется идти въ нее, выжидая времени, когда ему не придется ничѣмъ рисковать. Монополія даетъ гарантіи и какъ ничто болѣе привлекаетъ капиталистовъ. Англійскіе коммерсанты, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать въ Турціи, считаютъ предоставленіе монополіи на сравнительно короткіе сроки мѣрой выгодной для Турціи въ ея настоящемъ положеніи, потому что это насажденіе крупныхъ промышленныхъ предприятий не только дастъ работу и хлѣбъ множеству людей, но также—что особенно важно въ настоящій моментъ для Турціи—немедленно начнетъ приносить турецкому правительству, безъ всякихъ затратъ съ его стороны, значительный доходъ.

Время парламентскихъ выборовъ приближалось. Комитетъ Единенія и Прогресса обнародовалъ тогда свою политическую программу, которую должны были признать всѣ выставленные Комитетомъ кандидаты. Вотъ самыя важныя изъ требованій Комитета: кабинетъ министровъ является отвѣтственнымъ передъ Палатой Депутатовъ; турецкій языкъ остается официальнымъ языкомъ имперіи; всѣ народности имѣютъ одинаковыя права; не-мусульмане несутъ военную службу; срокъ военной службы сокращается; безземельнымъ крестьянамъ государство помогаетъ обзавестись землей, но не насчетъ помѣщиковъ; вводится вообще обязательное обученіе.

Чрезвычайно много интереснаго представляла собою Турція во время выборовъ, когда младотурки ревностно вели кампанію, добиваясь того, что они считали наиболѣе соответствующимъ благу родины, и когда населеніе до-

мало себѣ головы, размышляя надъ значеніемъ этого западнаго новшества, конституціи, и взвѣсивъ аргументы соперничающихъ кандидатовъ. Представители Комитета Единенія и Прогресса съ готовностью и большимъ терпѣніемъ разъясняли намѣренія партій каждой группѣ избирателей, приходившей къ нимъ за совѣтомъ; общая удовлетвореніе справедливыхъ требованій населенія, они, однако, не пробовали ловить голоса такими обѣщаніями, какія никогда не будутъ исполнены. Такъ, армяне, доказавшіе свою вѣрность конституціи и не докучавшіе невыполнимыми просьбами, потребовали, чтобы земли, отобранныя отъ армянъ курдами, были возвращены законнымъ владѣльцамъ; тогда Комитетъ, сознавая, что въ практической политикѣ необходимо распространить законъ о правѣ давности даже на грабителей и не желая прибавлять еще курдскаго вопроса ко всемъ тѣмъ и безъ того многочисленнымъ труднымъ вопросамъ, которые Турціи предстоитъ разрѣшить, далъ понять, что благоразумнѣе будетъ оставить безпокойнымъ курдамъ то, чѣмъ они овладѣли много времени тому назадъ, армянъ же вознаградить землей такого же качества въ когда-то производительныхъ областяхъ, остающихся теперь невоздѣланными и необитаемыми. Не могъ согласиться Комитетъ и на предложеніе арабовъ, желавшихъ, чтобы арабскій языкъ былъ разрѣшенъ для дебатовъ въ палатѣ депутатовъ. Христіанамъ всѣхъ толковъ Комитетъ обѣщаль, что никто не будетъ вмѣшиваться въ ихъ церковныя и школьныя дѣла, и что они безпрепятственно будутъ пользоваться своимъ языкомъ и слѣдовать своимъ законамъ о бракѣ и наследствѣ, но отказался обсудить вопросъ о полной административной децентрализаціи, т. е. предоставленіи автономіи каждой части имперіи.

Съ другой стороны, агенты реакціонной партіи — партіи тѣхъ, кто жирѣлъ при старомъ режимѣ отъ грабежа и со скорбью видѣлъ, что возможность прибыльныхъ злоупотребленій теперь уничтожена — не сидѣли сложа руки и старались повліять на избирателей, но почти не имѣли успѣха ни въ Европейской Турціи, ни въ Малой Азіи. Нѣкоторые неумные агитаторы, зараженные социалистическими ученіями Западной Европы, помогали дѣлу реакціонеровъ, сами того не вѣдая, выставивъ во время избирательной кампаніи лозунги: „Ни-

какихъ новыхъ налоговъ на народъ“ и „Долой всѣ монополіи“. Я уже говорилъ, что болѣе невѣжественные люди раздѣляли убѣжденіе, что послѣ низверженія стараго режима властей не будетъ больше вовсе. Когда младотурки просвѣтили ихъ на этотъ счетъ и объяснили имъ, что ихъ будутъ заставлять платить тѣ же подати, что и раньше, то они почувствовали нѣкоторое разочарованіе и склонны были слушать реакціонеровъ, которые говорили, что при конституціи имъ будетъ ничѣмъ не лучше, чѣмъ прежде, и что при старомъ режимѣ Турція была, по крайней мѣрѣ, мусульманскимъ государствомъ, при новомъ же порядкѣ вещей правленіе страной находится въ рукахъ плохихъ мусульманъ, христіанъ и евреевъ.

Въ Аравіи и другихъ частяхъ Азій усилія друзей стараго режима сопровождалось, какъ и слѣдовало ожидать, нѣкоторымъ успѣхомъ. Фанатики-арабы, до сихъ поръ не примирившіеся съ турецкимъ господствомъ, подъ вліяніемъ проповѣдей тѣхъ, кто обличалъ конституцію въ мечетяхъ, объявили, что турки, которые никогда не были усердными мусульманами, отступились теперь отъ главныхъ ученій ислама и стали еще хуже, чѣмъ ихъ союзники христіане и евреи.

Но среди остальныхъ народностей имперіи въ это время, въ первые мѣсяцы свободы, царилъ еще миръ, энтузіазмъ и братская любовь другъ къ другу; племенные и религіозныя распри, казалось, были забыты; каждому приходилось читать о выборахъ, гдѣ христіане голосовали за кандидатовъ мусульманъ или мусульмане за христіанъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ оптимистъ Хакибей сказалъ слѣдующее: „Въ нашемъ парламентѣ не будетъ турецкихъ, армянскихъ, греческихъ или еврейскихъ депутатовъ: всѣ они будутъ оттоманскими депутатами“. Если судить по внѣшнему виду, то можно было подумать, что идеаль младотурецкой партіи — объединеніе людей всѣхъ народностей и религій въ предѣлахъ имперіи — близокъ къ осуществленію и идетъ къ нему вѣрнымъ путемъ.

Турецкій избирательный законъ — въ настоящее время онъ пересматривается — такъ неопредѣленно указываетъ условія, дающія право голоса, что происходило множество недоразумѣній. Такъ, эпирскіе фермеры-греки

требовали себѣ избирательнаго права, котораго власть не признавала за ними на томъ основаніи, что они не являются плательщиками налоговъ, такъ какъ десятину уплачиваютъ не они, а владѣльцы арендуемой ими земли. Греки говорили, что разъ налогъ исчисляется не съ ренты, а съ производительности земли, то платятъ ихъ въ сущности сами фермеры, а потому они имѣютъ право на голосъ. Вопросъ о томъ, что дѣлаетъ человѣка въ глазахъ избирательнаго закона плательщикомъ налоговъ, заставилъ многихъ турецкихъ чиновниковъ ломать въ это время головы, въ особенности, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ какимъ-нибудь ловкимъ и искусно аргументирующимъ грекомъ, который твердо рѣшилъ всякими правдами и неправдами добиться голоса. Мнѣ передавали объ одномъ забавномъ случаѣ, когда власти допустили къ избирательному ящику въ качествѣ плательщика налоговъ одного человѣка, хотя тотъ въ доказательство этого своего званія могъ привести только то, что на плечахъ своихъ онъ имѣетъ пиджакъ изъ заграничнаго сукна, за которое — если только оно не пронесено контрабандистами — заплачены налоги въ видѣ таможенной пошлины, когда его везли черезъ турецкую границу. Во всѣхъ избирательныхъ участкахъ отъ Македоніи до Багдада кипѣла работа и пріятно напоминала англичанину объ его родинѣ; но было, однако, различіе въ настроеніи британцевъ и турокъ во время общихъ выборовъ. Напримѣръ, турецкіе избиратели, повидимому, нѣсколько болѣе взыскательны, чѣмъ наши; передавали, что въ Гумульджинѣ имамы, взявъ изъ мечетей священныя знамена, собрались въ сопровожденіи толпы магометанъ, тысячъ въ десять, передъ зданіемъ городского управленія и протестовали противъ назначенія парламентскими кандидатами „людей темныхъ и незнатныхъ“.

Наиболѣе существенныя черты существующаго избирательнаго закона состоятъ въ слѣдующемъ. Выборы производятся разъ въ четыре года. Каждый членъ парламента является представителемъ приблизительно пятидесяти тысячъ избирателей. Послѣдніе бываютъ двухъ классовъ: сначала группа изъ пяти сотъ (приблизительно) избирателей первого класса избираетъ одного избирателя второго класса (выборщика), затѣмъ эти избиратели второго класса назначаютъ кандидатовъ и производятъ выборы

прямо въ парламентъ. Избирательнымъ правомъ пользуются всѣ оттоманскіе подданные мужского пола, старше двадцати пяти лѣтъ, причеиъ они должны быть плательщиками прямыхъ налоговъ и прожить не менѣе года въ томъ округѣ, въ которомъ подаютъ голосъ, или же должны доставить отъ мухтара своего прежняго мѣста жительства свидѣтельство, удостовѣряющее, что они имѣютъ право голосовать; чиновники на государственной службѣ и офицеры арміи, начиная съ чина лейтенанта и выше, могутъ голосовать въ томъ избирательномъ округѣ, гдѣ окажутся въ моментъ выборовъ; солдаты въ отпуску подаютъ голоса въ своихъ собственныхъ округахъ. Избиратель лишается права голоса, если онъ осужденъ за уголовное преступленіе, или если онъ нерасплатившійся банкротъ, или репутація у него завѣдомо скверная, или онъ находится въ личномъ услуженіи, или заявилъ себя какой-нибудь другой, неоттоманской національности. Депутатомъ можетъ быть только тотъ, кому больше тридцати лѣтъ отъ роду, кто владѣетъ турецкимъ языкомъ и имѣетъ право голоса. Часть этихъ правилъ во время послѣднихъ выборовъ особенно строго не соблюдалась; такъ, напримѣръ, въ парламентъ вошли нѣсколько депутатовъ, не умѣющихъ говорить по-турецки.

Избирательный законъ налагаетъ суровыя наказанія на тѣхъ, кто употребитъ при выборахъ насиліе, застраиваніе или подкупъ. Согласно § 72 конституціи, карой за воздѣйствіе на избирателей путемъ распространенія ложныхъ свѣдѣній и клеветы является штрафъ въ сорокъ фунтовъ и тюремное заключеніе на срокъ отъ одного до пяти лѣтъ, въ зависимости отъ тяжести преступленія; такимъ образомъ, въ Турціи для сторонниковъ партіи было бы довольно опасно расклеивать по улицамъ афиши въ родѣ тѣхъ, какія производятъ немало вліянія во время общихъ выборовъ въ Англій. Другое любопытное правило—цѣль его предупредить мятежъ—предписываетъ избирателю немедленно возвратиться домой, какъ только онъ подастъ свой бюллетень. Избирателю вмѣняется также въ обязанность, прежде чѣмъ пойти къ урнѣ, помолиться подъ руководствомъ имама (или священника, если избиратель христіанинъ) о продленіи жизни султана и о прославленіи его имени.

Осенью 1908 года по всей Турецкой имперіи произошли

выборы. Турки, албанцы, греки, болгары, сербы, валлахи, армяне, евреи, арабы, сирійцы, курды, друзы—все они избрали депутатовъ въ Палату, представляющую такъ много народностей, интересовъ, вѣрованій, языковъ, что новый парламентъ Турціи сдѣлался бы, по всей вѣроятности, вавилонской башней съ пустыми рѣчами и круглымъ нулемъ въ результатѣ, если бы не побѣда, одержанная Комитетомъ Единенія и Прогресса въ Европейской Турціи и въ Анатолиіи и доставившая ему многочисленныхъ сторонниковъ въ другихъ частяхъ имперіи, побѣда, благодаря которой кандидаты Комитета составили въ Палатѣ значительное большинство.

Я былъ въ Константинополѣ во время выборовъ и видѣлъ много интереснаго и живописнаго. Въ ночь передъ подачей голосовъ въ турецкихъ кварталахъ столицы гремѣли большіе барабаны, напоминая избирателямъ, что долгъ ихъ, какъ хорошихъ гражданъ свободной страны, пойти завтра въ назначенныя мѣста и опустить свои бюллетени въ избирательные ящики. На слѣдующее утро огромный городъ имѣлъ чрезвычайно оживленный видъ. Образовались длинныя процессіи, чтобы нести съ подобающей церемоніей урны, или избирательные ящики, въ различныя мечети, греческія и армянскія церкви, синагоги, полицейскія участки и другія общественныя зданія, въ которыхъ должна была произойти подача голосовъ. Встрѣтившаяся мнѣ типическая мусульманская процессія была составлена такъ: спереди шелъ небольшой отрядъ пѣшихъ солдатъ; далѣе слѣдовала повозка, украшенная турецкими флагами; въ ней находилась избирательная урна и нѣсколько чиновниковъ; за нею двигалась пестрая мусульманская толпа избирателей и другихъ; въ этой толпѣ виднѣлись имамы, сопровождаемые студентами-богословами, воспитанники артиллерійской и морской академіи и множество счастливыхъ школьниковъ, изъ которыхъ выдѣлялась группа маленькихъ мусульманскихъ дѣвочекъ, закутанныхъ покрывалами, махавшихъ миниатюрными турецкими флагами и подвигавшихся впередъ мелкими шажками около высокихъ жандармовъ, которые замыкали процессію. Эта и другія процессіи, встрѣченныя мною, выступали по кишашимъ народамъ улицамъ подъ аккомпанементъ военной музыки, съ пѣніемъ патріотическихъ пѣсней, иногда громкими криками прославляя

свободу и справедливость и размахивая множеством флаговъ. Это были, вѣроятно, самыя мирныя и счастливыя выборныя демонстраціи, какія только видѣла какая бы то ни было страна. Не было слышно ни партійныхъ лозунговъ, ни другихъ проявленій партійныхъ настроеній; всѣ, казалось, слились въ одной мысли о благѣ своей родины и радовались ея освобожденію. У грековъ и армянъ происходили подобныя же процессіи, также съ военными отрядами во главѣ (ихъ власти послали по всѣмъ избирательнымъ участкамъ): тамъ также духовенство принимало значительное участіе. Во время одной манифестаціи, которую я видѣлъ въ Стамбулѣ, избиратели-турки и армяне соединились, и каждый могъ любоваться процессіей мусульманскихъ ходжъ и армянскихъ священниковъ, въ ихъ полномъ магометанскомъ и христіанскомъ облаченіи, мирно шествовавшихъ рука объ руку. Въ теченіе нѣкотораго времени въ этомъ городѣ, населенномъ людьми враждебныхъ племенъ и религій, повсемѣстно царили самыя лучшія, братскія отношенія. Если судить по внѣшности, то можно было подумать, что въ Турціи, впервые въ исторіи, утвердилось „братство“, этотъ лозунгъ всѣхъ революцій.

Но когда началась подача голосовъ, иллюзія разсѣялась, и стало ясно, что братства всѣхъ племенъ и религій въ Турціи еще нѣтъ. Турки, армяне, сирійцы и евреи подали свои бюллетени безъ всякихъ инцидентовъ, причемъ они нерѣдко голосовали за однихъ и тѣхъ же кандидатовъ. Но греки, которыхъ въ Константинополѣ, согласно заявленію Вселенскаго Патріарха, сто пятьдесятъ тысячъ, устроили много беспорядковъ, дѣйствуя по примѣру своихъ аеонскихъ братьевъ. Во многихъ мѣстахъ Турціи греки горько жаловались на неправильности, допущенныя, будто бы, при выборахъ въ ущербъ имъ, грекамъ; въ Смирнѣ и другихъ городахъ былъ поднятъ настоящій мятежъ. Столичные греки, протестуя противъ несправедливаго, по ихъ словамъ, отношенія къ себѣ, организовали шумныя демонстраціи, затянувшія выборы на нѣсколько дней долѣе, чѣмъ первоначально предполагалось.

Подача голосовъ началась въ пятницу, и сейчасъ же стало ясно, что греки идутъ на улицы съ цѣлью устроить беспорядки. Когда человѣка другой національности не

допускали къ избирательной уриѣ вслѣдствіе неправильностей въ его бумагахъ или другихъ препятствій, то онъ спокойно уходилъ, греки же въ подобныхъ случаяхъ оставались, протестовали и шумѣли до тѣхъ поръ, пока, скопившись цѣлой толпой, не загоразживали дороги къ урнамъ и такимъ образомъ сильно замедляли ходъ выборовъ. Слѣдующимъ утромъ вожаки грековъ бѣгали по Перѣ, собирая народъ и приказывая купцамъ-грекамъ заперать лавки, что тѣ немедленно исполняли. Другіе вбирались на колокольни при греческихъ церквахъ и трезвонили во всѣ колокола, созывая людей; вскорѣ главныя улицы были запружены возбужденной и шумной толпой. Принимая во вниманіе, что почти всѣ носили револьверы и ножи, можно только удивляться тому, что во время этой демонстраціи произошло очень немногое столкновеній. Власти приняли необходимыя мѣры предосторожности. Нѣкоторые пункты были заняты войсками, по улицамъ же расхаживали конные и пѣшіе патрули, ничѣмъ не вмѣшиваясь въ демонстрацію, но самымъ своимъ присутствіемъ устрашая демонстрантовъ, которые знали, какъ грозны эти солдаты, медленно идущіе мимо нихъ, молчаливые, спокойные и—казалось бы—совершенно равнодушные ко всему, что происходило вокругъ нихъ, составляя рѣзкій контрастъ съ разступавшеюся передъ ними шумной чернью. Въ воскресенье съ колоколенъ понесся опять призывный звонъ; тридцать тысячъ грековъ, собравшись въ Перѣ, отправились черезъ Галату, пересѣкли Золотой Рогъ по поитонному мосту и подошли къ зданію Высокой Порты, гдѣ потребовали, чтобы къ нимъ вышелъ самъ великій визирь, Кіамиль-паша. Этотъ престарѣлый сановникъ появился и объяснилъ имъ, что парламентъ не замедлитъ удовлетворить всѣ ихъ претензіи, если они докажутъ, что нарушенія избирательныхъ законовъ, на которыя они жалуются, дѣйствительно имѣли мѣсто; тогда эта толпа людей, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ боявшихся раскрыть ротъ, если поблизости находился какой-нибудь представитель страшнаго правительства, оскорбила Кіамиля-пашу, закричавъ, что имъ мало его словесныхъ утвержденій, и что онъ долженъ дать письменное обѣщаніе. Эта выходка, какъ и слѣдовало ожидать, заставила великаго визиря удалиться, и переговоры такимъ образомъ прервались. Нѣсколько времени

спустя пришлось пустить въ ходъ кавалерію и очистить ея улицы, но все-таки, какъ это ни странно, за день зарегистрировано было лишь двое раненыхъ, да и то легко. Войска проявили удивительную сдержанность и великолѣпно держались при условіяхъ, рассчитанныхъ на то, чтобы испытать ихъ терпѣніе.

Наблюдая негодованіе и горе грековъ, можно было предполагать, что съ ними поступили дѣйствительно несправедливо. На самомъ же дѣлѣ всѣ ихъ вопли были вызваны главнымъ образомъ досадой на неудачу, которую потерпѣлъ ихъ замыселъ получить въ парламентѣ больше мѣсть, чѣмъ они могли по своей численности. По ихъ убѣжденію греческій элементъ турецкаго населенія, какъ самый цивилизованный и культурный,—болѣе всѣхъ другихъ пригоденъ къ тому, чтобы править страной; въ то же время они, какъ истые греки, считаютъ хорошими всѣ средства, разъ они ведутъ къ намѣченной цѣли. Греки единственный народъ въ Турціи, знакомый съ выборными махинаціями; къ тому же въ этой кампаніи имъ помогали ловкіе и, разумѣется, абсолютно ни передъ чѣмъ не останавливавшіеся знатоки дѣла изъ Аѳинъ. Пользуясь темнотой низшаго класса мусульманскаго населенія, они получали голоса всевозможными обманными способами. Всѣ греки шли къ избирательнымъ урнамъ, безразлично, имѣли ли они право голоса или нѣтъ. Широко практиковалось преступное пользованіе чужими именами, какъ живыхъ, такъ и умершихъ людей. Въ Турціи избиратели допускаются къ подачѣ бюллетеня лишь послѣ того, какъ они предъявили свое *гамидіе*, т. е. офиціальныи документъ, удостовѣряющій оттоманскую національность владѣльца и содержащій дату его рожденія. Было обнаружено, что многіе греки, не имѣвшіе права голоса, имѣли гамидіе умершихъ людей, или людей, уѣхавшихъ за границу. Въ нѣсколькихъ случаяхъ, кромѣ того, тѣ печати, которыя налагались на гамидіе для помѣтки, что владѣлецъ его уже голосовалъ, искусно вытравлялись, и этимъ гамидіе могли, такимъ образомъ, пользоваться одно за другимъ нѣсколько лицъ.

Благодаря всѣмъ этимъ уловкамъ греки были бы представлены въ турецкомъ парламентѣ сильной группой, если бы Комитетъ Единенія и Прогресса не установилъ за ними тщательнаго наблюденія во время выборовъ.

Греки виноваты сами, если получили слишком мало мѣсть въ Палатѣ, меньше, чѣмъ соответствуетъ ихъ собственной численности (на это они теперь особенно жаждутся). Они принудили Комитетъ употребить на выборахъ все свое вліяніе, которое, будучи, въ сущности незаконнымъ, воишь, однако, оправдывается обстоятельствами. Недавно завоеванную свободу надо было во что бы то ни стало сберечь, а сберечь ее можно было только при помощи значительнаго большинства изъ патриотовъ-турокъ въ Палатѣ Депутатовъ.

Греки, богато одаренные административными способностями, перѣдко занимали при старомъ режимѣ высокія должности, какъ несомнѣнно будутъ занимать ихъ и при конституціонномъ правленіи; но въ цѣломъ, какъ народъ, они должны еще зарекомендовать себя лойяльными оттоманами. Во время выборовъ они думали исключительно о своихъ собственныхъ интересахъ. Со Вселенскимъ Патріархомъ во главѣ, они требовали сохраненія всѣхъ особыхъ преимуществъ, предоставленныхъ имъ со времени завоеванія страны турками. Мусульмане отказались отъ всѣхъ привилегій, греки же не пожелаали поступиться, ради блага страны, ни одной. Греки много толкуютъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, но цѣль у нихъ одна: обезпечить за собой господство надъ прочими христіанскими народностями; патріархъ, этотъ самый жестокій и нетерпимый изъ всѣхъ сохранившихся до сихъ поръ духовныхъ владыкъ міра, пользуется наступившей „свободой“ для усиленія гоненій на экзархистовъ и другихъ схизматиковъ. Въ рядахъ реакціонеровъ можно найти много грековъ, которымъ, какъ паразитамъ деспотизма, жилось раньше лучше. Въ то же время немало грековъ-турецкихъ гражданъ держатся до сихъ поръ своихъ сепаратистскихъ плановъ. Уже въ началѣ 1909 года македонскіе греки нарушили миръ, который младотурки припесли этой измученной безконечными кровавыми столкновеніями странѣ; снова появились многочисленные греческія четы, причемъ на этотъ разъ такому разбойничеству не было уже никакого оправданія въ бѣдственномъ положеніи людей: они домогались другихъ цѣлей,—между прочимъ, присоединенія Крита къ Греціи. Если бы великія державы пришли къ соглашенію и заявили бы прямо и опредѣленно, что ни въ какомъ случаѣ Греціи не будетъ

дозволено захватить хотя бы одинъ футъ оттоманской территоріи, то турецкіе греки могли бы сдѣлаться полезными гражданами объединеннаго государства, потому что они, какъ и всѣ другіе народы Европейской Турціи, предпочтутъ даже гамидовскій деспотизмъ владычеству Германіи, Австріи или Россіи.

XX.

Открытіе парламента.—Внутренняя неурядица.—Упреки по адресу Комитета Единенія и Прогресса.—Отставка Кіамилпаша.—Национальныя партіи въ парламентѣ.—Либеральный союзъ.—Измаилъ и Кіамаль-бей.—Кампанія противъ Комитета.—Реакціонныя интриги.—Испорченность нравовъ въ Константинополѣ.

17 декабря Абдуль-Гамидъ проѣхалъ по улицамъ столицы, закруженнымъ привѣтствовавшими его толпами, на открытіе турецкаго парламента. Церемонію эту много разъ описывали, и здѣсь нѣтъ нужды рассказывать о событіяхъ этого памятнаго дня. Въ ночь послѣ того я ѣхалъ по Дарданелламъ; по обѣ стороны, какъ на европейскомъ, такъ и на азиатскомъ берегу, каждый, даже самый маленькій городокъ, каждая деревня, даже флотиліи рыбачьихъ судовъ—все было ярко иллюминировано; уединенные дома фермеровъ по склонамъ снѣговыхъ горъ обозначались освѣщенными окнами; на многихъ пустынныхъ вершинахъ горѣли костры. Такъ выглядѣли всѣ берега Турціи, отъ Адриатики и Эгейскаго моря до Чернаго моря и Персидскаго залива. За днемъ ликованій слѣдовала такая же ночь; искренній энтузіазмъ былъ такъ заразителенъ, что у самыхъ мрачныхъ пессимистовъ не хватало духа говорить о будущемъ этой освобожденной страны иначе, какъ съ надеждой.

Послѣ этого зимняго дня прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ и слѣдовало ожидать, дѣла въ Турціи не шли совершенно гладко; появились извѣстія о внутреннихъ неурядицахъ, поразившія и встревожившія англійскихъ доброжелателей новаго режима. Что касается открытыхъ возмущеній противъ правительства, случившихся въ различныхъ частяхъ имперіи, то никто, вѣдь, и не думалъ, что провозглашеніе конституціи принесетъ ненарушимый

миръ безпокойнымъ народностямъ, воевавшимъ и нападавшимъ другъ на друга въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Полное умиротвореніе этихъ областей можетъ быть только дѣломъ долгаго времени. Не знающіе никакого закона албанскіе роды снова занимаются своимъ организованнымъ разбойничествомъ, даже въ томъ самомъ Дибрійскомъ округѣ, гдѣ Ниази-бей съ такимъ успѣхомъ велъ свою пропаганду. Сѣверные албанцы домогаются автономіи, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, когда я путешествовалъ по ихъ горной области. Въ то самое время, когда я пишу эти строки *), турецкія войска защищаютъ армянъ отъ нападеній свирѣпыхъ курдовъ. Возстанія фанатиковъ-арабовъ подавляются. Греческія четы опять мутятъ Македонію. Все это крайне ненормально, но при правительствѣ, въ которомъ твердость сочетается съ терпѣніемъ и справедливостью, такой порядокъ вещей не замедлитъ исчезнуть. Слѣдуетъ, къ тому же, замѣтить, что причиною нѣкоторыхъ изъ этихъ безпорядковъ является не политическое недовольство, а просто любовь къ войнѣ и грабежу. При стаомъ режимѣ возмущенія и набѣги были почти хроническимъ недугомъ государства. Въ настоящее время вниманіе всего міра обращено на Турцію, и поэтому событія, какія годъ тому назадъ прошли бы почти совершенно незамѣченными, теперь освѣщаются и обсуждаются европейской прессой, причемъ значенію ихъ, естественно, преувеличивается тѣми, кто о нихъ читаетъ.

Заго политическія несогласія среди самихъ турокъ — сильно за послѣднее время обострившіяся — кажутся друзьямъ Турціи гораздо болѣе серьезными, чѣмъ любое изъ этихъ возмущеній преступныхъ людей. Теперь не время патріотическимъ элементамъ раздѣляться и возставать другъ на друга; младотурки должны твердымъ, сомнѣнутымъ строемъ встрѣтить натискъ многочисленныхъ враговъ, покушающихся на свободу націи и цѣлость имперіи. Комитетъ Единенія и Прогресса, избавившій страну отъ деспотическаго гнета, имѣетъ въ странѣ враговъ, неразборчивыхъ на средства и опытныхъ интригановъ. Ненормальная позиція организаціи вызвала, естественно, упреки и со стороны честныхъ людей. Почти непосред-

*) Это было написано до контръ-революціи и той ужасной армянской рѣзни, которая за нею послѣдовала.

ственно за объявленіемъ конституціи не только турки—реакціонеры и враждебные младотурецкой партіи политики, но и европейскіе друзья Турціи, включая сюда извѣстныхъ британскихъ дипломатовъ и ту часть прессы, которая выражаетъ ихъ взгляды, начали утверждать, что Комитетъ, совершивъ свое дѣло, не имѣетъ болѣе своего *raison d'être* и долженъ быть немедленно распущенъ. Указывалось, что безотвѣтственный органъ власти позади парламента противорѣчитъ конституціоннымъ принципамъ, и что теперь, когда Турція имѣетъ представительное правленіе, Комитетъ, во главѣ котораго стоятъ никому неизвѣстные люди, представляетъ собою нелегальное, противозаконное учрежденіе.

Такого рода аргументы сильно отзываются юридическимъ педантизмомъ, который не хочетъ считаться съ обстоятельствами. Конечно, Комитетъ—организация нелегальная, какой онъ и былъ съ самаго своего основанія; онъ спасъ Турцію противозаконными способами, потому что никакая революція не можетъ быть въ согласіи съ закономъ; въ то же время явной неосторожностью было бы уже на другой день послѣ усѣбной революціи, когда смятеніе еще не улеглось, когда народъ не имѣетъ еще никакого представленія о томъ, какъ пользоваться своими новыми правами, когда новыя учрежденія именно благодаря свободѣ легко могутъ быть атакованы ловкими врагами, начать строго соблюдать все конституціонные обычаи и обрядности и распустить могущественную организацию, только-что ниспровергнувшую старый режимъ. Въдѣ и послѣ нашей англійской революціи Кромвель не колебался нарушать законъ, чтобы спасти дѣло. Если бы въ 1878 году существовалъ сильный Комитетъ Единенія и Прогресса и поддержалъ бы конституцію, соблюдать которую султанъ поклялся при своемъ вступленіи на престоль, то Турцію, быть можетъ, миновали бы эти тридцать лѣтъ деспотизма и потеря столькихъ земель.

Младотурки хорошо видѣли, сколько трудностей и опасностей лежитъ передъ ними. У только что освобожденнаго отечества было много враговъ. Въ числѣ ихъ находились тѣ великія державы, для которыхъ конституціонная свобода въ Турціи означала крушеніе ихъ плановъ собственнаго обогащенія и территориальныхъ увеличеній насчетъ Турціи, а также малыя пограничныя

державы, мечтающія о раздѣлѣ Македоніи; гораздо большую опасность представляли турецкіе реакціонеры, которые начали кампанію противъ конституціи непосредственно противъ ея провозглашенія, готовые воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы напасть на нее. Младотурки послѣ блестящей побѣды великодушно простили всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ худшихъ креатуръ Дворца, но это не сдѣлало остальныхъ пр зна- тельными имъ. Не менѣе серьезнымъ источникомъ опасности являлось также то обстоятельство, что младотурки, почти не имѣя въ своихъ собственныхъ рядахъ опытныхъ администраторовъ, удержали на службѣ тѣхъ высшихъ чиновниковъ стараго режима, которые не приобрѣли особенно дурной славы поборами и притѣвленіями. Нѣкоторые изъ нихъ—тайные враги новаго порядка вещей. Младотурки, поэтому, рѣшили оставаться насторожѣ и не допустить, чтобы отъ Турціи отняли ея молодую свободу. Какъ я уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, они полагали, что Комитетъ Единенія и Прогресса, далеко не теряющій *raison d'être* послѣ открытія парламента, будетъ еще болѣе чѣмъ прежде необходимъ для охраны страны, и постановили не распускать эту могущественную организацію, а сохранить ее, въ легальной или нелегальной формѣ, обезпечивъ ей поддержку со стороны арміи, до тѣхъ поръ, пока конституція не пуститъ прочныхъ корней. Таковы были ихъ оправданія, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ искренности этихъ объясненій рѣшенія младотурокъ.

Какъ можно заключить изъ того, что я сказалъ въ этой книгѣ, Комитетъ Единенія и Прогресса представляетъ собою отнюдь не маленькую группу патріотовъ. Когда я былъ въ Турціи, онъ насчитывалъ семьдесятъ тысячъ членовъ, но въ настоящее время (1909 г.) число ихъ достигло, вѣроятно, ста тысячъ. Въ Комитетъ входятъ всѣ лучшіе и наиболѣе патріотическіе образованные молодые мусульмане. Къ нему же теперь примкнуло много христіанъ, отбросившихъ свои пустыя сепаратистскія стремленія и не имѣющихъ теперь другого идеала, кромѣ блага Оттоманской имперіи, и много евреевъ, честно помогавшихъ младотуркамъ съ самаго начала. Когда осенью 1908 г. я былъ въ Турціи, то мнѣ казалось, что членами Комитета состоятъ почти всѣ люди, въ руки которыхъ было бы безопаснѣе всего передать руководство дѣлами имперіи.

Къ сожалѣнію, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Комитетъ Единенія и Прогресса создалъ себѣ множество враговъ даже среди тѣхъ кого невозможно обвинять въ реакціонныхъ тенденціяхъ. Комитетъ, несомнѣнно, сдѣлалъ нѣсколько необдуманыхъ и безтактныхъ шаговъ, которыми, какъ и вообще своимъ произвольнымъ, независимымъ образомъ дѣйствій, возстановилъ противъ себя многихъ; но нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что Комитетомъ руководили всегда самые чистые и патріотическіе мотивы, и что ошибки его обусловлены исключительно горячностью и неопытностью его членовъ. Не такъ давно я говорилъ съ нѣсколькими членами партіи, и всѣ они искренно вѣрятъ, что Комитетъ, заставивъ Кіамя-пашу покинуть въ февралѣ постъ великаго визира, имѣлъ къ тому достаточныя основанія; по ихъ мнѣнію, престарѣлаго дѣятеля сбили съ пути враги турецкой свободы, и онъ сталъ орудіемъ въ рукахъ реакціонеровъ. Трениа между Комитетомъ и великимъ визиремъ начались еще за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія парламента. Кіамя, паша старой школы, естественно тяготился вынужденнымъ подчиненіемъ Комитету и жаловался на то, что Комитету принадлежитъ вся власть, въ то время какъ вся отвѣтственность лежитъ на немъ. Комитетъ встревожилъ дружественныя отношенія Кіамя-паши къ Либеральному Союзу, оппозиціонной Комитету партіи. Комитетъ заподозрилъ реакціонное вліяніе, когда Кіамя отослалъ изъ Константинополя въ Македонію нѣсколько вѣрныхъ Комитету батальоновъ, поставивъ такимъ образомъ въ опасное положеніе, по мнѣнію младотурокъ, неприкосновенность конституціи. Кризисъ сталъ неизбеженъ, когда великій визирь, не посовѣтовавшись ни съ министрами, ни съ партіей, неожиданно отставилъ военнаго и морского министровъ, назначенныхъ Комитетомъ, и замѣнилъ ихъ другими. Младотурки считали дѣломъ первостепенной важности, чтобы контроль надъ арміей принадлежалъ исключительно лицамъ, къ которымъ они питали полное довѣріе; поэтому Комитетъ, добившійся въ свое время отставки Саид-паши изъ-за того, что этотъ послѣдній хотѣлъ передать назначеніе военнаго и морского министровъ въ руки султана, рѣшилъ настаивать на отставкѣ Кіамя-паши и дѣйствительно устроилъ ее, но прибѣгнувъ для этого къ такимъ крутымъ мѣрамъ, что популярность его,

т. е. Комитета, въ народѣ уменьшилась, врагя же его получили удобный предлогъ для нападокъ. Я не буду оставиваться на интригахъ, связанныхъ съ паденіемъ Кіамилля, скажу только, что главнымъ виновникомъ всего является, повидимому, собственный его сынъ Саидъ, недостойный человѣкъ, обогатившійся незаконными способами въ союзѣ съ разбойниками въ окрестностяхъ Смирны. Уже раньше онъ нѣсколько разъ компрометировалъ своими интригами своего престарѣлаго отца, единственнаго въ Турціи человѣка, который не вѣрилъ, что его сынъ въ чемъ-нибудь виноватъ. О преемникѣ Кіамилля на посту великаго визиря, Хильми-пашѣ, я уже говорилъ.

Комитетъ оправдывалъ свое требованіе отставки Кіамилля-паша и свои другія произвольныя дѣйствія, ссылаясь на необходимость защитить націю отъ реакціонеровъ, располагающихъ значительными силами. Эти реакціонныя силы дѣйствительно существуютъ, вопреки увѣреніямъ органовъ Либеральнаго Союза, которые всегда смѣялись надъ предположеніями о возможности реакціоннаго движенія и обвиняли Комитетъ въ изобрѣтеніи этого пугала для оправданія своего деспотическаго образа дѣйствій. Кіамиль-паша всегда былъ другомъ англичанъ, и отставка его отъ должности великаго визиря произвела—къ большому сожалѣнію младотурокъ—довольно нехорошее впечатлѣніе въ Англій, дружественныя отношенія которой патріоты-турки цѣнятъ больше, чѣмъ любой изъ остальныхъ странъ. Тѣ, кто полагалъ, что Комитетъ, какъ учрежденіе незаконное, долженъ быть распущенъ, замѣтно охладѣли на нѣкоторое время къ младотуркамъ, освободителямъ Турціи; объ этомъ охлажденіи нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ этотъ критическій періодъ младотурки, никогда прежде не вступавшіе на извилистый путь политики и имѣвшіе много шансовъ попасть въ хитро разставленныя для нихъ ловушки, болѣе чѣмъ прежде нуждались въ сочувствіи, помощи и добромъ совѣтѣ со стороны тѣхъ, кто могъ дать имъ это благодаря своимъ знаніямъ и опыту. Создалось же такое положеніе, на мой взглядъ, потому, что въ Англій не достаточно хорошо были знакомы съ младотурецкой точкой зрѣнія на вопросъ.

Кромѣ младотурецкой партіи, представленной Комитетомъ Единенія и Прогресса, въ Турціи въ настоящее время

существуетъ еще нѣсколько партій, исповѣдующихъ либеральные принципы. Въ парламентѣ сторонники Комитета образуютъ значительное большинство, но партіи, соперничающія съ младотурками, численно, быть можетъ, небольшія, и не считавшіяся заслуживающими вниманія, когда я былъ въ Турціи, проявили, однако, большую энергію въ дѣлѣ пріобрѣтенія сторонниковъ внѣ парламента и уже не представляютъ собою *quantité negligible*. Какъ ни противоположны онѣ одна другой по своимъ принципамъ, ихъ объединяетъ общая ненависть къ младотуркамъ, безъ самоотверженной борьбы которыхъ за свободу онѣ никогда не появились бы на свѣтъ. Младотурки, какъ я уже указывалъ, желали единства оттомановъ, — идеаль быть можетъ, недостижимый, но во всякомъ случаѣ возвышенный и благородный; велико поэтому было ихъ разочарованіе, когда немедленно послѣ созыва парламента всѣ депутаты, не единомышленники Комитета, раздѣлились на нѣсколько рѣзко очерченныхъ національныхъ группъ, часть которыхъ имѣла чисто социалистическія стремленія, часть мечтала о сепаратизмѣ.

Самая сильная изъ этихъ группъ, сложная партія, состоящая изъ мусульманъ, христіанъ и другихъ, называетъ себя „Либеральнымъ Союзомъ“. Въ то время какъ младотурки, включивъ въ свою программу уравненіе въ правахъ всѣхъ оттомановъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія, настаиваютъ, однако, на томъ, чтобы было сохранено верховенство турокъ-мусульманъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ сліянія различныхъ элементовъ населенія и отвергаютъ всякую административную децентрализацию, выходящую за извѣстные предѣлы — Либеральный Союзъ, напротивъ, возстаетъ противъ того, что онъ называетъ турецкимъ провинцизмомъ, и требуетъ такой полной децентрализации, какую младотурки считаютъ опасной для цѣлости имперіи. Такимъ образомъ, Либеральный Союзъ стоитъ за гомруль, за автономію отдѣльныхъ областей государства. Онъ получаетъ солидную поддержку со стороны греческаго элемента, и это, конечно, не особенно хорошо рекомендуетъ его тѣмъ, кто желаетъ объединенія всѣхъ оттомановъ. Само собою разумѣется, этой партіи щедро помогаютъ деньгами турецкіе купцы-греки, которые никогда не скупятся на пожертвованія на греческое національное дѣло, но трудно допустить, чтобы цѣлость Оттоманской

имперіи была въ ихъ рукахъ въ безопасности. Въ Комитетѣ Единенія и Прогресса вожди не выступаютъ открыто и остаются въ полной неизвѣстности: ихъ никто не знаетъ; порядки его не благоприятствуютъ развитію честолюбія въ его членахъ, и въ послѣднихъ отсутствуетъ стремленіе извлечь изъ общаго дѣла личную выгоду; этотъ принципъ устраненія личнаго элемента является въ извѣстной мѣрѣ источникомъ слабости Комитета въ Либеральномъ же Союзѣ такого принципа нѣтъ. Во главѣ его стоитъ албанецъ Измаилъ Кемаль-бей, пострадавшій въ свое время отъ деспотизма (онъ былъ въ ссылкѣ), человѣкъ выдающихся способностей и большого честолюбія. Онъ вышелъ изъ младотурецкой партіи изъ-за того, что ея принципы казались ему не достаточно либеральными, и основалъ свою собственную партію - Либеральный Союзъ, который является въ настоящее время злѣйшимъ и самымъ неразборчивымъ на средства врагомъ Комитета Единенія и Прогресса.

Органами Либеральнаго Союза была открыта газетная кампанія противъ Комитета. Они, между прочимъ, утверждали, что лучшіе люди давно ушли изъ Комитета, что такіе герои революціи, какъ Ніази-бей и Эиверъ-бей, оставили его съ омерзѣніемъ, что въ центрѣ Комитета проникли реакціонеры и эгоистичные авантюристы, которые теперь и руководятъ его политикой. Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго, что въ Комитетѣ дѣйствительно было допущено нѣсколько недостойныхъ людей; но я увѣренъ, что они не пользовались въ немъ никакимъ вліяніемъ, и думаю, что имъ не позволили оставаться тамъ далѣе, какъ только они показали себя такими, каковы они въ дѣйствительности. Когда осенью 1908 года я былъ въ Турціи, то убѣдился, что стать членомъ Комитета было отнюдь нелегко. Нѣсколько разъ случалось, что я, спросивъ у какого-нибудь члена, входитъ ли въ Комитетъ тотъ или другой нашъ общій знакомый, получалъ въ отвѣтъ, что хотя данное лицо выразило желаніе присоединиться къ Комитету, и хотя оно кажется подходящимъ человѣкомъ, однако Комитетъ не принялъ еще его, выжидая того времени, когда будетъ имѣть болѣе полныя о немъ свѣдѣнія. Въ то же время, вопреки увѣреніямъ органовъ Либеральнаго Союза, многіе лично мнѣ извѣстные члены Комитета, изъ числа наиболѣе

дѣятельныхъ и движимые, какъ ясно каждому, самымъ искреннимъ патріотизмомъ, до сихъ поръ не покинули Комитета и не потеряли вѣры въ него. Я имѣю также свѣдѣнія о томъ, что самоотверженные патріоты, которые подготовили и провели революцію, попрежнему состоятъ членами Комитета. Какъ Ниази-бей, такъ и Энверъ-бей рѣшительно отвергли тѣ слухи, которые распространялись относительно нихъ.

Тѣ младотурки, которые пишутъ мнѣ изъ Турціи, или съ которыми мнѣ приходится бесѣдовать въ Лондонѣ, единодушно описываютъ положеніе, какъ весьма серьезное, но считаютъ Комитетъ слишкомъ сильнымъ для его враговъ. Самъ султанъ, по ихъ словамъ, находится на сторонѣ младотурокъ и неодобрительно относится къ махинаціямъ Либеральнаго Союза. Они утверждаютъ, даѣе, что какіе бы либеральные принципы Либеральный Союзъ ни выставлялъ, онъ по своей политикѣ несомнѣнно реакціонеръ, имѣетъ въ своихъ рядахъ извѣстныхъ реакціонеровъ, а во главѣ его стоятъ эгоистичные политики, далеко не отличающіеся патріотизмомъ; многіе греки, оказывающіе теперь поддержку Либеральному Союзу, жили раньше грабежомъ, какъ паразиты стараго режима; для такихъ деспотизмъ лучше всякой конституціи; Либеральному Союзу, въ рядахъ котораго много необыкновенно ловкихъ и искусныхъ людей, удалось переманить на свою сторону немало членовъ младотурецкой партіи—включая сюда улемовъ и другихъ ревностныхъ приверженцевъ мусульманской религіи, пуская въ ходъ подходящіе аргументы и не останавливаясь передъ искаженіемъ дѣйствительныхъ фактовъ. Все это очень правдоподобно, и можно сказать съ увѣренностью, что въ рядахъ младотурокъ много истинныхъ патріотовъ, но людей въ то же время простодушныхъ, даже наивныхъ, которыхъ, по всей вѣроятности, водятъ за носъ ловкіе интриганы, какихъ много среди враговъ Комитета.

Итакъ, противъ Комитета Единенія и Прогресса ополчилась партія, представляющая собою смѣсь социалистовъ—немусульманъ, сепаратистовъ-грековъ и честныхъ, но сбившихъ съ правильнаго пути, мусульманъ. Противъ Комитета ведется ожесточенная кампанія, главнымъ образомъ въ печати; органы Комитета, разумѣется, не остаются въ долгу; въ результатѣ съ обѣихъ сторонахъ раз-

гораются пылкая ненависть, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть, такъ какъ всякія внутреннія несогласія вредятъ насущнымъ интересамъ страны, подвергаютъ опасности конституцію и играютъ на руку вѣшнимъ врагамъ Турціи.

Комитетъ Единенія и Прогресса не богатъ и ни разу не дѣлалъ попытокъ къ обогащенію; что же касается Либеральнаго Союза, то онъ, повидимому, располагаетъ большими средствами, на которыя и ведетъ свою кампанію, покупаетъ газеты и платитъ людямъ за перемѣну убѣжденій. Извѣстно, что больше всего помогаютъ Либеральному Союзу богатые греки; говорятъ, что въ матеріальной поддержкѣ его принимаетъ участіе и придворная клика. Когда я былъ въ Константинополѣ, мнѣ сообщали, что Комитетъ перехватилъ переписку между Дворцомъ и однимъ пашой, который бѣжалъ послѣ революціи въ Англію и жилъ тамъ подъ различными вымышленными именами; изъ этой переписки выяснилось, что пашѣ были довѣрены большія суммы, хранившіяся въ лондонскихъ банкахъ и предназначенныхъ на покрытіе издержекъ по веденію интригъ, долженствующихъ вернуть старый режимъ. Нѣкоторыя иностранныя державы, не питавшія никакого сочувствія къ младогурецкому режиму, тоже подверглись открытому обвиненію въ интригахъ въ союзѣ съ реакціонерами. Если онѣ въ нихъ не повинны, то не должны винить никого, кромѣ себя, за тѣ подозрѣнія, которыя на нихъ пали, такъ какъ о настоящей ихъ политикѣ можно судить только основываясь на прошломъ. Какъ безцеремонно эксплуатировала Германія старый режимъ—извѣстно всему міру. Нѣкоторые нѣмцы, съ которыми я встрѣчался въ Константинополѣ, выразили свое убѣжденіе и надежду, что дни новаго режима сочтены. Интересно было послушать этихъ людей, представителей нѣмецкаго торгово-промышленнаго класса, когда они съ увѣренностью, точно это неопровержимая аксіома, говорили, что всѣ европейскіе народы—нѣмцы, британцы и всѣ остальные—преслѣдуютъ въ своей политикѣ только одну цѣль относительно Турціи: эксплуатацию этой безпомощной страны. Нѣмцы съ полной искренностью утверждаютъ, что Балканскій Комитетъ есть не что иное, какъ агентъ лукаваго британскаго правительства, и получаетъ отъ него жалованье, а также, что вы-

раженіе симпатіи британцевъ къ угнетеннымъ національностямъ есть только организованное лицемѣріе, единственнымъ мотивомъ котораго является достиженіе совершенно своекорыстныхъ цѣлей. Когда нѣмецъ устаетъ на васъ своими холодными синими глазами, вы понимаете, что онъ искренно вѣритъ въ то, что говорить. Новѣйшій нѣмецкій матеріализмъ такъ глубоко укоренился въ душахъ сыновъ Германіи—включая сюда и нѣкоторыхъ знаменитостей—что они совершенно не въ состояніи представить, чтобы какая-нибудь нація или группа гражданъ этой націи могла безкорыстно интересоваться дѣлами другой націи и, чуждая всякимъ стороннимъ соображеніямъ, сочувствовать ея бѣдствіямъ или триумфамъ. Энтузіазмъ, съ которымъ въ Англіи встрѣтили успѣхъ младотурецкаго движенія, казался нѣмцамъ просто обманомъ, искусно подстроенной демонстраціей дружественныхъ чувствъ, цѣль которой—обезпечить за Великобританіей вліяніе въ Турціи, потерянное благодаря революціи Германіей; впрочемъ, нѣмцы смотрятъ на будущее съ надеждой и рассчитываютъ скоро вновь пріобрѣсти это вліяніе болѣе прямыми, хотя бы болѣе жестокими способами.

Тридцать лѣтъ деспотизма, намѣренно поощрявшаго низость и продажность, развратили значительную часть турецкой націи. Она не можетъ вылечиться отъ этого недуга въ одинъ день; поэтому и теперь еще каждый, располагающій средствами, можетъ купить въ Константинополь силу и вліяніе. Среди такихъ развращенныхъ людей младотурки, чистые сами, должны были начать свою работу, стремясь къ возрожденію страны и усиленію внѣшняго могущества Турціи. Начать съ того, что Константинополь полонъ людей, которые прежде жили шантажемъ по должности шпионовъ, или принадлежали къ огромной арміи бездѣльничавшихъ чиновниковъ, наводнявшихъ каждое казенное учрежденіе и бравшихъ взятки съ всѣхъ, кого пужда сталкивала съ ними. Всѣ эти люди, потерявъ свое занятіе, шатаются по столицѣ съ самымъ безутѣшнымъ видомъ, безъ денегъ, жалѣютъ „о добромъ, старомъ времени“ и всей душой ненавидятъ новыя вѣянія, виноватыя во всѣхъ случившихся перемѣнахъ. Все это реакціонеры, и многіе изъ нихъ хорошо умѣютъ посредствомъ хитрой лжи возстановлять темныхъ людей противъ Ко-

митета. Они въ значительной мѣрѣ отвѣтственны за паденіе популярности Комитета. Столичному населенію трудно самому добраться до истины, и оно находится во власти агитаторовъ, получающихъ за свой трудъ жалованье, и разныхъ прожекторовъ. Даже иностранныя правительства имѣютъ полную возможность воздѣйствовать на турецкое общественное мнѣніе. Въ рукахъ германцевъ и австрійцевъ находится весьма полезный аппаратъ для распространенія новостей, который обслуживаетъ ихъ собственные интересы; это—телеграфное агенство, снабжающее Константинополь за рѣдкими исключеніями, всѣми заграничными извѣстіями и продающее свои депеши городскимъ газетамъ за такую низкую плату, какая не можетъ покрыть расходовъ. Извѣстія, идущія, по заявленію агенства, изъ Лондона, бываютъ иногда поистинѣ изумительны.

Мнѣ передали, что Комитетъ Единенія и Прогресса намѣревается реорганизоваться и превратиться въ то, что мы называемъ парламентской партіей; но подъ какимъ именемъ онъ ни будетъ существовать, надо надѣяться, что эта организація, прославившаяся своей великой и благородной дѣятельностью на благо Турціи и содержащая въ своихъ рядахъ такъ много искреннихъ, самоотверженныхъ патріотовъ, будетъ въ Турціи попрежнему господствующей партіей. Но для этого младотуркамъ слѣдуетъ не слагать оружія и оставаться неизмѣнно бдительными, потому что враги ихъ многочисленны и богаты; деньгами же въ Турціи—увы, даже теперь!—все еще можно купить убѣжденія, какъ людей, такъ и газетъ.

XXI.

Контръ-революція.—Требованія мятежныхъ войскъ.—Убіиства младотурокъ.—Султанъ даруетъ амнистію.—Новое министерство.—Младотурки готовятся усмирить реакціонеровъ.—Македонская армія идетъ на столицу.—Пораженіе гарнизона и взятіе Константинополя. Низложеніе Абдуль-Гамида.—Новый султанъ.

Большая часть этой книги была уже въ печати, а въ предыдущей XX главѣ, которую я предполагалъ сдѣлать послѣдней, не хватало лишь нѣсколькихъ заключительныхъ страницъ, какъ вдругъ въ Лондонъ пришли вѣсти

о новой разразившейся въ Константинополѣ революціи. 13-го апрѣля, въ этотъ богатый событіями день, я завтракалъ въ литературномъ клубѣ на Стрэндѣ съ двумя хорошо извѣстными членами младотурецкой партіи. Свѣдѣнія, сообщенныя въ раннихъ выпускахъ вечернихъ газетъ, были кратки и неполны, и мы надѣялись, что ничего особенно серьезнаго не случилось, а произошло только одно изъ тѣхъ проявленій недовольства со стороны избалованныхъ султанскихъ тѣлохранителей, какія младотурки съ такой быстротой и энергіей не разъ уже подавляли. Но позднѣе появились болѣе обстоятельныя извѣстія, встревожившія и опечалившія друзей Турціи: почти весь гарнизонъ столицы возсталъ противъ правительства; солдаты убивали своихъ молодыхъ офицеровъ, фанатическая чернь разыскивала и убивала членовъ младотурецкой партіи; Комитетъ Единенія и Прогресса, по крайней мѣрѣ въ столицѣ, былъ безсиленъ предпринять что бы то ни было противъ своихъ враговъ.

Члены Комитета бѣжали, спасая свою жизнь отъ преслѣдованія соотечественниковъ, которыхъ они недавно освободили отъ ненавистнаго деспотизма. Немного мѣсяцевъ тому назадъ я слышалъ, какъ эта самая константинопольская чернь до хрипоты кричала: „Да здравствуетъ Комитетъ Единенія и Прогресса!“. Тогда всѣ, казалось, были преисполнены признательности къ этимъ людямъ, которые, воодушевленные искреннимъ патріотизмомъ и готовые пожертвовать собой, подготовили такъ блестяще удавшуюся революцію. Но на значительную часть населенія Константинополя полагаться нельзя, потому что въ него входятъ всѣ худшіе элементы населенія Леванта и другихъ болѣе восточныхъ странъ. Фанатики-курды всегда готовы охотно присоединиться къ любому возстанію, общающему имъ грабежъ и убійства; большинство христіанскаго населенія слишкомъ трусливо, чтобы обороняться; въ Константинополѣ же собраны всѣ экс-шпіоны и другіе продукты испорченнаго стараго режима. Въ настоящее время многіе склонны думать, что однимъ изъ главныхъ уроковъ, вынесенныхъ младотурками изъ контрреволюціи, является убѣжденіе, что мѣстопробываніе правительства выгодно было бы перенести изъ Константинополя въ какое-нибудь другое мѣсто на значительномъ разстояніи отъ него. Мои турецкіе друзья, я могу отмѣ-

тить здѣсь, въ продолженіе тѣхъ апрѣльскихъ дней, когда будущее Турціи представлялось такимъ мрачнымъ, были все время глубоко убѣждены, что реакціонерамъ не долго придется праздновать побѣду, потому что правое дѣло восторжествуетъ, и провинціи, сохранившія вѣрность младотуркамъ, не замедлятъ придти къ нимъ на помощь и принудятъ столицу подчиниться ихъ волѣ.

Я, сколько могъ, долго откладывалъ напечатаніе этой послѣдней главы, чтобы имѣть возможность составить себѣ правильное понятіе о тѣхъ событіяхъ, которыя недавно потрясли турецкую столицу. Какъ видно изъ предшествующей главы, въ Константинополѣ передъ случившимся 13-го числа взрывомъ далеко не все обстояло благополучно. Ожесточенная распря между Комитетомъ Единенія и Прогресса съ одной стороны, и Либеральнымъ Союзомъ—съ другой не могла не ослабить конституціоналистовъ. Только что зародившаяся партія, называвшаяся Джеміетъ-Мохаммедіе (Лига Магомета), приобрѣтала все большую и большую популярность среди мусульманскаго населенія. Члены этой Магометанской Лиги объявили себя сторонниками конституціи, но требовали строгаго соблюденія шеріата, или священнаго закона. Все это были враги Комитета Единенія и Прогресса, утверждавшіе, что члены Комитета, включая сюда молодыхъ армейскихъ офицеровъ, пренебрегаютъ предписаніями корана и своимъ нечестивымъ поведеніемъ подаютъ дурной примѣръ нижнимъ чинамъ. Новое настроеніе дало удобный случай реакціонерамъ, которымъ въ сущности мало дѣла было какъ до вѣры, такъ и до родины: имъ нужно было лишь восстановленіе деспотизма, вмѣстѣ съ тѣми прибыльными должностями, которыя они прежде занимали. Люди, прикосновенные ко Дворцу, въ союзѣ съ эксъ-шпіонами и безчестными чиновниками, которыхъ новый режимъ согналъ съ насиженныхъ мѣстъ, ватѣяли тогда интриги, увѣнчавшіяся въ концѣ концовъ успѣхомъ; много помогло имъ также то обстоятельство, что немало ихъ единомышленниковъ пробрались какъ въ Либеральный Союзъ, такъ и въ Магометанскую Лигу.

Во главѣ заговора противъ правительства, какъ видно по всему, сталъ Либеральный Союзъ, и ясно было, что онъ располагаетъ солидными средствами. Мнѣ передавали, что за порядочное время до контръ-революціи члены

этой организаціи часто посѣщали лучшей отель въ Перѣ, и слѣлали его чѣмъ-то въ родѣ своей главной квартиры. Здѣсь, тратя массу денегъ, они, вѣроятно, вели свои переговоры съ иностранцами, въ томъ числѣ съ корреспондентами газетъ. Дѣло въ томъ, что въ ихъ расчеты входило приобрести сочувствіе за-границей, особенно въ Англіи; старанія ихъ сопровождались нѣкоторымъ успѣхомъ, потому что они, идя рука объ руку съ реакціей, не переставали разглагольствовать о свободѣ; ихъ аргументы, сводившіеся къ тому, что вмѣсто прежняго деспотизма Турція имѣетъ теперь новый, въ лицѣ Комитета Единенія и Прогресса, многимъ казались убѣдительными.

Вражда между обѣими главными партіями стала еще ожесточеннѣе послѣ убійства редактора одной либеральной газеты, совершеннаго, какъ ходили слухи, лицомъ причастнымъ къ Комитету; въ то же время обнаружилось, что, благодаря дѣятельности агентовъ реакціи, правительство не можетъ положиться на вѣрность перваго армейскаго корпуса, составлявшаго гарнизонъ Константинополя. Генераль Мухтаръ-паша, командовавшій этимъ корпусомъ, принялъ нужныя мѣры предосторожности. 12-го апрѣля онъ отдалъ своимъ солдатамъ самыя строгія приказанія, заявивъ имъ, что они должны будутъ стрѣлять во всѣхъ, даже въ софтовъ, если получатъ на то приказаніе отъ своихъ офицеровъ. Я уже указывалъ, что вѣрность конституціи этого корпуса, въ составъ котораго входила избалованная дворцовая гвардія, была съ самаго начала подвержена большому сомнѣнію. Послѣ ноябрьскаго мятежа младотурки удалили изъ столицы нѣсколько самыхъ ненадежныхъ батальоновъ и замѣнили ихъ войсками изъ Салоникъ. Они, сверхъ того, намѣревались сильно уменьшить самую численность императорской гвардіи, но воздержались отъ этого, вслѣдствіе нежеланія султана. Какъ я уже говорилъ, до революціи этими дворцовыми войсками командовали офицеры, выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ (*аламли*), невѣжественные и преданные своему господину люди, на которыхъ всегда снисходительный къ нимъ султанъ смѣло могъ положиться. Всѣхъ ихъ младотурки удалили, поставивъ на ихъ мѣста офицеровъ, окончившихъ военныя школы; такіе такъ называемые *мектебли* всё безъ исключенія сочувствовали младотуркамъ, а многіе даже входили въ Комитетъ. Нѣтъ сомнѣ-

нія, что это новшество сильно озлобило рядовыхъ; среди нихъ завелось глухое недовольство, которое ловкимъ агитаторамъ, умѣвшимъ разбудить ихъ мусульманскій фанатизмъ, нетрудно было разжечь еще болѣе. Ходжи и софты ревностно проповѣдывали въ казармахъ, что, благодаря Комитету, находится въ опасности сама мусульманская вѣра, и ядовитой клеветой возстановляли солдатъ противъ ихъ офицеровъ.

Однако, несмотря на то, что въ столицѣ не все было спокойно, контръ-революція явилась для горожанъ полной неожиданностью. 12-го апрѣля британскій офицеръ, только что пріѣхавшій въ Константинополь, посѣтилъ послѣ полудня нѣсколько казармъ и нашелъ тамъ солдатъ, мирно занимавшихся ученіемъ или исполнявшихъ другія свои обязанности, причемъ какъ офицеры, такъ и нижніе чины выглядели одинаково счастливыми и довольными; инспекторъ полиціи, человекъ большой опытности, сообщилъ ему, что жизнь столицы никогда еще не текла такъ мирно и правильно. Но 13-го числа, рано утромъ, когда было еще совѣтъ темно, обывателей разбудилъ шумъ шаговъ нѣсколькихъ отрядовъ, проходившихъ другъ за другомъ въ полномъ молчаніи по улицамъ; горожане подивились немного, что бы могло значить такое необычное передвиженіе войскъ, и улеглись снова. Выйдя изъ дому нѣсколькими часами позже, они нашли городъ во власти приблизительно двадцати тысячъ мятежныхъ солдатъ. Заговоръ былъ подготовленъ тщательно и съ точно такой же необыкновенной конспираціей, которой отличалась младотурецкая революція въ іюль предшествовавшаго года; никто кромѣ причастныхъ къ нему, и не подозрѣвалъ, какія событія совершатся въ близкомъ будущемъ.

Передъ разсвѣтомъ войска, застрѣливъ нѣсколькихъ офицеровъ и связавъ и арестовавъ другихъ, двинулись по улицамъ подъ командой своихъ собственныхъ, никѣмъ не утвержденныхъ офицеровъ, и сосредоточились невдалекѣ отъ Палаты Депутатовъ. Салоникскіе стрѣлки, которыхъ, какъ принадлежащихъ къ македонскимъ войскамъ, считали непоколебимо вѣрными младотуркамъ, сыграли въ мятежѣ первенствующую роль. Значительное число матросовъ тоже присоединилось къ бунтовщикамъ и участвовало въ убійствѣ многихъ офицеровъ. Когда

взошло солнце, площадь у парламента и мечети св. Софїи была занята мятежными солдатами и множествомъ софтовъ и ходжей въ турбанахъ и развѣвающихся одеждахъ; они ораторствовали среди солдатъ и воспламеняли ихъ фанатическимъ рвеніемъ. Передъ самой мечетью св. Софїи колыхалось красное съ зеленымъ знамя Шаріата. Храбрые офицеры, которые приходили сюда и обращались съ увѣщаніями къ своимъ солдатамъ, были немедленно убиты.

Было ясно, что мятежь хорошо обдуманъ, и что войска получили подробныя инструкціи, которымъ буквально слѣдовали; они— въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться— дѣйствовали съ полной увѣренностью, что поступаютъ согласно волѣ падишаха. Нѣсколько ротъ получили приказанія захватить мостъ и телеграфныя конторы; отданы были распоряженія силою оружія прекращать всякое сопротивленіе. Каждый понималъ, что главной цѣлью контръ-революціи является низложеніе Комитета Единенія и Прогресса, такъ какъ солдаты, беспощадно убивая офицеровъ и другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ этой организаціи, заботились, однако, о сохраненіи порядка, ничѣмъ не задѣвали гражданское населеніе, и даже говорили успокоительныя слова христіанамъ, которые попадались имъ на пути. Но, конечно, несмотря на все это, въ городѣ поднялась паника, и окна всѣхъ магазиновъ немедленно закрылись ставнями. Опасная мусульманская чернь, курды и лазы, вооружившись револьверами и дубинами, а во многихъ случаяхъ даже винтовками, присоединилась къ солдатамъ; но, очевидно, даже имъ было объявлено, что экспессы повредятъ замыслу правовѣрныхъ, такъ какъ не произошло тѣхъ убійствъ и грабежей, которыхъ можно было ожидать отъ этого грубаго и фанатическаго элемента населенія.

Заговорщики не обезпечили себѣ поддержки всего константинопольскаго гарнизона; войска, оставшіяся вѣрными правительству—кавалерія, артиллерія и пѣхота—заняли утромъ того же дня военное министерство. Генераль Мухтаръ-паша, командиръ перваго армейскаго корпуса, находился въ то время, по дѣламъ службы, на азіатской сторонѣ Босфора; одному интервьюеру онъ сказалъ, что сигналъ къ революціи не случайно былъ данъ именно въ его отсутствіе. Какъ только его извѣстили

о происшедших событіяхъ, онъ немедленно отправился въ Стамбуль и, достигнувъ главнаго штаба утромъ 13-го, нашель военное министерство окруженнымъ разъяренною чернью. Собравъ войска, не примкнувшія къ бунтовщикамъ, генераль разсѣяль толпу кавалеріей. По его словамъ, имѣй онъ широкія полномочія, онъ подавилъ бы мятежь въ самомъ зародышѣ, а если бы министерство во время приняло надлежащія мѣры, бунтъ можно было бы прекратить безъ кровопролитія. Но Мухтару явно мѣшали приступить къ энергичнымъ дѣйствіямъ; въ результатѣ же этого его собственныя войска, какъ и слѣдовало ожидать, стали разбѣгаться. Когда Мухтаръ услышалъ, что султанъ дароваль амнистію бунтовщикамъ, онъ поняль, что дѣлать ему больше нечего, и подалъ въ отставку. На его жизнь было уже подготовлено покушеніе, и онъ избѣгнуль смерти только благодаря тому, что отправился кружнымъ путемъ, а потомъ укрылся на иностранномъ суднѣ.

Выставленныя бунтовщиками требованія довольно ясно показываютъ, что заговоръ дѣйствительно былъ подстроенъ Либеральнымъ Союзомъ, дѣйствовавшимъ рука объ руку съ акціонерами и фанатиками. Войска шумно славил султана, взывали къ болѣе строгому примѣненію Священнаго закона, требовали низверженія правительства, уничтоженія Комитета и отставки офицеровъ, служившихъ въ батальонѣ салоникскихъ стрѣлковъ и во флотѣ. Кромѣ того, ими же были предъявлены слѣдующія требованія, очевидно, внушенныя имъ Либеральнымъ Союзомъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобы невѣжественные солдаты, ничего не понимающіе въ политикѣ, могли сами до нихъ додуматься: отставка великаго визиря, военнаго и морскаго министровъ, командира перваго армейскаго корпуса и предсѣдателя Палаты Депутатовъ, затѣмъ высылка изъ Константинополя редактора младотурецкой газеты „Таннинъ,“ а также изгнаніе Рами-бея и Джавидъ-бея, депутатовъ отъ Салоникъ и членовъ Комитета Единенія и Прогресса. Солдаты выразили сверхъ этого, еще желаніе, чтобы лидеръ Либеральнаго Союза Измаиль Кемаль-бей и его правая рука, Зорабъ-бей, были назначены предсѣдателемъ и вице-предсѣдателемъ Палаты Депутатовъ. Какъ дѣйствія мятежниковъ, такъ и слова ихъ ясно обнаруживали, кто подстрекаль ихъ къ

бунту; они убили Назимъ-пашу, министра юстиціи, и ранили морского министра, убили Эмира Магомета Арслана, всѣми уважаемаго депутата, въ то время какъ онъ входилъ въ Палату, по ошибкѣ принявъ его за редактора „Таннинъ“, и разгромили помѣщенія комитета Единенія и Прогресса и его органовъ, — „Шура-и-Умметъ“ и „Таннинъ.“

Весь день 13-го апрѣля Константинополь оставался во власти реакціонеровъ; члены Комитета Единенія и Прогресса вынуждены были бѣжать или спрятаться, а нѣсколько генераловъ пересѣкли Босфоръ и укрылись въ Скутари въ домѣ одного хорошо извѣстнаго британскаго коммѣрсанта. Но триумфъ Либеральнаго Союза, вызвавшего и подготовившаго весь мятежь, былъ недолговѣченъ. Вечеромъ 13-го нѣсколько депутатовъ собрались въ зданіи Парламента и избрали президентомъ Палаты лидера Либеральнаго Союза Измаила Кемаль-бей—избраніе, конечно, совершенно незаконное, такъ какъ кворума не было, и младотурецкіе депутаты, составлявшіе парламентское большинство, разумѣется, всѣ отсутствовали. Днемъ Измаиль-Кемаль и другіе члены Либеральнаго Союза ходили въ Ильдизъ-Кіоскъ и просили султана назначить великимъ визиремъ Кіамяля-Пашу, сторонника Союза, но султанъ отказался послѣдовать ихъ совѣту. Съ этого момента популярность Либеральнаго Союза начала падать; изъ него вышло много членовъ, честныхъ патріотовъ и приверженцовъ конституціи, которые только теперь увидѣли, къ великому своему ужасу, сколько зла надѣлали эгоисты-интриганы этой именуемой себя „либеральной“ организаціи.

Тѣмъ временемъ глаза всѣхъ были съ тревогой обращены на Ильдизъ, тщетно стараясь угадать, какую позицію займетъ въ моментъ этого кризиса монархъ. Вечеромъ 13-го года султанъ даровалъ бунтовщикамъ амнистію, назвалъ ихъ своими дѣтьми и уступилъ многимъ ихъ требованіямъ; друзья свободы опасались самаго худшаго, но когда стало извѣстно, что султанъ не только не предпринялъ ничего, чтобы немедленно воспользоваться создавшимся положеніемъ для возстановленія абсолютизма, но, напротивъ, назначилъ—послѣ послѣдовавшей около полудня отставки младотурецкаго министерства—великимъ визиремъ Тевфикъ-пашу, а военнымъ министромъ

Эдхема-пашу, то всё почувствовали большое облегчение: эти двое, люди уважаемые и талантливые, хотя и не принадлежали къ той или иной политической партіи, однако держались, несомнѣнно, либеральныхъ воззрѣній и отнюдь не были крестурами деспотизма. Конституціоналисты ободрились; ихъ надежды еще болѣе окрѣпли, когда 15-го Назимъ-паша былъ назначенъ командиромъ перваго армейскаго корпуса и товарищемъ военнаго министра. Назначеніе Назимъ-паши въ февралѣ 1909 г. военнымъ министромъ вызвало противодѣйствіе со стороны Комитета Единенія и Прогресса и было одною изъ главныхъ причинъ паденія Кіамяля-паши; но, какъ разъяснили въ свое время младотурки, они порицали только политику Кіамяля-паши, между тѣмъ какъ самого Назима уважали и считали его отличнымъ солдатомъ и человѣкомъ твердыхъ либеральныхъ воззрѣній, за которыя ему пришлось пострадать во время деспотизма. Поэтому всё признали, что только что назначенное временное правительство во всякомъ случаѣ не реакціонное, и что дѣло свободы хоть и находится въ большой опасности, но все же еще не погибло.

Въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ солдаты праздновали свою побѣду, стрѣляя на улицахъ изъ винтовокъ причѣмъ пулями были убиты и ранены весьма многіе. У солдатъ было много денегъ, и они швыряли ими; каждый наблюдатель видѣлъ, что организаторы заговора затратили не малую сумму, чтобы купить поддержку со стороны арміи. Какъ многіе солдаты признались впоследствии, ихъ соблазнили денежными подарками и увлекли на ложный нуть лживые проповѣдники, обращавшіеся къ нимъ во имя религіи. 15-го апрѣля Назимъ-паша, пользовавшійся большой популярностью въ арміи, несмотря на свою строгость, заявилъ, что суровая кара падеть на тѣхъ солдатъ, которые будутъ стрѣлять на улицахъ, и разъяснилъ, что дарованная султаномъ амністія распространяется лишь на проступки, совершенные въ теченіе двухъ предшествовавшихъ дней. Затѣмъ онъ выпустилъ на свободу всѣхъ офицеровъ, захваченныхъ мятежниками, и предупредилъ солдатъ, что пусть не ждетъ снисхожденія къ себѣ тотъ, кто тронетъ этихъ офицеровъ или кого-нибудь изъ обывателей. Главная масса войскъ вернулась теперь въ свои казармы, порядокъ былъ возстановленъ, и

Константинополь снова принялъ видъ самаго мирнаго города.

Но все же совершилось преступленіе, послѣдствія котораго неизвѣстно какъ сильно скажутся на Турціи. Этотъ бессмысленный заговоръ, съ самаго начала обреченный на неудачу, не только грозилъ гибелью конституціи, но, поднявъ всѣ силы реакціи, породилъ въ то же время волну фанатизма, мощно прокатившуюся по всей Азіи. Послѣдовали убійства христіанъ, междуусобная война, братоубійственныя схватки между частями турецкой арміи, угрозы иностраннаго вмѣшательства и возможное распаденіе самой имперіи. Плоды контръ-революціи обнаружались скоро. 15-го апрѣля телеграмма изъ Мерсины (въ Малой Азіи) возвѣстила о началѣ той рѣзни, которая стоила жизни тысячамъ армянъ. Весьма вѣроятно, что рѣзня эта была подготовлена реакціонерами; тотъ фактъ, что нѣсколько видныхъ армянъ получили отъ своихъ доброжелателей - мусульманъ предупрежденія о грядущихъ событіяхъ, опровергаетъ другую версію, по которой во всякой происшедшей рѣзни виновата случайная драка; во всякомъ случаѣ, взрывъ фанатизма легко можно было бы подавить и быстро прекратить убійство, если бы благодаря мятежу въ столицѣ не палъ авторитетъ правительственныхъ чиновниковъ на мѣстахъ. Затѣмъ пришли вѣсти о возстаніи мусульманъ-албанцевъ, которыхъ агенты реакціи превратили въ жесточайшихъ враговъ младотурокъ. За эти дни, проведенные патріотами-турками въ сомнѣніи и страхѣ, случилось только одно событіе, имѣвшее болѣе свѣтлый характеръ. 19-го апрѣля былъ подписанъ турецко-болгарскій протоколъ, по которому Турція признала независимость Болгаріи. Временное правительство поступило благоразумно и осторожно: признаніемъ за Болгаріей независимости устранялась опасность войны съ этой страной въ то критическое время.

Одинъ членъ младотурецкой партіи говорилъ мнѣ такъ: „если реакціонеры воображаютъ, что мы примемъ все это спокойно, сложа руки, то они въ концѣ концовъ убѣдятся, что весьма заблуждаются. Въ нашемъ распоряженіи огромныя силы: почти вся Европейская Турція на нашей сторонѣ, и вы увидите, что теперь мы возьмемъ за дѣло и сокрушимъ разъ навсегда всю силу реакціонеровъ“. Такъ дѣйствительно и случилось. Когда вѣсть о

контръ-революціи донеслась до Салоникъ, то жители этого города, гордаго тѣмъ, что онъ колыбель турецкой свободы, какъ мусульмане, такъ христіане и евреи, пришли въ негодование и требовали немедленнаго похода на Константинополь. Въ Салоники направились офицеры и прочіе члены Комитета, вынужденные бѣжать изъ столицы; сюда же спѣшили двое храбрыхъ молодыхъ вождей іюльской революціи, Энверъ-бей и Хакки-бей, которые были въ то время турецкими военными атташэ, одинъ въ Берлинъ, другой въ Вѣнѣ. И находившійся въ Монастырѣ Ніазибей отдалъ распоряженіе своимъ албанскимъ и болгарскимъ друзьямъ набирать добровольцевъ; самъ онъ вмѣстѣ съ войсками, которыми командовалъ, поѣхалъ желѣзной дорогой въ Салоники. Тогда всѣмъ стало ясно, что Македонія во всякомъ случаѣ сохранила вѣрность конституціи и младотурецкой партіи. Солдаты третьяго армейскаго корпуса рвались въ бой со столичными измѣнниками—реакціонерами; обыватели мусульмане сформировали нѣсколько отрядовъ фидаевъ; всѣ болгарскія общины въ Македоніи объявили себя сторонниками младотурецкаго движенія, а члены ихъ выразили готовность умереть, защищая конституцію, несмотря на то, что во время парламентскихъ выборовъ младотурки поступали съ болгарами далеко не всегда справедливо; извѣстные болгарскіе вожди, Санданскій и Паница, и другіе болгары, пользующіеся вліяніемъ, пришли въ Салоники во главѣ четъ изъ воинственныхъ горцевъ; албанцы-христіане нѣкоторыхъ горныхъ родовъ, въ томъ числѣ старыя мои друзья Миридиты, послали вооруженныхъ людей бороться за конституцію; евреи шли въ добровольцы цѣлыми толпами; изъ всѣхъ разнообразныхъ элементовъ, составляющихъ населеніе Македоніи, только одни греки держались въ сторонѣ.

Столичные реакціонеры, несмотря на назначеніе министерства изъ сторонниковъ конституціи, находились въ полной увѣренности, что успѣхъ ихъ движенія обезпеченъ, и что имъ, имѣя на своей сторонѣ гарнизонъ, остается только дожидаться приказанія султана, чтобы завершить свое дѣло и нанести coup de grace либеральному режиму. Но они упустили изъ виду удостовѣриться въ томъ, поддержитъ ли ихъ остальная часть Турціи; поэтому вѣсть изъ Македоніи явилась для нихъ крайне непріятной

неожиданностью и вызвала въ хорошо извѣстномъ „Волканѣ“, органѣ магометанской Лиги, рядъ злобныхъ статей, въ высшей степени зажигательныхъ и опасныхъ. Сначала пришло изъ Салоникъ извѣстіе, что Комитетъ Единенія и Прогресса отказался признать новое правительство, и что македонцы собираются идти на Константинополь. Затѣмъ, 16-го апрѣля, телеграмма возвѣстила, что первые шестнадцать батальоновъ конституціонной арміи (третьяго армейскаго корпуса) уже прибыли въ Салоники. Вслѣдъ за этимъ стало извѣстно, что второй армейскій корпусъ (въ Адрианополѣ) рѣшилъ присоединиться къ войскамъ изъ Салоникъ. 19-го передовые отряды македонской арміи, грозившіе бунтовщикамъ заслуженнымъ возмездіемъ, находились уже въ Санъ-Стефано, т. е. на разстояніи шести миль отъ столицы. Тщетно правительство посылало телеграммы и депутаціи въ Салоники, стремясь успокоить младотурокъ и убѣдить ихъ, что конституція внѣ опасности, что султанъ и его новое министерство будутъ свято сохранять ее,—все было напрасно; младотурки не могли повѣрить, что конституція ничто не грозитъ, когда столица полна торжествующими реакціонерами, а перешедшія на сторону послѣднихъ войска дѣйствуютъ во имя султана, которому довѣриться снова было бы безуміемъ.

Итакъ, парламентскія войска начали стягиваться къ столицѣ, и реакціонеры забили тревогу. Дворцовые шпіоны и другія сильно скомпрометированныя лица сочли болѣе благоразумнымъ бѣжать изъ столицы. Одинъ мой пріятель пишетъ мнѣ изъ Константинополя, что населеніе въ томъ числѣ и многихъ европейцевъ, охватила паника, и что ихъ суматоха и старанія попасть на какой-нибудь пароходъ въ порту, все равно куда бы онъ ни шелъ, представляли собою комическое и вмѣстѣ съ тѣмъ гадкое зрѣлище. Съ другой стороны, различныя политическія группы, какъ мусульманъ, такъ христіанъ и евреевъ, согласились отбросить свою партійную рознь и соединенными силами поддержать конституцію. Комитетъ Единенія и Прогресса снова приобрѣлъ потерянное было вліяніе и популярность: всѣ поняли, что это единственная организація, имѣющая за собой силу и способная, благодаря этой силѣ, добиться исполненія воли народа и положить конецъ домогательствамъ реакціонеровъ. Помимо

того, скоро выяснилось, что само министерство ведет переговоры съ вождями македонской арміи, желая придти къ такому соглашенію съ ними, какое обезпечило бы конституцію и предупредило бы, если это вообще возможно, кровопролитіе. Что касается султана, то онъ оставался въ своемъ Ильдизъ-Кіоскѣ, какъ всегда, не давая никому проникнуть въ свои планы; онъ часто совѣщался съ Тевфикъ-пашей, своимъ великимъ визиремъ. Этотъ послѣдній заявилъ, что „Его Величество благосклонно ожидаетъ прибытія такъ называемой конституціонной арміи. Ему нечего ни радоваться, ни бояться, такъ какъ Его Величество за конституцію и является верховнымъ ея хранителемъ“.

Никакихъ приготовленій къ защитѣ или сопротивленію какого бы то ни было рода правительство не дѣлало. Назимъ-паша и другіе генералы столицы ограничились тѣмъ, что поддерживали порядокъ среди гарнизона и приняли мѣры къ предупрежденію взрыва со стороны фанатическаго элемента мусульманскаго населенія. Значительная часть войскъ, образующихъ гарнизонъ, уже раскаивалась, что приняла участіе въ мятежѣ: солдаты признавали, что они повѣрили лжи, и соглашались поклясться хранить вѣрность конституціи; но съ другой стороны, весьма многіе, включая сюда 6 тысячъ человекъ, охранявшихъ Ильдизъ, оставались попрежнему вѣрными тѣмъ, кто обманывалъ и подкупалъ ихъ, и готовы были умереть за султана.

Генераль Хусни-паша быстро собралъ войска, предназначенныя для обложенія столицы; главную часть ихъ составлялъ третій армейскій корпусъ, но въ нихъ входили также отдѣльные солдаты второго или Адриано-польскаго армейскаго корпуса, и множество добровольцевъ, преимущественно мусульманъ-македонянь, болгаръ и албанцевъ, этихъ горцевъ, на видъ настоящихъ дикарей, одѣтыхъ въ свои живописные національные костюмы. Генераль Мохмудъ-Шевкетъ-паша, командиръ третьяго армейскаго корпуса, руководилъ всѣми передвиженіями, 21-го онъ покинулъ Салоники и отправился въ передовую армію, гдѣ принялъ командованіе надъ обложившей Константинополь арміей. Иностранцы-наблюдатели съ величайшей похвалою отзывались о быстротѣ, съ которой былъ мобилизованъ третій корпусъ, объ отличной орга-

низаціи и дисциплинѣ войскъ, о превосходномъ ихъ состояніи, о хорошо поставленной доставкѣ провіанта и о совершенствѣ снаряженія войскъ: имѣлись полевые госпитали, полевые телеграфы и т. д. Турецкая армія много выиграла, пройдя черезъ ту блестящую школу, которой она обязана барону Гольцу и его подчиненнымъ, нѣмецкимъ офицерамъ. Теперь эта армія представляетъ собою грозную военную силу, и не замедлитъ показать всю свою мощь, если враги Турціи осмѣлятся напасть на нее.

Здѣсь нѣтъ надобности давать отчетъ о тѣхъ переговорахъ, какіе шли между министерствомъ и передовой арміей; они велись преимущественно для того, чтобы выиграть время, пока Шевкетъ-паша не соберетъ достаточно войска, какое одной своей численностью показало бы реакціонной части столичнаго гарнизона безнадежность сопротивленія и такимъ образомъ обезпечило бы вступленіе въ Константинополь и занятіе его съ наименьшимъ возможнымъ кровопролитіемъ. Изъ многочисленныхъ заявленій, сдѣланныхъ въ то время министерствомъ и младотурецкими лидерами, выдѣляется, однако, особенно важное и многозначительное. Комитетъ Единенія и Прогресса признавая, что слѣдуетъ на время оставить всѣ партійные счеты, и что всѣ друзья свободы должны теперь соединиться и спасти конституцію, заявилъ о своемъ намѣреніи остаться совершенно въ сторонѣ и не вмѣшиваться ни во что, предоставивъ арміи, дѣйствующей совершенно самостоятельно и независимо, освободить конституцію отъ оковъ, наложенныхъ на нее измѣнниками. Арміи, утверждалъ Комитетъ, нѣтъ никакого дѣла ни до политики, ни до партій. Это армія націи; представителю арміи, Шевкетъ-пашѣ, надлежитъ оправдать ея репутацію вступленіемъ въ столицу, объявленіемъ военнаго положенія и строгимъ наказаніемъ измѣнниковъ, соблазнившихъ солдатъ и воспользовавшихся ими въ своихъ реакціонныхъ цѣляхъ.

День ото дня численность арміи увеличивалась, и 22-го апрѣля полукругъ изъ тридцати тысячъ солдатъ замыкалъ Константинополь со стороны суши, въ то время какъ военныя суда прекратили доступъ къ нему съ моря. Въ этотъ же день въ Санъ-Стефано, внутри линіи обложенія, произошло тайное засѣданіе Національнаго Собра-

нія, состоявшаго изъ сенаторовъ и депутатовъ, съ Саидъ-пашей въ качествѣ предсѣдателя; на этомъ засѣданіи и рѣшенъ былъ, повидимому, вопросъ о низложеніи султана. Въ пятницу 23-го апрѣля Абдуль-Гамидъ въ послѣдній разъ былъ центральной фигурой въ церемоніи селямлика и ѣхалъ въ мечеть, окруженный своими вѣрными тѣлохранителями и многолюдной толпой своихъ подданныхъ. Всего десять дней прошло съ того момента, когда контръ-революція вернула ему значительную часть прежней деспотической власти, но младотурки приняли быстрыя и рѣшительныя мѣры, и этотъ день былъ послѣднимъ днемъ его продолжительнаго и причинившаго Турціи столько зла царствованія.

Шевкетъ-паша, завершивъ свои приготовленія, не сталъ терять времени на дальнѣйшіе переговоры, справедливо полагая, что, чѣмъ скорѣе будетъ все сдѣлано, тѣмъ менѣе будетъ шансовъ на кровопролитіе въ столицѣ и распространенія опаснаго реакціоннаго движенія по Малой Азіи и Албаніи. Въ три часа утра 24-го апрѣля македонская армія, какъ регулярныя войска, такъ и добровольцы, направились со всѣхъ сторонъ къ городу и въ скоромъ времени успѣшно заняли Стамбуль, Галату и Перу. Они вышли въ Стамбуль нѣсколькими воротами, продѣланными въ старинныхъ стѣнахъ, и только въ одномъ случаѣ встрѣтили сопротивленіе. Неподалеку отъ зданія Высокой Порты часть гарнизона оказала рѣшительное сопротивленіе, но съ ними легко справился Ніази-бай, находившійся во главѣ батальона изъ Ресны, вмѣстѣ съ отрядомъ македонскихъ добровольцевъ. Нѣкоторыя караульни приходилось брать въ штыки. Вступленіе въ Стамбуль парламентской арміи, повидимому, застигло врасплохъ значительную часть гарнизона, — по крайней мѣрѣ, Шевкетъ-паша, въ своемъ официалномъ рапортѣ, заявляетъ, что „войска находившіяся въ Военномъ Министерствѣ, были вынуждены сдаться прежде чѣмъ успѣли принять мѣры къ оборонѣ“.

На другой (сѣверной) сторонѣ Золотого Рога произошли болѣе ожесточенныя схватки, чѣмъ на Южной, въ Стамбулѣ. Нѣсколько позже пяти часовъ утра началась перестрѣлка въ предмѣстьяхъ Перы. Македонскія войска атаковали казармы „Таксимъ“ и „Ташкишла“; ихъ стойко защищали отчаявшіеся солдаты, увѣренные, что имъ

не будет пощады; настоящий бой произошел на одной изъ улицъ европейскаго квартала, гдѣ во всѣхъ караульняхъ мужественно оборонялись увлеченные реакціонерами солдаты перваго корпуса. Когда войска приблизились къ казармамъ „Ташкишла“, по нимъ былъ открытъ оттуда огонь, и казармы эти пришлось обстрѣлять и почти разрушить артиллеріей, расположенной на сосѣднихъ высотахъ; только тогда гарнизонъ, потерявъ многихъ въ этомъ, длившемся нѣсколько часовъ боѣ, сдался.

Не менѣе отчаянно оборонялись защитники казармъ „Таксимъ“, нападеніемъ на которыя руководилъ Энверъ-бей. Этотъ молодой офицеръ, который въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ передъ революціей, переодѣтый и рискующій своею жизнью, переходилъ изъ одного македонскаго города въ другой и, несмотря на то, что кругомъ все кишѣло шпіонами, успѣшно вербовалъ сторонниковъ движенія среди гарнизонныхъ офицеровъ и солдатъ, — онъ, подобно своему другу Ніази, не желалъ никакой награды за свою патріотическую дѣятельность, но, одаренный скромностью не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ талантами, съ готовностью принялъ не сулящій никакихъ почестей постъ военнаго атташе въ Берлинѣ. Призванный изъ-за границы опасностью, грозившей его родинѣ, онъ присоединился къ арміи въ Салоникахъ, а 24-го апрѣля велъ черезъ площадь Таксимъ отрядъ регулярныхъ войскъ и волонтеровъ-мусульманъ, христіанъ и евреевъ, бокъ-о-бокъ сражавшихся противъ общихъ враговъ-мусульманъ: зрѣлище для Турціи совсѣмъ необычайное. Всѣ они, со своимъ молодымъ вождемъ во главѣ, показали себя храбрецами, но изъ оконъ казармъ по нимъ былъ открытъ такой убійственный огонь, что пришлось прибѣгнуть къ артиллеріи, чтобы принудить осажденныхъ къ сдачѣ. Сочувственно настроенныя массы помогли втащить пушки по крутымъ и узкимъ улицамъ, и былъ отерътъ огонь по казармамъ и сосѣдней караульнѣ, на очень близкомъ отъ нихъ разстояніи. Затѣмъ послѣдовалъ стремительный натискъ турокъ, болгаръ и албанцевъ, и защитники послѣ трехчасоваго сопротивленія, стойившаго нападающимъ многихъ убитыхъ и раненыхъ, выкинули бѣлый флагъ и сдались.

Но въ то время, когда велась такимъ образомъ осада казармъ, а на улицахъ Перы происходилъ рукопашный

бой, главнокомандующій македонскими войсками сдѣлалъ тщательныя распоряженія, чтобы сохранить порядокъ въ огромномъ городѣ и защитить гражданское населеніе. Для охраны каждаго посольства было послано по ротѣ солдатъ. Патрули изъ солдатъ и волонтеровъ ходили по улицамъ Перы и Галаты, убивая тѣхъ матросовъ и курдовъ, которые покушались грабить лавки, и арестовывая всѣхъ безъ исключенія солдатъ константинопольскаго гарнизона, попадавшихся имъ по дорогѣ. Въ Стамбулѣ войска захватили сотни шпионовъ, софтовъ и ходжей, которые, разбудивъ злыя страсти гарнизона и населенія, укрылись въ мечетяхъ. Около полудня спокойствіе въ Константинополѣ было восстановлено, а къ вечеру войска, занимавшія казармы Селиміе (въ Скутари), сдались македонскимъ полкамъ, переправленнымъ черезъ Босфоръ съ цѣлью принудить къ сдачѣ этихъ людей и перехватить бѣглецовъ изъ столицы.

Всѣ эти детали были заранѣе предусмотрѣны, а теперь съ поразительной ловкостью приведены въ исполненіе. Дисциплина, мужество и безупречное поведеніе македонскихъ войскъ вызвали удивленіе всѣхъ наблюдателей-иностранцевъ. Волонтеры съ горь, на видъ настоящіе дикари, бились столь же мужественно, какъ и регулярные солдаты, и поведеніе ихъ было примѣрно. Въ этотъ вечеръ почти двадцать тысячъ вооруженныхъ людей, гордыхъ только что одержанной побѣдой, были разсѣяны по всему пространству огромнаго города, и тѣмъ не менѣе не было замѣчено ни одного случая пьянства или какихъ бы то ни было безобразій. Подавленіе контръ-революціи дало міру хорошей урокъ, наглядно и на дѣлѣ показавъ ему, что за люди турки, и на что они способны. Это былъ триумфъ праваго дѣла, триумфъ защитниковъ свободы и справедливости, людей просвѣщенныхъ и истинныхъ патриотовъ, ополчившихся противъ тираніи, продажности, фанатизма и невѣжества.

Теперь, когда столица находилась въ рукахъ младотурокъ, и всѣ силы реакціи были окончательно раздавлены, было объявлено осадное положеніе и произведено нѣсколько тысячъ арестовъ; наиболѣе виновные понесли заслуженное наказаніе; къ остальнымъ же отнеслись снисходительно, потому что младотурки, заботясь о торжествѣ справедливости, въ то же время старательно из-

бѣгали всего, хотя бы только похожаго на мѣсть. Они раскассировали первый армейскій корпусъ и отослали мятежныхъ солдатъ въ Македонію, гдѣ ихъ заставляли работать на строящихся дорогахъ, столь необходимыхъ для страны. Тевфикъ-паша и его министры подали въ отставку, но остались на своихъ постахъ по настояніямъ депутатовъ и сохранили въ своихъ рукахъ временное руководство дѣлами.

Однимъ словомъ, младотурецкій режимъ былъ прочно восстановленъ людьми, дѣйствовавшими благоразумно и рѣшительно послѣ кризиса, принесшаго, въ окончательномъ итогѣ, пожалуй, больше добра, чѣмъ зла, потому что онъ очистилъ атмосферу и примирилъ между собою тѣхъ политическихъ враговъ, которыхъ всѣхъ объединяетъ общая любовь къ родинѣ и стремленіе сохранить конституцію.

Между тѣмъ обширный Ильдизъ-Кіоскъ, лишенный своей преторіанской гвардіи, былъ тѣсно окруженъ македонскими войсками; внутри находился султанъ Абдуль-Гамидъ, покинутый большинствомъ трусливыхъ придворныхъ, и ожидалъ своей гибели. Въ это самое время обсуждался вопросъ, дозволить ли ему оставаться на тронѣ, или низложить, или же казнить. Много нашлось такихъ, которые, несмотря на всю свою нелюбовь къ нему, полагали, что низложеніе или насильственная смерть султана можетъ повести къ нежелаемымъ послѣдствіямъ; они боялись, какъ бы такой шагъ не возбудилъ фанатизма жителей Азіи и не вовлекъ имперію въ международную войну и анархію. Съ другой стороны, многіе же сознавали, что послѣ всего случившагося невозможно мирное сотрудничество парламента съ Абдуль-Гамидомъ: младотурки были убѣждены, что султанъ нарушилъ данную имъ клятву и принялъ участіе въ реакціонномъ заговорѣ. Они утверждали, что если оставить Абдуль-Гамиду хоть крупицу власти, Дворецъ попрежнему будетъ служить центромъ интригъ противъ конституціи, и что если Гамидъ останется на тронѣ, онъ не будетъ, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ правителемъ только по имени, лишеннымъ всякаго авторитета, бдительно охраняемымъ и вѣчно подозрѣваемымъ, а на такого султана магометанскій міръ не будетъ смотрѣть съ уваженіемъ и откажется признавать его своимъ главой.

Младотурки рѣшили этотъ трудный вопросъ съ обычной своей рѣшительностью, отказавшись пойти на уступки и принявъ смѣлыя мѣры, которыя въ минуту опасности вообще оказываются самыми благоразумными.

Рано утромъ 27-го апрѣля Національное Собраніе устроило при закрытыхъ дверяхъ засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Саида-паши. Фетва, составленная по старинному обычаю въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ особымъ лицомъ (фетва эмини) и подписанная шейхъ-уль-исламомъ, была прочитана собравшимся членамъ. Она содержала слѣдующее: „Если мусульманскій имамъ кощунствуетъ и портитъ священные книги; если онъ присваиваетъ государственныя суммы, если, долгое время незаконно убивая, заключая въ тюрьмы и высылая своихъ подданныхъ, онъ, наконецъ, клянется исправиться, но затѣмъ вѣроломно нарушаетъ принесенную клятву; если онъ вызываетъ междоусобную войну и кровопролитія среди своего народа; если очевидно, что послѣ его удаленія въ страну вернется миръ, и если имѣющіе въ своихъ рукахъ силу и власть рѣшили, что этотъ имамъ долженъ добровольно покинуть свой постъ или быть силой смѣщеннымъ съ него, то позволительно ли настаивать на одной изъ двухъ послѣднихъ мѣръ?“ Отвѣтъ гласитъ „олуръ (дозволительно)“. Затѣмъ собраніе единогласно постановило низложить Абдуль-Гамида. Изъ парламента одновременно отправились двѣ депутаціи: одна къ Абдуль-Гамиду, а другая къ законному наслѣднику его престола, какимъ являлся младшій братъ Абдуль-Гамида, Магометъ-Решадъ-эффенди, чтобы возвѣстить первому объ его низложеніи, а второму объ его восшествіи на престолъ подъ именемъ Магомета V. Решадъ-эффенди, въ сопровожденіи толпы пестро одѣтыхъ, оборванныхъ, но восторженныхъ македонскихъ волонтеровъ, покинулъ тогда свою резиденцію, дворецъ Долма-Бахча, и поѣхалъ въ Сераскиратъ, гдѣ и былъ провозглашенъ султаномъ: салютъ въ сто одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о знаменательной новости непостоянному въ своихъ симпатіяхъ столичному населенію, которое теперь привѣтствуетъ новаго монарха, всякій разъ, когда онъ появляется къ народу, съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ нѣсколькими днями раньше оно встрѣчало Абдуль-Гамида. Въ продолженіе всего царствованія Абдуль-Га-

мида, братъ его Решадъ жилъ въ заключеніи, на положеніи государственнаго преступника, во дворцѣ Долма-Бахча, подъ надзоромъ преторіанской гвардіи, тщательно отрѣзанный отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Послѣ тридцати лѣтъ, проведенныхъ въ вынужденной, хотя и роскошной изоляціи, принцъ Решадъ помѣнялся теперь мѣстомъ со своимъ старшимъ братомъ, который съ трона попалъ въ заключеніе, въ то время какъ самъ онъ изъ заключенія взошелъ на тронъ. Новый султанъ—любезный человѣкъ, горячо любимый своими приближенными; онъ уже произвелъ благопріятное впечатлѣніе на тѣхъ иностранцевъ, которые были имъ приняты.

Новому монарху Турціи предстоитъ преодолѣть много трудностей и избѣгнуть много опасностей, но зато среди его подданныхъ есть горячіе патріоты, стремящіеся осуществить возрожденіе своей родины. Младотурки, преодолевая препятствія, искусились въ борьбѣ, и безъ страха смотрятъ впередъ на будущее Оттоманской имперіи. Они заслуживаютъ успѣха и обладаютъ тѣми качествами, какія отличаютъ людей, умѣющихъ доводить свои начинанія до удачнаго и желаннаго конца.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе къ русскому переводу	3
Предисловіе автора	9
Глава I. Упадокъ Оттоманскаго могущества. Турецкій народъ. Его достоинства. Мусульманскій фанатизмъ. Семейная жизнь	11
Глава II. Оклеветанный народъ. Жестокости. Симпатія европейцевъ къ Оттоманскимъ христіанамъ. Никому неизвѣстныя страданія мусульманъ. Политика „всѣхъ пожитковъ“	21
Глава III. Прежніе реформаторы. Дворецъ и Высокая Порта. Низложеніе Абдуль-Азиса. Начало царствованія Абдуль-Гамида. Судьба Мидхада-паши. Приостановка турецкой конституціи	28
Глава IV. Политика султана. Упадокъ имперіи. Камарилья. Распространеніе порчи. Изоляція Турціи. Пригнѣсенія турокъ-мусульманъ. Шпіонажъ. Запретъ, наложенный на все британское. Страданія арміи	84
Глава V. Націонализмъ на Востоку. Вліяніе на Турцію западныхъ идей. Турецкая литература. Новѣйшее литературное движеніе. Панъ исламизмъ Пробужденіе ислама. Распространеніе образованія	48
Глава VI. Зарожденіе младотурецкой партіи. Броженіе въ Сѣверной Албаніи. Турецкіе изгнанники въ Женевѣ. Младотурецкая организація въ Парижѣ. Пропаганда въ Турціи. Оттоманскій Комитетъ Единенія и Прогресса. Ахметъ Риза-бей. Присоединеніе армянъ. Парижскіе конгрессы въ 1902 и 1907 г.г.	55
Глава VII. Революціонная партія дѣлаетъ своимъ базисомъ Македонію. Опасенія иностраннаго вмѣшательства. Недовольство въ арміи. Племенная распря въ Македоніи. Греки и экзархисты. Салоники, какъ главная квартира общества. Франкъ-масоны въ Салоникахъ . . .	71
Глава VIII. Тайное общество. Обряды при поступленіи. Центральный Комитетъ. Методы пропаганды. Контршпіонажъ. Роль турецкихъ женщинъ въ подготовленіи	

революціи. Какъ младотурки привлекли на свою сторону армию?—Какъ они проникли въ гражданскую администрацію? 81

Глава IX. Что ускорило революцію. Манифестъ Комитета къ великимъ державамъ. Ревельское свиданіе. Усилия правительства подавить революціонное движеніе. Слѣдственная комиссія. Комитетъ осуждаетъ на смерть правительственныхъ агентовъ. Назимъ-бей пытается обнаружить тайный Комитетъ. Комиссія Измаиль-паши. Изъ Малой Азіи вызывается армія 93

Глава X. Ніази-бей. Его военная карьера. Рѣшеніе начать возстаніе въ Реснійскомъ округѣ. Ніази набираетъ отрядъ. Фидаи и ихъ обязанности. Манифестъ Ніази къ правительству. Ніази поднимаетъ знамя возстанія. Онъ и его отрядъ удаляются въ горы. Его обращеніе къ своимъ партизанамъ 103

Глава XI. Попытка Шемши-паши захватить отрядъ Ніази. Мѣры Комитета. Походъ Ніази черезъ Дибрійскій округъ. Его возваніе къ болгарамъ. Энверъ-бей удаляется въ горы. Смерть Шемши-паши 116

Глава XII. Успѣхи отрядовъ. Албанцы поддерживаютъ Комитетъ. Дружеская позиція болгаръ. Послѣднія усиія деспотизма. Анатолійскія войска посылаются для подавленія возстанія. Монастырскій вали предостерегаетъ правительство. Правительство интригуетъ среди грекъ въ. Возваніе Комитета къ грекамъ 128

Глава XIII. Ніази вызываютъ въ Охриду. Важная миссія. Комитетъ рѣшаетъ начать открытую борьбу. Сборъ фидаевъ. Походъ двухъ тысячъ въ Охриду. Счастливое предзнаменованіе. Монастырь неожиданно захваченъ ночью. Безкровная побѣда. Генераль Османъ-паша плѣнникъ Комитета 139

Глава XIV. Монастырь во власти Комитета. Провозглашеніе конституціи въ Монастырѣ. Ультиматумъ Комитета султану. Хильми-паша докладываетъ во Дворецъ о создавшемся положеніи. Увольненіе великаго визиря. Послѣднее засѣданіе Государственного Совѣта при старомъ режимѣ. Султанъ возвращаетъ Турціи ея конституцію 148

Глава XV. Послѣ революціи. Возвращеніе посланниковъ. Демонстраціи и всеобщее примиреніе. Прекращеніе четничества въ Македоніи. Двери тюремъ раскрываются. Повиновеніе народа Комитету. Прекращеніе стачки угольщиковъ. Бойкотъ австрійскихъ товаровъ. Отношеніе христіанскаго населенія 154

Глава XVI. Мѣры Комитета для упроченія конституціи. Армія, магометанское духовенство и пресса на сторонѣ Комитета. Конецъ камарильи. Оставленіе англо-русскаго плана. Сохраненіе старыхъ чиновниковъ. Сандъ-паша и Кіамиль-паша какъ великіе визиря. Назначеніе Хильми-паши великимъ визиремъ. Дружественное отношеніе къ европейцамъ 165

Глава XVII. Результаты австрійской аннексіи. Интриги реакціонеровъ. Паника въ столицѣ. Бунтъ дворцовой гвардіи Селямликъ. Главная квартира Комитета въ Константинополѣ. Некоторые члены Комитета. 176

Глава XVIII. Комитетъ готовится къ самоуправленію. Конгрессъ Комитета въ Салоникахъ. Соображенія въ пользу сохраненія его. Избраніе тайнаго Центральнаго Комитета. Идеалъ грековъ. Важность верховенства мусульманъ. Избирательная кампанія Комитета. Пропаганда посредствомъ театра. 184

Глава XIX. Программа младотурецкой партіи. Необходимость сильной арміи. Развитие естественныхъ богатствъ Турціи. Налоги. Политическая программа Комитета Единенія и Прогресса. Турецкій избирательный законъ. Выборы. Позиція грековъ 193

Глава XX. Открытіе парламента. Внутреннія неурядицы. Упреки по адресу Комитета Единенія и Прогресса. Отставка Кіаміля-паши. Національная партія въ парламентѣ. Либеральный Союзъ. Измаилъ Кемаль-бей. Кампанія противъ Комитета. Реакціонныя интриги. Испорченность нравовъ въ Константинополѣ. 207

Глава XXI. Контръ-революція. Требования мятежныхъ войскъ. Убіиства младотурокъ. Султанъ даруетъ амнистію. Новое министерство. Младотурки готовятся усмирить реакціонеровъ. Македонская армія идетъ на столицу. Пораженіе гарнизона и взятіе Константинополя. Низложеніе Абдуль-Гамида. Новый султанъ 218

